

Volume 19
№ 2 (67) 2023

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор Римского Университета Салиенца, Италия

Ван Чэнсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Восточной ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия

Ие Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Ишбаева А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия

Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований

Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Поттер Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тиаги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия

Доктор Герхард Шнайдер – профессор международного менеджмента и политической экономики, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.З. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 3 М.Ю. Кошмаров, А.Ю. Трубецкой
Правовой и пропагандистский
инструментарий глобальной революции
- 15 М.В. Пупышева, А.С. Зуев
Внутриполитическая конъюнктура
современной Мексики: состояние
и перспективы развития

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 24 В.В. Пчелинцева
Реализация права на выбор культурной
системы исламскими государствами:
сравнительный анализ
- 37 О.Г. Григорьева, В.В. Наумкин
Особенности государственной регистрации
прав на недвижимое имущество на территории
Республики Крым в 2014–2022 гг.
- 46 Т.Ю. Амплеева
Правовая природа княжеской власти
в Древней Руси

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- 54 О.С. Волгин, Е.С. Карсанова
Постигаая социальное государство
- 62 Е.Б. Завьялова, Т.Г. Кротова, А.В. Бунякова
Влияние ESG на конкурентоспособность
компании
- 71 Ю.А. Левин
Финансовая глобализация: теоретические
и практические аспекты дисбалансов
рынков капиталов

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN
EDITORIAL BOARD:**

Francesco Adomato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Asenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D., Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Digital Transformation, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. **Stephen Guangpeng Dong** – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of State Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potter Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. **Gerhard Schnyder** – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of Integration and Human Rights Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF MODERN CIVILIZATION

- 3 **Mixail Yu. Koshmarov, Alexey Yu. Trubetskoy**
Juridical and Propagandistic Tools
of the Global Revolution
- 15 **Maria V. Pupysheva, Artem S. Zuev**
The Domestic Policy Conjunction
of Modern Mexico:
State and Prospects for Development

LAW IN THE MODERN WORLD

- 24 **Valeria V. Pchelintseva**
Implementation of the Right to Choose a Cultural
System by Islamic States:
a Comparative Analysis
- 37 **Olga G. Grigorieva, Vsevolod V. Naumkin**
Characteristics of State Registration
of Rights to Real Estate on the Territory
of the Republic of Crimea in 2014-2022
- 46 **Tatyana Yu. Ampleeva**
The Legal Nature of Princely Power
in Ancient Russia

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 54 **Oleg S. Volgin, Elena S. Karsanova**
Understanding the Social State
- 62 **Elena B. Zavyalova, Tatyana G. Krotova,
Anastasia V. Buniakova**
ESG Impact on Corporate Competitiveness
- 71 **Yuri A. Levin**
Financial Globalization: Theoretical
and Practical Aspects of Capital Market
Imbalances

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век.
Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

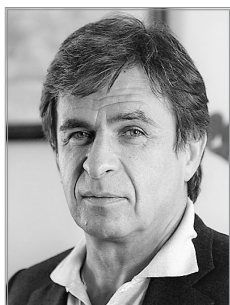
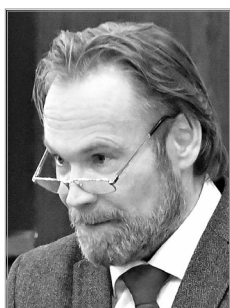
The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

Article

JURIDICAL AND PROPAGANDISTIC TOOLS OF THE GLOBAL REVOLUTION

Mixail Koshmarov*
Alexey Trubetskoy**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-3-14

Introduction. The article examines political technologies and propaganda used in global transformations of modern and contemporary history, as well as history of the recent decades. The object of the research is modern society. The subject of the research is the transformation of society in recent decades and methodology of transformations.

Materials and methods. The article presents a comparative analysis of revolutions in England, France, the USA and Russia from the propagandistic and political technology points of view. A comparative study of such legal documents as the Bill of Rights (1689), the Declaration of Independence (1776), the Declaration of Human Rights (1789) is conducted. The obtained data are applied to analyzing the aspects of the global ecological revolution. The key propaganda and political technology patterns are revealed. The research is carried out by historical, comparative and analytical methods. The data are taken from open sources and scientific literature. The research methodology is the analysis of the selected facts. The purpose of the study is to identify patterns and predict the vectors of globalization development.

The results of the study. The results of the study clearly illustrate the thesis about the global transformation of society that began in 2015; the main events of this period are analyzed.

Discussion and conclusion. The article presents a comparative analysis of revolutions in England, France, the USA and Russia from the propagandistic and political technology points of view. The obtained data are applied to analyzing the aspects of the global ecological revolution. The key propaganda and political technology patterns are revealed.

The conducted research makes it reasonable to conclude that the political component in the global ecological revolution that has begun is of high priority. Propaganda and political technologies are the main means to implement challenges of the global ecological revolution that aims to establish control over humanity's consumption of world resources.

* **Mixail Yu. Koshmarov**, Candidate of Technical Sciences, Director for development of innovative technologies, Russian Social and Business Promotion Center, Russia
e-mail: mk69@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-6166-5186

** **Alexey Yu. Trubetskoy**, Doctor of Psychology, President of the Russian Social and Business Promotion Center, Russia
e-mail: president@rppc.ru
ORCID ID: 0000-0002-4309-4137

Introduction

Having embarked upon the path of globalization, humanity becomes more and more dependent on processes that it cannot always keep under full control. These global processes include digitalization, change of an economic model, changes in society, exponential population growth, reduction of irreplaceable planet resources. Each of these processes develops with its own logic, but they are strongly interconnected with each other. New arising numerous interrelations become increasingly difficult to analyze; this reduces the quality of forecasting and, as a result, complicates planning.

The first and the most important of these processes is digitalization, or the Fourth Industrial Revolution in the terminology of the globalist Klaus Schwab [1]. This means the digitalization of the planet. Such US corporations as Google, Meta, Microsoft, Apple, and Amazon lead this process. They are grouped together in the media and scientific literature and are called the Big Tech, or The Big Five.¹

The goal that this group is declaring is *to digitize it all*. That is, to create the internet of things (IoT), to digitize nature and humanity. The purpose is to collect, storage and process big data to develop behavioral forecasts [2]. This allows us to talk about new opportunities in the field of population management, especially in relation to such categories as consumption, saving and investing in the terminology of John Maynard Keynes [3].

Moreover, one should keep in mind published results of a research of an electoral process – for example, a publication in the journal *Nature* about a Facebook experiment with 61 million users/voters [4].

These network electoral political technologies are already working and are constantly being improved. A good example of this is the *succes de scandale* of Cambridge Analytica on the Brexit and Trump vs Clinton campaigns.

«In the political realm, the world is entering an era in which big data-driven AI systems are informing growing aspects: the design of political messages; the tailoring and distribution of those messages to various demographics; the crafting and application of disinformation by malicious actors aiming to sow social discord;

and the design and deployment of algorithms to detect, identify, and counter disinformation and other forms of harmful data. As a result, the prospects for free society, even free will, may be altered» [5. P. 28]. This is a quote from the book *The Age of AI*, which has Eric Schmidt, a billionaire and an ex-director of Google, among its co-authors.

The second global revolutionary process is a change in the economic model of consumer society. 40 years of neoliberal economic policy have united exchanges and banks into some sort of a global community that one can indeed consider a derivative casino. Nowadays, the volume of transactions with real commodities is massively smaller than the volume of speculative transactions. The mortgage crisis, or «the peak of globalization», according to Jeremy Rifkin [6], showed how dangerous this speculative model could be.

That said, speaking long-term, the global economy can no longer count on consumption that is growing annually and is provided by the middle class of developed countries. The middle class in these countries is shrinking, and living standards are changing in the direction of saving. Under distracting propaganda narratives, the elites of developed countries gradually and imperceptibly changed the social contract in their favor [7]. Over the past 30 years, prices for education, medical care and housing in Western countries have increased manifold [8. P. 74]. The labor army of migrant workers in developed countries works in place of a significant part of the locals who live on welfare, which is quite comparable to these migrant workers' wages². This allows the elites to increase their incomes and at the same time cools down the labor market. With this, a multimillion middle class, which could be compared with the European and the US ones, has appeared in developing Asian countries, and it should be taken into account in global political and economic forecasts.

The third revolutionary transformation is the change of society in both developed and developing countries. Smartphones and social networks/platforms have created a *homo digital*. Such a human perceives and processes information differently, and thinks in a different way. The Internet has changed the social structure of the planet, reduced resistibility of social bonds,

¹ There are also names *The Tech Giants* and *S&P5*.

² Details of today's economy transformation is considered in M. Yu. Koshmarov and A. Yu. Trubetskoy *Economic Theories and the Evolution of Propaganda* // The World of New Economy. 2017. No. 4, pp.48-54.

and developed the need for *overconsumption of information*. The digital crowd created by social networks using astroturfing technology, partly consisting of bots, is a single phenomenon. Today, new technologies reduce cognitive levels of the majority of the population and are already able to regulate many social processes. People become media consumers locked in their personal *info-capsules*. Streams of distracting information instead of systemic knowledge put users into a trance that increases suggestibility. Moreover, some private individuals who were not chosen and legally authorized to lead the society carry out the management of social platforms. The decision-making process in the Big Tech is a black box for society.

The next point is that over the past three hundred years, the human population has increased more than tenfold. In the three-volume research of civilization, economics and capitalism, Fernand Braudel, a French historian, presented arguments for two main reasons of the planet population's exponential growth that overlapped in the 18th century: the end of the Little Ice Age and the Industrial Revolution [9. P. 49]. Before that, the Earth population had been increasing smoothly and moderately for millennia after millennia. In the 20th century, explosive growth of scientific and technological progress, as well as significant population growth, necessitated the most accurate estimation of the planet resources and long-term forecasting.

New technologies are changing the economics and raising the standards of living; this causes population growth. The speed with which such changes occur is so significant that humanity is hardly ready to realize the changes that have taken place. Humanity has found itself in a new reality without fully understanding it.

This article is an attempt to look at revolutionary transformations of the last centuries through the lens of propaganda, political technologies and juridical documents that recorded the results of revolutions. We use the term propaganda here closer to its original meaning of the late Renaissance – that is, the spread of faith. We call the methods of this spread technologies, and by political technologies we mean ways of transforming power. To prove our theses, we will need a historical background and a comparative analysis of several juridical documents: the English Bill of Rights, the American Declaration of Independence, and the French Declaration of Human Rights. We will also need to analyze the events preceding the creation of

these documents. We will make the comparison with regard to propaganda mechanisms and political technology practices.

The data we have presented and analyzed allow us to draw the following conclusion: in the last decade, a global reformatting of the existing political and economic system – a revolutionary transformation, also called «The Global Ecological Revolution», has begun. At the same time, we by no means dispute the fact that *people and the planet* are no more a symbiotic system [10]. However, ecology is just a means, but not the aim of the global revolution. Western ecological rhetoric retouches its political goals – that is, controlling natural resources on a global scale.

Study

The above-mentioned transformations affect each and every field of society – first of all, its ethics and aesthetics. The Renaissance aroused interest in ancient philosophical views, including anthropocentrism. Later, the Enlightenment proclaimed a new paradigm of humanism and faith in reason. Being ministers of the new cult of reason, scientists were discursively equated by the Enlightenment with the clergy, and the Church, in turn, lost its monopoly to preach the truth.

The initial impulse of this process seems an important matter. Establishing dozens of universities, the beginning of the Gutenberg era, exploring rich territories ten times the size of Europe, the transfer of financial centers from Southern to Northern Europe – all this changed the spirit of the times. Martin Luther, a German theologian, rethought the rules that absolutized the power of the Vatican while translating the Bible into German for mass printing. In 1517, he expressed his thoughts in the form of *Ninety-five Theses* and thereby launched the process of the Church reforming. This process, which divided Europe into Protestants and Catholics, completely coincided with the interests of the Northern Europe elites – that is, to stop paying Rome.

Thus, the driving force of the Reformation was largely the Northern and Central Europe elites' desire to become politically and economically independent from the Vatican. But how did it lead to *Le Culte de la Raison*? Should we take the count from Descartes, or from Cromwell? It seems to us that it was the processes in English politics that largely determined the fate of Europe onwards, and the countdown of the humanism era actually began with the execution of King Charles. This thesis requires clarification.

In 1534, the Parliament passed the Act of Supremacy [11], which transferred the right of Henry VIII to be the Supreme Governor of the Church of England on earth, thereby severing ecclesiastic ties with Rome. The British did not reject God, but only the Pontiff, and gave their monarch the authority to be the head of the Church. Later on, Queen Elisabeth cemented this process by the *Act of Supremacy* 1558 [12].

The Reformation in England led to selling church lands, which also served the interests of Dutch capital, exiling peasants from these lands and, as a result, the impoverishment of the peasantry.

«The process of forcible expropriation of the people received in the 16th century a new and frightful impulse from the Reformation, and from the consequent colossal spoliation of the church property. The Catholic church was, at the time of the Reformation, feudal proprietor of a great part of the English land. The suppression of the monasteries, hurled their inmates into the proletariat [13. P. 792]. These immediate results of the Reformation were not its most lasting ones. The property of the church formed the religious bulwark of the traditional conditions of landed property. With its fall these were no longer tenable» [13. P. 794].

Karl Marx, the author of these theses, lived and worked in London for a long time and was buried there, so he knew very well how the Capital of the World of that time was organized.

These changes led to consequences that were even more significant: as a result, the royal throne gave in, too. In 1649, 59 commissioners of Oliver Cromwell's «High Court of Justice» voted for King Charles's beheading. 40 years later, the *Glorious Revolution* took its place, and it de facto brought English and Dutch capital into power; according to Braudel, they already had many properties of modern global TNCs. This was also the time when the English social contract was transformed: in 1689, The Bill of Rights was created [14].

In many ways, the Bill became the prototype of the US Declaration of Independence (1776), the French Declaration of Human Rights (1789), and later on, the Universal Declaration of Human Rights passed by the United Nations in 1948 in New York. These consonant documents became the basis of the modern global social contract.

It is worth noting that John Locke, one of the Enlightenment classics, was the son of an officer in Cromwell's army, and all his political theses fully correlated with his biography (unlike Thomas Hobbes, a monarchist who was forced to emigrate from England to Paris).

Nevertheless, Locke believed that any new laws must «be conformable to the Law of Nature, go i.e. to the Will of God».

«Thus the Law of Nature Stands as an Eternal Rule to all Men, Legislators as well as others. The Rules that they make for other Mens Actions, must, as well as their own and other Mens Actions, be conformable to the Law of Nature, go i.e. to the Will of God, of which that is a Declaration, and the fundamental Law of Nature being the preservation of Mankind, no Humane Sanction can be good, or valid against it» [15, p. 358]. It made perfect sense for those times and complied with Descartes and Newton's views preaching and advocating the following: God is a watchmaker, the root cause that «launched» the Universe as a kind of a global mechanism. Deism that proclaimed God as the Creator, and pantheism with its concept of God as the Universe, were the dominant philosophical and religious concepts among the intellectuals of that era.

Despite the similarities of the English Bill of Rights (1689) and the French Declaration of Human Rights (1789), the revolution in France was anti-Christian, and there was no word «God» in the main document of France: «En conséquence, l'Assemblée Nationale reconnaît et déclare, en présence et sous les auspices de l'Etre suprême, les droits suivants de l'Homme et du Citoyen» [16].

This slightly differed from the English God-pleasing statement:

«Whereas the Lords Spiritual and Temporal and Commons assembled at Westminster, lawfully, fully and freely representing all the estates of the people of this realm, did upon the thirteenth day of February in the year of our Lord one thousand six hundred eighty-eight [...]» [15].

Not without interest was the terminology used in the United States Declaration of Independence:

«We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness» [17]. That is, equal before God (the Creator).

The Declaration also uses the following wordings: Nature's God, Supreme Judge of the World, Divine Providence. This is seen as some sort of an ideological cocktail of deism and pantheism. This politically correct balancing act was caused by the fact that the text of the Declaration was created by American elites (for which the Founding Fathers cliché is often used) for passionate Protestant believers, whose faith

was the engine of the United States economy, the basis of Protestant ethics and the spirit of capitalism, according to Max Weber [18].

In revolutionary France of 1793-1794, «The Cult of Reason» and «The Cult of the Supreme Being» seemed more like madness. «The feast of reason in the Notre Dame Cathedral» in November, 1793 can be considered as the peak of this ill-advised manifest of the revolution³. This bacchanal of temples desecration lasted two years and ended with beheading of all the cult leaders, including Maximilian Robespierre, the inspirer of *La Grande Terreur*. In this case, it is quite possible to consider the axe, the gallows and the guillotine an effective political technology, consolidating a new social contract.

The role of the US Declaration of Independence co-author and Enlightenment notionalist Thomas Jefferson in the fate of France is worth noting. He was the US Ambassador to Paris from May 1785 to September 1789, and was at least a witness to the storming of the Bastille. Jefferson's eight-year presidency of 1801-1809 faced the «Louisiana purchase» – a discounted purchase of two million square kilometers of land from France; this almost doubled the territory of the United States. The discount derived from the fact that the United States had refused to pay debts to the young French Republic in 1794, and in 1796, they had begun an undeclared war with France (*Quasi-guerre*), during which the United States took the city of New Orleans.

It may be further noted that the French Enlightenment philosophers, especially Voltaire and Jean-Jacques Rousseau, indirectly prepared the Great French Revolution that caused France riots, the Napoleonic Wars, the loss of a significant part of the colonies and, as a result, the loss of European leadership. For example, in Rousseau's treatise *On the Social Contract, or the Principles of Political Law* (1762), the final chapter *On Civil Religion* said that Christianity was the worst religion for a state, because it was unable to resist conspiracies.

«For the State to be peaceable and for harmony to be maintained, all the citizens without exception would have to be good Christians; if by ill hap there should be a single self-seeker or hypocrite, a Catiline or a Cromwell, for instance, he would certainly get the better of his pious compatriots [Christians]» [19. P. 202].

Going forward, Rousseau described a scheme of a new ideological construct, where the State came first, and the Deity was left aside.

The religion was a feature of a citizen, not a person.

Rousseau's ideas paid off: both the Jacobins and the Thermidorians, and later Napoleon, largely relied on his theses. These principles, among other things, helped Napoleon build the first European Union by destroying the 1,100-year-old Republic of Venice, and then the Holy Roman Empire. In the end, he lost.

A centuries-long confrontation between France and England ended in 1815 with the Vienna Conference. The United Kingdom became the first global superpower; the British pound was proclaimed the main reserve currency, with London becoming the Capital of the World and the first city with a million-plus population in Europe, the second one after Beijing on the planet.

«It was a way of regionalizing Europe, of limiting, of course, the power of each of the European states, but so as to allow England a political and economic role as economic mediator between Europe and the world market, so as to globalize the European economy through the mediation, the relay of England's economic power» [20. P. 60].

Thus, England modified the economic connotation of the Westphalian balance that existed before, when the world had been the economic domain of Europe [20. P. 55]. It is also important to add that Europe did not come after Rome and the Empire of Alexander the Great. The United Kingdom was much closer to creating a new global empire using a single language. Nowadays, it is the USA.

We are digging so deep into a historical background to illustrate how almost identical ideological concepts bring victory to some countries and defeat to other. If we evaluate the Enlightenment from the political science point of view, then we should first look at the results, and they clearly indicate the victory of The United Kingdom.

The idea of organizing rebellions among the enemies is as old as the hills and is not an invention of the British. However, in this case, there is an export not only of a revolution, but also of a certain ideological package, including the final mutiny, execution of the Suzerain, and terror and changes of the elites.

Oliver Cromwell succeeded in this with the support of Dutch and English transnational capital, and the same scenario, but with regressive consequences for the country, was imple-

³ In 1924, Ivan Alekseyevich Bunin, a Russian writer, while in exile in Paris because of the Russian Revolution rampant terror, wrote the story *The Goddess of Reason* – a very accurate work from a historical point of view.

mented in France in 1789-1799. The history repeated itself in Russia in 1917-1922.

In contemporary history, it was the export of liberal ideology that caused the events of 1989-1993. The symbol of this period was the fall of the Berlin Wall; it culminated in the collapse of the USSR. Then, a trail of color revolutions, using theoretician and applied researcher Gene Sharp's technologies, followed around the world.

In 1848, Karl Marx and Friedrich Engels published *The Communist Manifesto* in London [21], in which they outlined the new planetary order that, in their opinion, would take shape after the Communist Revolution. The world elites were challenged, and this challenge proclaimed Communists' intentions to seize political power by force, abolish property and trade, family and nationality - that is, to level the existing world to the ground. From the scientific point of view, the document is very controversial, but from the propagandistic and political technology points of view, it is quite crucial. Having outlined the new world order, these two young men (28 and 30 years old) declared a new international (global) community of the poor and came up with a very ambiguous name for it - the proletariat; further on, they appointed the bourgeoisie (or rather, everyone who had something to «expropriate» and «confiscate») the antagonists of the proletarians.

It is significant that the first version of the Manifesto, published by Engels in London in 1847, which was called *Draft of a Communist Confession of Faith* [22], was less radical than the final Manifesto. It consisted of 22 questions and answers and resembled Martin Luther's *Small Catechism*⁴ (a brief Christian doctrine for teaching children).

After the final «canonical» version of the Manifesto was published, Marx, inspired by its success, spent all the following years trying to scientifically substantiate the theses of the Manifesto in his fundamental work *The Capital*. He went into detail about the processes of the industrial, agricultural, and the land ownership revolutions, the development of the monopolistic society of Dutch colonial trade, «the revolution of the world-market, about the end of the

15th century»⁵, ignoring the fact that the gold of Northern Italy and Spain had first appeared in Holland and then had reached an unprecedented concentration in London. It was this very circumstance that was the engine of the economic, political and most other processes of that time, including the First Industrial Revolution; Braudel pointed this out in his three-volume book quite rightly.

In other words, it is necessary to take into account not only what Marx wrote about in his unfinished three-volume book⁶, but also what he kept silent about. Thus, given Marx's biography, his twenty-year work to prove his own Manifesto about «the ghost of communism» can be considered as an attempt to give revolutionary technologies that had so successfully proven themselves in France a scientific or, perhaps, a religious shape.

«He no doubt lacked the statistical data needed to refine his predictions. He probably suffered as well from having decided on his conclusions in 1848, before embarking on the research needed to justify them. Marx evidently wrote in great political fervor, which at times led him to issue hasty pronouncements from which it was difficult to escape. That is why economic theory needs to be rooted in historical sources that are as complete as possible, and in this respect, Marx did not exploit all the possibilities available to him» [7. P. 10].

Nevertheless, it worth noting that it was quite an influential work in the field of political economy for its time. A professional revolutionary, and not an armchair scientist, Vladimir Lenin did not see the entire European political mechanism, if we judge by his work *Imperialism: The Highest Stage of Capitalism* [23]. First of all, he saw a political technology potential in Marx; he did not see an economic doctrine, but a global ideology, a new *Universal Church* in the terminology of Arnold Toynbee [24].

Lenin's text often contains non-scientific, colloquial and even slang expressions. This provocative identity of the proletarian leader somewhat reduces the scientific nature of the brochure; nevertheless, this text is considered the basis of Leninism.

⁴ Jean Calvin was 26 when he published his *Christianae religionis institutio*. Structurally, it was a greatly expanded Luther's *Catechism*. Later, when Calvin began to lead the city community of Geneva, being guided by his work, he burned people in the city squares. More than 50 people were executed by Calvinists in Geneva.

⁵ K. Marx: «When the revolution of the world-market, about the end of the 15th century, annihilated North Italy's commercial supremacy [...]» [12. P. 788].

⁶ Only the first volume (published in 1867) of *Three-Volume Edition* is completed. Marx died in 1883 before completing the other two volumes. Later Engels published them based on the manuscripts that are not always completely clear.

Adding a story to the house of *The Capital*, Lenin knew from an intimate impulse that the teaching of Marx is omnipotent not because it is true, but because it is religious. At that time, only few people in Russia could understand all the subtleties of the Marxist argumentation. Recent converts learned short excerpts from *The Capital* by heart, like a prayer. It did not require understanding, it only needed faith; both the proletariat and the peasantry could believe in the bright future promised by the bearded, almost biblical prophet, under certain circumstances. That, in our opinion, is the core of Leninism - to create a new religion, and then a revolution in a non-capitalist, peasant country can be served up.

In his article *A Short View of Russia*, John Maynard Keynes introduced the following thesis: «We shall not understand Leninism unless we view it as being at the same time a persecution and missionary religion and an experimental economic technique» [25. P. 262].

«How can I accept a doctrine which sets up as its bible, above and beyond criticism, an obsolete economic textbook which I know to be not only scientifically erroneous but without interest or application for the modern world?» [25. P. 258] Keynes's most famous work, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* [3] – that is, the Keynesian theory, did not quote or mention Lenin.

The second significant point in Lenin's «Imperialism...» was the trend of colonization and monopolization to develop towards modern TNCs, the main beneficiaries of globalization. With all his adventurism and thanks to it, Lenin saw a rival of the planned communist international – it was the emerging global cartel of bankers. He called this process «the internationalization of capital». While observing the processes of globalization today, it is important to note how fair a Rudolf Hilferding's phrase, quoted by Lenin in his work, is: «*Finance capital does not want liberty, it wants domination*» [23. P. 114].

Although Lenin did not refer to an extensive and very detailed work *The Accumulation of Capital* [26] that Rosa Luxemburg had published in 1913, and which was familiar to everybody

in revolutionary circles of Western Europe, he uses its main idea: capitalism cannot exist in a closed system.

We agree with Rosa Luxemburg that from the economic point of view, the Marx's theory was at least incomplete and could confuse a reader without trying to resolve the problem: «After the breakdown of all conceivable attempts at explaining accumulation, therefore, after chasing from pillar to post, from A I to B I, and from B I to A II, we are made to fall back in the end on the very gold producer, recourse to whom Marx had at the outset of his analysis branded as 'absurd'. The analysis of the reproductive process, and the second volume of *Capital*, finally comes to a close without having provided the long sought-for solution to our difficulty» [26. P. 127].

In this incomplete form, *The Capital*, in our opinion, is the ideal model for a vacuum⁷. However, economics was not an end in itself: Marx created *The Capital* in London as a political technology material to work with European and Russian intellectuals and the bourgeoisie in order to implement the projects similar to the French July 14. It was no coincidence that Marx wrote so much about the suffering of children, setting the boundaries of international revolutionary discourse: «[...] in the second half of the 19th century, has here and there been effected by the State to prevent the coining of children's blood into capital» [13. P. 298].

«It did not, however, prevent them, during 10 years, from spinning silk 10 hours a day out of the blood of little children who had to be placed upon stools for the performance of their work» [13. P. 321].

«A great deal of capital, which appears today in the United States without any certificate of birth, was yesterday, in England, the capitalized blood of children» [13. P. 829].

In the first volume of *The Capital*, suffering children and child labor are mentioned more than a hundred times; it looks more like an appeal to pathos than to logos, and it is a technique which is well-known from the times of demagogues in the Athenian democracies.

It should be noted that *the spell of Marx*⁸ was quite strong until the second third of the

⁷ Speaking about «the ideal model for a vacuum», first of all, the following (but not the only) important contradiction of *The Capital* is meant:

«[...] Marx's theory implicitly relies on a strict assumption of zero productivity growth over the long run [11. P. 27].
«[...] Marx totally neglected the possibility of durable technological progress and steadily increasing productivity, which is a force that can to some extent serve as a counterweight to the process of accumulation and concentration of private capital» [11. P. 10].

⁸ A reference to the book *Open Society and Its Enemies* by K. Popper. *Volume One: The Spell of Plato* [28].

20th century. For example, Roland Barthes in his book *Mythologies* [27] vividly described the mechanisms of using political myths, precisely from Marxist positions; he had no clue that he himself was inside the myth and, looking at the world through the Marxist lens, did not correctly assess the distortion degree of such a method.

Both Lenin and Marx agreed that capital, like the world revolution, at its extremes strived for a total monopoly on political and economic power. Remarkably, until the 1920's, Protestant ethics and faith in God were the basis of the world view of North Americans, Australians and Protestant Europeans – their software pre-installation, their BIOS⁹.

After the World War I, the concept of God in the media narratives began to get gradually devalued, and after the World War II it was finally removed from its leading positions. The growth of atheism opened the Pandora's Box: it soon became clear that in the 20th century it was enough to get a monopoly on propaganda or political technologies to solve almost any political or economic problems. The best work in this field, in our opinion, is *Manufacturing Consent* by Edward Herman and Noam Chomsky; the authors took the following lines from a treatise (1642) by John Milton, an English poet of Cromwell's time, as the epigraph: «*They who have put out the people's eyes, reproach them of their blindness. John Milton*» [29].

Herman and Chomsky consider propaganda as a consequence of the corporate state domination and a global system, in which all elements are not random. This is especially noticeable in the information field, in which up until recently it was allowed to have only two opinions: the one that coincides with the mainstream, and the one with non-fundamental deviations from the mainstream. The mainstream in one form or another becomes the content of propaganda that should convince the majority of society that the state policy is correct (because no state can act without the consent and approval of the majority of its citizens). *The Gatekeepers*, following the instructions of corporations and the state, are responsible for the content of the mainstream. Being a Gatekeeper gives one many opportunities to define the boundaries of discourse for the nation and its most important groups. In this case, the discourse is understood as a set

of topics that are commonly discussed in public space, as well as the rules of how to approach these topics and their discussion.

The result of the Gatekeepers' work is an artificial picture of the world, which may poorly correlate with reality, but is imposed on people who are getting used to living in this new reality and react very painfully to any attempts to destroy it.

The production of propaganda is a continuous process. It is literally daily, very expensive and capital-intensive. It is impossible to cut into the flow of propaganda and count on success, even if one is spreading the pure truth. The system is configured in the way that the noise will silence signals. Thanks to the information noise multiplied by channels of distributing information, it is easy to mistake the truth for a lie. Propaganda blinds and deafens the masses, deprives people of basic concepts of good and evil, true and false, acceptable and unacceptable. Propaganda prevents forming and preserving an individual's own opinion that might not coincide with the theses of propaganda. However, that is not all: people with such views also get marginalized. Propaganda is the process of reproducing the dominant ideology, which claims to be a civil or a political religion.

Despite the fact that Herman and Chomsky wrote their book more than 20 years ago, it makes sense to evaluate current ecological agenda using their methodology. Today's Gatekeepers, the moderators of global and national agendas, typically come from the families which hold ranking places in the corporate world or politics; since childhood, the Gatekeepers have been accustomed to understanding the interests of their circles and to joining propaganda campaigns on cue. Many British dynasties are several hundred years old, and they have the interests of the Empire at the level of instincts. In the United States, dynasties or clans have also become a tradition.

Following Plato, the Founding Fathers of the United States saw the rulers of the future as enlightened and benevolent philosophers who would protect true interests of the country from «the malice» of the democratic majority in an enlightened and benevolent way, sometimes with the help of educational and enlightenment propaganda.¹⁰ According to the study by Emilio

⁹ Comp. Basic Input/Output System.

¹⁰ It should be noted that manipulative propaganda techniques were clearly formed only in the 20th century, during the World War I, precisely in British and American societies, according to Bernays, Lasswell and Lipmann. Later on, these techniques and practices were conceptualized into a theory that has become scientific classics today.

Gentile, «The first real religions of politics appeared during the American and French revolutions as a set of beliefs, values, myths, symbols, and rituals that conferred a sacred quality and meaning on the new political institution of popular sovereignty» [30. P. XVI].

The main myths of the new political religion are the following: America is the City on the Hill, a new Jerusalem, and the Americans are the new people of God chosen to save mankind.

«The impact of industrialization and global competition caused faith in democracy to be increasingly identified with faith in the 'manifest destiny' of the American nation, now conceived as the onus on the Anglo-Saxon race to expand. Seen in this light, the civil religion's accentuation of its nationalistic, racist, and imperialist tones tended to take on the characteristics of an intolerant and fundamentalist political religion that reserved full membership of the national community blessed by God to Americans of Anglo-Saxon stock» [30. P. 24].

These myths of the civil religion are very effective in the 21st century. «I liked reading the Constitution partially because its ideas are great, partially because its prose is good, [...]» [31. P. 176]. These lines were written by Edward Snowden, a sincere USA patriot, in his book *Permanent Record*; he informed the Fourth Power – the press – about the danger of impending digital dictatorship of the Five Eyes intelligence community and the IT-giants supervised by it.

Details about cooperation of the intelligence community with Google and other IT corporations can be found in the 700-page study *The Age of Surveillance Capitalism* by the US sociologist Shoshanna Zuboff [2].

The United States economic success has included contributions from millions of idealists, dreamers, inventors, entrepreneurs – that is, the efforts of patriotic strong believers.

Still, an important addition should be inserted here about «[...] the original sin of simple robbery, which centuries ago had made possible the 'original accumulation of capital' (Marx)» [32. P. 148]. In the case of North America, this means near-complete destruction of the indigenous population and more than two centuries of having a slave-owning system, one of the most brutal in history, based on racism.

The good morals and ethics of Protestants were used for their own kind, whereas natives and slaves were not considered equal. This, unfortunately, largely determines the narratives of the Western countries in relation to the whole world today.

And more and more additional sins are needed to preserve the system in the terminology of Hannah Arendt's *The Origins of Totalitarianism* [32].

It is worth noting that the American ideological model began to transform in 1913, after the Federal Reserve System had been established; it was finally formed after 1945, when the United States undertook almost all the functions of a global superpower, «the savior of mankind». The brave new world saw success as a measure of legitimacy, and the market a criterion of truth, according to Michel Foucault. This ideology of consumption has changed economics over time. The neoliberals of Chicago School received *carte blanche* and lifted the restrictions of the Keynesian system. The neoliberals (more often called neoconservatives in the USA) presented self-liquidation of the socialist block (1989) as their own achievement and used it as a proof that their agenda is correct; they also used it to justify even greater powers of deregulation and liberalization. (Later on, this became the reason for the Global Financial Crisis – the GFC – in 2007-2008.)

This created a unique situation when globalists (capital striving for domination) de facto began to dominate the planet. In the second decade of the 21st century, they tried to convert this dominance into a set of legal documents – namely, the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP)¹¹, the Trans-Pacific Partnership (TPP) and the top-secret Trade in Services Agreement (TiSA)¹². After all three agreements would be ratified, TNCs could become subjects of international law. Donald Trump, *The Black Swan*, tore up this long-prepared project on the third day after his inauguration¹³, considering it «a bad deal» for the country and for the American people. He undertook this demarche as a part of his ultra-patriotic program «Make America Great Again». This slowed down, but did not cancel the plans of the globalists. Meanwhile, the painstaking work to create an ecological alarmist agenda was underway; it

¹¹ Also an agreement with Canada *Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA)*.

¹² Available at: <https://wikileaks.org/tisa-financial/> (accessed: 03.05.2023).

¹³ Tharoor I. Trump kills TPP, giving China its first big win. // Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/24/trump-kills-tpg-giving-china-its-first-big-win/> (accessed: 03.05.2023).

peaked in 2015. In that ecological sensation-rich year, the document Sustainable Development Goals until 2050 was agreed and published in the UN [33].

However, if we carefully study the scientific reports preceding the adoption of this UN document, e.g. [10] and subsequent, e.g. [34], it becomes clear that the plans of the globalists go much further. They consider creating of a single global center for monitoring and managing natural resources consumption and controlling population changes the necessary and the only option for the future of the Earth. To implement the plan of the global planet governance, a new civil or political religion will be wanted; today, various ecological movements are forming it. The core of this new ecological ideology being driven home to young people implies the commonness of the rights for air, water and any minerals for all people of the Earth. The idea is that when the generation with such *firmware* enters adulthood by 2050, the Global Revolution will be able to near its completion.

Conclusion

At the current stage of globalization, which started in 2015, the long-term trend calculated gradually until 2050, according to the UN documents, is the ecological agenda with the narrative of saving the planet. The scale of transformations and declared plans determines that this process is called the World Ecological Revolution, or the Globalist Revolution. Thousands of different information sources are gradually preparing humanity for a simple formula: the planet Earth is a spaceship in distress [35] and, therefore, there should only be one captain on the ship. Alternatively, if we scale Locke's statements, we will get *one humanity, one planet, one government*. If we use this lens to analyze ecological and environmental discourse, it becomes obvious that this is propaganda and political technologies, and if it is so, the main question is always the question of power.

The Ecological Revolution has become a logical extension of globalization: this means creating a single center to control natural resources. Being liberal, the global economy strives to free itself from any regulation as much as possible and, having freed itself, to establish its despotic «regime of truth» [20. P. 18]

in Foucault's terminology. The intrusion of minority discourse on the majority, which was unimaginable in either Foucault's time, or even 10 years ago, is now the mainstream articulated by numerous practices (the most avant-garde of which today is *puberty-blockers* propaganda¹⁴). Disagreeing with such practices, condemning the mainstream or non-compliance with the new global terminology in the Western world entails certain economic consequences – for example, receiving a fine, or dismissal for individuals, or economic sanctions for organizations.

Propaganda mechanisms and political technologies used in the above-mentioned revolutions are in demand for the Ecological Revolution nowadays. Collective consciousness has been an object of manipulation for more than a hundred years through propaganda techniques and practices, social and humanitarian technologies, and the soft power of globalists. IT technologies have given the globalists the opportunity to create the toughest dictatorship, to make the darkest dystopias come true. Today, the combination of all these technologies that has a synergistic effect aims to change the consciousness of the world's population. In fact, we can talk about the newest phenomenon: transforming political technologies into *global psychotechnologies* in order to change and control collective consciousness, working personally with everyone at the same time and using suggestive techniques.

In the new planetary system under construction, people transform into a completely homogeneous population, fragmented and info-capsulated, where each person is in their own personal information capsule created with IT technologies. The subject of the new world is an individual without any political and national identity. Equal human rights for everyone, regardless of their religion, citizenship, race, gender, etc. are being declared. This plan to unify and globalize the population to further transform it into *the United Humanity* [34] is quite accomplishable by 2050, thanks to techniques and practices of global propaganda implemented by the Big Five.

Thus, 2015 saw the beginning of an assembling phase of a global ideological and political structure that includes international financial and industrial corporations with their leading media, the Five Eyes and the Big Five, as well

¹⁴ Griffiths S., Keogh G., Spencer B. The Tavistock is still operating and referring children for puberty blockers. The Times. 19.02.23. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-tavistock-is-still-operating-and-referring-children-for-puberty-blockers-ffblvf6zs> (accessed: 03.05.2023.)

as international non-governmental organization networks; with this, international legal relations and all the post-World War II achievements of the UN and its member countries are left behind.

The Special Military Operation, commencing in 2022, has further divided the world into

the Western neoliberal globalistic sphere and the rest. This development can be regarded as a civilizational tectonic fault, potentially leading to an ideological multipolarity that challenges the dominance of the liberal green vision of the future.

References:

1. Schwab K., 2016. The Fourth Industrial Revolution. WEF. Geneva.
2. Zuboff Sh., 2019. The age of surveillance capitalism. Public Affairs. New York.
3. Keynes J.M., 2013. The Collected Writings. Vol. VII. The General Theory of Employment, Interest, and Money. Cambridge University Press. New York.
4. Robert M., 2012. Bond et al., "61-Million-Person Experiment in Social Influence and Political Mobilization". *Nature*. 479, no.7415. P. 295-298.
5. Huttenlocher D., Schmidt E., Kissinger H., 2021. The Age of AI. John Murray Press. London.
6. Rifkin J., 2011. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. Palgrave & Macmillan e-book. New York.
7. Piketty T., 2015. Capital in the Twenty-First Century. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts.
8. Schwab K., Mallaret T., 2020. COVID-19: Great Reset. World Economic Forum. Geneva.
9. Braudel F., 1985. Civilization and capitalism. Vol. 1. The Structures of everyday life. William Collins Sons & Co Ltd. London.
10. *People and the Planet*. 2013. Royal Society Report. URL: <https://royalsociety.org>.
11. UK parliament. Act of Supremacy. URL: <https://www.parliament.uk>.
12. Act of Supremacy 1558. Legislation government UK. <https://www.legislation.gov.uk>.
13. Marx K., 1906. Capital. The Modern library. New York.
14. UK parliament. The Bill of Rights. URL: <https://www.parliament.uk>.
15. Locke J., 2003. Two Treatises of Government. Cambridge University Press. Cambridge.
16. France gouvernement. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>.
17. US. National Archives. URL: <https://www.archives.gov>.
18. Weber M., 2013. Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Taylor and Francis. N.Y.
19. Rousseau J-J., 2003. On the Social Contract. Dover Publications e-book. New York.
20. Foucault M., 2008. The Birth of Biopolitics. Lectures at the Collège de France, 1978–79. Palgrave Macmillan. New York.
21. Marx K., Engels F., 2020. Manifesto of the Communist Party. Principles of Communism. Foreign Languages Press. Paris.
22. Engels F., 2012. Draft of a Communist Confession of Faith. Yale University Press. New Heaven. DOI: <https://doi.org/10.12987/9780300163209-005>.
23. Lenin V., 2010. Imperialism: The Highest Stage of Capitalism. Penguin Books e-book. New York.
24. Toynbee A.J., 1948. A Study of History. Oxford University Press. London.
25. Keynes J.M., 1978. A Short View of Russia (1925). *The Collected Writings of John Maynard Keynes*. Royal Economic Society. London. DOI: <https://doi.org/10.1017/UPO9781139524162.026>.
26. Luxemburg R., 2003. The Accumulation of Capital. Routledge. London.
27. Barthes R., 1991. Mythologies. The Noonday Press. New York.
28. Popper K., 1971. The Open Society and Its Enemies. Vol. I. Princeton University Press. New York.
29. Herman E., Chomsky N., 1988. Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. Pantheon Books, New York.
30. Gentile E., 2006. Politics as Religion. Princeton University Press.
31. Snowden E., 2019. Permanent Record. Metropolitan Books. New York.
32. Arendt H., 1977. The Origins of Totalitarianism. A Harvest Book. New York.
33. UN. Sustainable Development Goals. URL: <https://www.un.org>.
34. Weizsäcker E., Wijkman A., 2018. Come on! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet. New York. DOI 10.1007/9781493974191.
35. Rome A. 2015. Sustainability: the launch of spaceship earth. *Nature*. 527. P. 443–445.

ПРАВОВОЙ И ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Введение. В статье исследуются политические технологии и пропаганда, используемые в глобальных трансформациях нового и новейшего времени, а также последних десятилетий. Объект исследования – современный социум. Предмет исследования – трансформация социума последних десятилетий и методология трансформаций.

Материалы и методы. В работе проведен сравнительный анализ революций в Англии, Франции, США и России с точки зрения пропаганды и политтехнологий. Проведено сравнительное исследование юридических документов: Билль о правах 1689, Декларация независимости 1776, Декларация прав человека 1789. Полученные данные применены к анализу аспектов глобальной экологической революции. Выявлены ключевые пропагандистские и политтехнологические закономерности. Исследование проводится историческим, компаративным и аналитическим методами. Данные берутся из открытых источников и научной литературы. Методика исследования – анализ отобранной фактологии. Цель исследования – выявление закономерностей и прогнозирование векторов развития глобализации.

Результаты исследования. Полученные результаты исследования наглядно иллюстрируют тезис о начале в 2015 глобальной трансфор-

мации общества, проанализированы основные события этого периода.

Обсуждение и заключение. В работе проведен сравнительный анализ революций в Англии, Франции и России с точки зрения пропаганды и политтехнологий. Полученные данные применены к анализу аспектов глобальной экологической революции. Выявлены ключевые пропагандистские и политтехнологические закономерности.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о приоритете политической составляющей в начавшейся глобальной экологической революции. Основным средством для реализации задач глобальной экологической революции, имеющей целью установить контроль потребления человечеством мировых ресурсов, являются пропаганда и политтехнологии.

Кошмаров Михаил Юрьевич,
кандидат технических наук,
директор по разработке инновационных технологий фонда РОПЦ (Росполитика),
Москва, Россия

Трубецкой Алексей Юрьевич,
доктор психологических наук,
Руководитель Фонда РОПЦ (Росполитика),
Москва, Россия

Keywords:

political technologies, digitalization, media consumption, ecological propaganda, global ecological revolution, info-capsules

Ключевые слова:

политтехнологии, цифровизация, медиапотребление, экологическая пропаганда, глобальная экологическая революция, инфо-капсулы

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА СОВРЕМЕННОЙ МЕКСИКИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Мария Пупышева*

Артем Зуев**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-15-23

Введение. В статье представлен обзор актуальной внутриполитической ситуации в Мексике в преддверии президентских выборов 2024 г. Данный вопрос представляет особый интерес для отечественной науки в связи с вниманием, оказываемым в последнее время развитию двусторонних связей между Россией и странами Латинской Америки. Предсказуемость и наследственность внешнеполитического курса Мексиканских Соединенных Штатов, а потому и потенциал развития сотрудничества с Москвой находится в прямой связи со стабильностью администрации А. Обрадора.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили методы системного и сравнительного анализа, статистический, а также формально-логический метод.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования изучена актуальная внутриполитическая обстановка в Мексике и возможность сохранения позиций правящей партии «МОРЕНА» и влияние на ситуацию различных негативных факторов.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования позволяют оценить возможность выстраивания среднесрочных межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Мексикой с учетом прогнозируемой победы правящей партии на президентских выборах в ноябре 2024 года.

* **Пупышева Мария Владимировна**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Московского государственного лингвистического университета, Россия
e-mail: pupysheva.maria@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-9565-7333

** **Зуев Артем Сергеевич**, студент магистратуры Московского государственного лингвистического университета, Россия
e-mail: zuev.artem.serg@gmail.com
ORCID ID: 0009-0004-0679-8735

Введение

В условиях перехода к многополярной системе мироустройства Мексиканские Соединенные Штаты сталкиваются с рядом проблем, которые повлекли за собой выработку специфического внешнеполитического курса, реализуемого с учетом новых особенностей. Внешняя политика мексиканского руководства опирается на строгое соблюдение национальных интересов, что, в свою очередь, играет основополагающую роль в формировании внешнеполитических взглядов. Вместе с тем реализация успешной политики на международной арене требует устойчивой поддержки внутри страны. С учетом перспектив выстраивания долгосрочного сотрудничества с руководством МСШ необходимо учитывать устойчивость правящей партии внутри страны и перспективы развития обстановки в ближнесрочный период. Ключевым событием во внутриполитической жизни страны станут предстоящие в 2024 году выборы президента Мексики.

Исследование

Внутриполитическая ситуация в Мексиканских Соединенных Штатах в период правления А. Обрадора остается стабильной, вместе с тем существуют различные предпосылки к ее усложнению. Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на состояние и развитие внутрипо-

литической обстановки в стране, следует выделить:

- сохранение правящей коалицией во главе с левоцентристской партией «Движение национального возрождения» (MORENA) доминирующего положения в национальных органах законодательной власти, а также большинстве субъектов федерации;
- ослабление влияния властей в судебных и избирательных структурах, приступивших к практике блокирования отдельных ключевых инициатив правительства;
- ограниченные возможности правительства по противодействию распространению коронавирусной инфекции;
- активное использование противниками администрации А.М. Лопеса Обрадора в политической борьбе обострившегося на фоне пандемии COVID-2019 социально-экономического положения в стране;
- сложная криминогенная обстановка и неспособность властей кардинально улучшить ситуацию, несмотря на структурные преобразования в силовых ведомствах и увеличение финансирования программ в сфере безопасности.

Проправительственные движения сохраняют преимущественное положение в сенате и палате депутатов, позволяющее им без объединения с другими силами утверждать проекты федеральных законов, в том числе государственный бюджет.

Представительство политических сил в национальном конгрессе Мексики представлено в **таблице 1**.

Таблица 1.

Представительство политических сил в национальном конгрессе Мексиканских Соединенных Штатов¹.

№ п/п	Название партии	Кол-во мест в сенате	Кол-во мест в палате депутатов	Примечание
1	2	3	4	5
1	Движение национального возрождения, MORENA	61	202	В составе правящей коалиции
2	Партия труда, ПТ	5	33	В составе правящей коалиции
3	Социальная встреча, СВ	4	-	В составе правящей коалиции
4	Зелёная экологическая партия Мексики, ЗЭПМ	6	42	В составе правящей коалиции
5	Партия национального действия, ПНД	20	113	Оппозиционная платформа «За Мексику»
6	Институционно-революционная партия, ИРП	13	71	Оппозиционная платформа «За Мексику»
7	Партия демократической революции, ПДР	3	16	Оппозиционная платформа «За Мексику»

¹ Senado de la República // URL: <https://www.senado.gob.mx/65/> (дата обращения: 10.04.2023)

№ п/п	Название партии	Кол-во мест в сенате	Кол-во мест в палате депутатов	Примечание
8	Гражданское движение, ГД	11	23	
9	Независимые депутаты	5	-	
	Всего:	128	500	

Вместе с тем, правящая коалиция («Вместе сделаем историю») по итогам состоявшихся в июне 2021 года парламентских выборов утратила имевшееся ранее квалификационное большинство, что требует от властей дополнительных усилий для внесения изменений в конституцию страны (существенная часть проводимых левоцентристским правительством реформ связана с необходимостью корректировки основного закона).

По инициативе президента страны А.М. Лопеса Обрадора 11 апреля 2022 года в Мексике был проведен общенациональный референдум с целью выяснить отноше-

ние граждан к работе правительства. В результате голосования свыше 90% населения отозвалось положительно о деятельности руководства страны и выступило за то, чтобы действующий глава государства продолжил работу на своем посту.

В настоящее время практически все аналитические агентства оценивают уровень одобрения президента А. Обрадора на уровне 72,4%, что для МСШ является очень высоким показателем. Кроме того, порядка 84% респондентов выразили поддержку проводимым правительством А. Обрадора изменениям во всех сферах жизни общества (рис. 1).

Рис. 1. Уровень одобрения действующего президента²

² Instituto Nacional Electoral. Informes remitidos por el OPL // URL: https://repositoriodocumental.ine.mx/xmlui/handle/123456789/92522/discover?filtertype_1=title&filter_relational_operator_1=contains&filter_1=2022&submit_apply_filter=&query=INFORMES+REMITIDOS+POR+EL+OPL (дата обращения: 03.04.2023)

Ведущие политологи Мексики отмечают особое влияние личности президента на текущий уровень его поддержки [4. С. 422-424]. Большая часть поддержки, полученной MORENA за годы его существования, связана с личностью и руководством Лопеса Обрадора [3. С. 111-115], посчитавшим необходимым организовать свою собственную партию, чтобы попытаться коренным образом изменить Мексику. Однако следует отметить, что политический вес и харизма президента являются как преимуществом, так и одной из главных проблем «Движения национального освобождения», заключающейся в крайней зависимости от высшего лидера. Причины популярности Обрадора и его партии легко понять: социальное недовольство, гнев и негодование, вызванные правительствами, дискредитированными легкомыслием, коррупцией и неэффективностью.

Кто же такой А. Обрадор и как он смог добиться рекордного одобрения населения за последние 20 лет?

Андрес Мануэль Лопес Обрадор родился 13 ноября 1953 года в населенном пункте Макуспана (штг. Табаско). Политик с большим стажем впервые стал известен широкой общественности как глава правительства Мехико (2000–2005 гг.), должность, на которой он зарекомендовал себя как активный лидер, в особенности на контрасте с пассивностью предыдущих правительств. В союзе с городской элитой он способствовал спасению и реконструкции исторического центра столицы и строительству второго этажа дороги, изменившей облик города. Он установил связь со средним и просвещенным секторами и продвигал законы по гендерным и экологическим вопросам, которые вывели Мехико в авангард прогрессивной повестки как в Мексике, так и в регионе.

Имидж реформатора открыл Обрадору дорогу к президентскому креслу в 2018 году. Основу его поддержки и политического потенциала составило умение извлечь выгоду из общественного негодования, а также умение работать с прессой. Среди факторов, склонивших чашу весов в его пользу, необходимо выделить следующие [7. С. 121-125]:

- усталость электората от традиционных предложений политической системы - старых партий PRI и PAN, ориентированных на средний и высший классы;
- критические ошибки предшествующих правительств, сделавших выбор в пользу модернизации и интеграции в мировой

рынок, полагая, что этот локомотив вытащит из бедности даже самые отсталые вагоны. Однако развитие нескольких секторов экономики способствовало появлению новой и многочисленной касты мексиканских миллиардеров, а не улучшению жизни большинства.

Президент пришел к власти, объявив о смене режима в пользу бедных и пообещав положить конец коррупции и бесчинствам привилегированных слоев.

Лопес Обрадор пользуется популярностью благодаря мерам в пользу народных масс, социальным реформам, усиленной борьбе с организованной преступностью и коррупцией во всех эшелонах власти, а также довольно консервативным управлением государственными финансами. Цель политики А. Обрадора, по его собственным заявлениям, состоит в том, чтобы способствовать массовому перемещению ресурсов в пользу бедных без дестабилизации текущей экономической и политической обстановки внутри страны. В качестве основных угроз национальной безопасности А. Обрадор рассматривает организованную преступность, наркотрафик, незаконную миграцию и коррупцию.

Стоит отметить, что Лопес Обрадор демонстрирует единение со своим электоратом и одновременно отделяет себя от других политических фигур при помощи встраивания в речь сниженной разговорной лексики, разговорных отступлений или переходя на дружеский тон (напр., используя такие выражения, как: «вы же меня знаете» [6. С. 159]). Его официальные речи основаны на эмоциях и силе личности, рациональные аргументы и конкретные предложения зачастую опускаются или же нивелируются до уровня несущественных.

Противоречия прослеживаются и в его политических решениях [5. С. 22, 26, 30]: будучи убежденным националистом, апологетом паниспанизма [1. С. 212], он также является активным сторонником торгово-промышленной интеграции с США, а его стратегия нулевой терпимости к преступлениям и коррупции соседствуют с девизом «Объятия, а не пули», нацеленного против любого насилия, в том числе в противостоянии организованной преступности. Имидж честного политика для народа поддерживает и тот факт, что Обрадор впервые в истории страны начал проводить регулярные пресс-конференции, на которых отвечал на любые, даже самые неудобные вопросы [2. С. 60-73].

Знаковыми достижениями его правления считаются³:

- создание прямого потока финансирования (15000–20000 млн. долл. в год) депрессивных домохозяйств, минуя посредников;
- рост покупательной способности минимальной заработной платы, которая стагнировала на протяжении десятилетий;
- масштабные программы по созданию рабочих мест в сельской местности;
- неприятие долга, сбалансированные государственные финансы, сокращение бюрократических проволочек, контроль над инфляцией, стабильность валюты, рост международных резервов.

Другим знаковым проектом правления Лопеса Обрадора является проект общественного контроля, предусматривающий привлечение широких слоев населения к принятию решений посредством вынесения наиболее резонансных вопросов на всеобщее обсуждение. Одним из первых таких шагов является принятие закона об амнистии на основе диалога с родственниками жертв, пострадавших от рук освобождаемых преступников. Кроме того, президент считает эффективной мерой частичную ле-

гализацию наркотиков, за счет которой намечено лишить преступные группировки финансовой основы деятельности, а также вывести из-под уголовного преследования и декриминализировать значительную часть бедных слоев населения, вовлеченных в наркобизнес в силу социально-экономических причин. Аналогичный подход предполагается использовать и в борьбе с незаконной миграцией.

Также необходимо отметить и другой фактор, оказывающий положительное влияние на уровень поддержки действующего президента страны – разделение гражданами государства ответственности за уровень жизни и решение существующих в государстве проблем между президентом и правительством, с одной стороны, и губернаторами штатов, – с другой. Так, лишь 45% опрошенных считают, что президент не делает все возможное для решения существующих проблем, возлагая ответственность на губернаторов своих штатов (66%). Таким образом, более 20% респондентов большую ответственность за решение проблем на местах возлагают на местных властей, что, в свою очередь, положительно влияет на одобрение федеральных властей.

Достаточно ли делают власти для решения ключевых проблем в стране?

Рис. 2. Разделение ответственности за решение текущих проблем между центральной и региональной властями

Кроме того, позиции правящей коалиции существенно укрепились по итогам состоявшихся 5 июня 2022 года региональных выборов. Из шести штатов, где избирались губернаторы, в четырех (Идальго, Кинтана-Роо, Оахака и Тамаулипас) одержали победу сторонники А.М. Лопеса Обрадора. В настоящее время более половины субъектов федерации (22 из 32) контролируются про-

правительственными силами. Аналогичная ситуация складывается и на уровне местных органов власти.

Оппозиционные силы, несмотря на увеличившееся представительство в парламенте, по-прежнему не имеют возможности оказывать существенное влияние на формирование законодательной повестки [11. С. 10-12]. В складывающихся условиях их

³ Resultados e impactos de las políticas económicas del gobierno de López Obrador en los hogares en México 2019-2021 // URL: https://almacenamientopan.blob.core.windows.net/pdfs/estrados_electronicos/2020/02/1657152868Resultados%20e%20impactos%20de%20las%20pol%C3%ADticas%20econ%C3%B3micas%20del%20gobierno%20de%20L%C3%B3pez%20Obrador%20en%20los%20hogares%20en%20M%C3%A9xico%202019-2021.pdf (дата обращения 05.04.2023)

роль сводится, по сути, лишь к блокированию проектов по изменению конституции и не влияющим на принятие окончательных решений демаршам при рассмотрении инициатив правящей партии. Недоверие большинства населения к либеральным «активистам» является следствием их неспособности предложить новые пути развития страны после десятилетий неэффективного руководства. Тактика политической борьбы антиправительственных сил заключается в основном в поиске предлогов для критики действующей администрации. В этих целях внимание электората обращается на неуклонное ухудшение уровня жизни населения и рост преступности. Особый акцент делается на «непродуманности» мер по противодействию пандемии коронавирусной инфекции и «несовершенству» реформы здравоохранения. Осуждаются, в частности, отказ властей оказать дополнительную помощь финансовым структурам и бизнес-сообществу, воспользоваться кредитными предложениями иностранных партнеров.

В январе 2023 г. начали обостряться внутриполитические противоречия между правящей партией и коалицией. Ключевыми проблемными вопросами стали:

- проводимая руководством страны избирательная реформа, призванная усилить контроль над выборами со стороны правительства;
- усиление кризиса в сфере здравоохранения, увеличивающийся уровень бедности и нехватка рабочих мест;
- высокий уровень организованной преступности и незаконной миграции.

Ближайшую повестку администрации А.М. Лопеса Обрадора составят следующие инициативы и предложения:

- преодоление запрета судебных инстанций на проведение реформы нефтегазового сектора в интересах создания преимущественного положения на рынке национальному предприятию «ПЕМЕКС» и сокращения присутствия иностранных корпораций;
- проведение налоговой реформы;
- продолжение реализации крупных инфраструктурных проектов, среди которых: строительство нового международного аэропорта в шт. Мехико и железной дороги между тихоокеанским портом Салина-Крус (шт. Оахака) и атлантическим портом Коацакоалькос (шт. Веракрус), прокладка туристического железнодорожного маршрута на полуострове Юкатан (протяженность более 1500 км), создание телекоммуникационной

сети, предоставляющей доступ к интернет-связи на территории всей страны;

- разработка и внедрение мер по борьбе с резко прогрессирующей инфляцией (по итогам 2022 года ее показатели достигли рекордного за последние 20 лет уровня 7,94%);
- включение Национальной гвардии в структуру МНО.

Администрация А.М. Лопеса Обрадора в качестве основных угроз национальной безопасности рассматривает организованную преступность, наркотрафик, незаконную миграцию и коррупцию. Эти явления, значительно обострившиеся за последние 20 лет, оказывают существенное воздействие на все сферы жизни мексиканского общества [10. С. 125-147].

В качестве основы решения накопившихся проблем рассматривается провозглашенная программа «умиротворения» общества, направленная на устранение факторов эскалации насилия и снижения социальной напряженности. При этом относительно противодействия нелегальной миграции мексиканцы под давлением США активизируют и силовую составляющую. Если ранее акцент делался на обеспечении базовых прав мигрантов, следующих через мексиканскую территорию в США, сейчас такие шаги все больше сочетаются с задержаниями и депортацией иностранных граждан без прав нахождения на территории страны.

Важным направлением деятельности правительства является обеспечение общественного порядка. Несмотря на декларируемое властями улучшение ситуации, уровень преступности достиг самых высоких показателей за последние десятилетия [9. С. 13-30]. По официальной статистике, в ноябре 2022 года в стране совершено рекордное количество убийств – 2730, что на 16,5% больше, чем среднемесячные показатели. Общее число пропавших без вести оценивается в 400 тыс. человек. В моргах находится более 26 тыс. неопознанных трупов. В 2022 году обнаружено свыше 1200 массовых захоронений. Ухудшение статистики по убийствам отмечается в 19 субъектах. При этом наиболее опасными штатами считаются Гуанахуато, Мичоакан, Мехико, Нижняя Калифорния Северная, Халиско. В столице страны действуют 22 организованные преступные группировки, в том числе связанные с крупнейшими наркокартелями «Халиско – Новое поколение» и «Синалоа».

На этом фоне фиксируется ежегодный рост числа убийств сотрудников правоохранительных органов. Так, по итогам 2022 года

жертвами преступников стали 613 представителей силовых структур, всего за четыре последние года было убито 1951 полицейских. Ситуация осложняется неэффективной работой правоохранительных органов. Нераскрытыми остаются до 97% преступлений. Показательным примером неспособности силовиков противостоять ОПГ стал произошедший в мае 2022 года инцидент, когда представители наркокартеля «Халиско – Новое поколение» захватили в заложники прибывших для борьбы с ними 20 мексиканских военнослужащих. Другим случаем, получившим широкий резонанс, стало похищение данным картелем двух военнослужащих-женщин в отместку за смерть одного из лидеров преступной группировки, погибшего 22 апреля 2022 года в результате специальной операции вооруженных сил.

Будущие успехи в борьбе с организованной преступностью руководство страны связывает с реформированием Национальной гвардии. Предусмотрено, что для подразделений правоохранительной структуры будет создано 76 дополнительных мест базирования в восьми штатах, при этом только

в штате Мехико намечено возвести 22 таких объекта. Планируемая численность НГ составит более 150 тыс. чел.

Заключение

Таким образом, внутривнутриполитическая обстановка в Мексике в настоящее время характеризуется как относительно стабильная, чему способствует устойчивая позиция правящей коалиции. Вместе с тем сохраняется тенденция к формированию внутренней напряженности на фоне ухудшения экономической ситуации и отсутствия у правительства результатов в борьбе с организованной преступностью. Негативные явления активно используются либеральной оппозицией в политической борьбе. Стабильность обстановки в государстве будет напрямую зависеть от способности властей проводить эффективную работу по смягчению негативных последствий пандемии COVID-2019 для предприятий и организаций социально-экономической сферы, а также их успешной деятельностью по борьбе с коррупцией и организованной преступностью.

Литература:

1. Пупышева М.В. Испанофония как ресурс внешней политики современной Испании. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2022.
2. Спицын А.Г. «Левый» президент Мексики Лопес Обрадор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1(842).
3. Bolivar Meza R. Liderazgo político: el caso de Andrés Manuel López Obrador en Movimiento de Regeneración Nacional (MORENA) // Estudios Políticos. 2017. № 42.
4. Chihu Amparan A. Teoría de los marcos del discurso en los spots de López Obrador en 2018 // Revista Mexicana De Ciencias Políticas Y Sociales. 2020. № 66 (241).
5. Las propuestas del presidente electo en materia de políticas. In International Crisis Group. Construcción de paz en México: los dilemas de seguridad que enfrenta el gobierno de López Obrador. 2018.
6. Marini A.M. El mesías tropical. Aproximación a fenómenos populistas actuales a través del discurso de López Obrador // Chasqui: Revista Latinoamericana de Comunicación. 2018. № 139.
7. Olvera A.J. México 2018: Elección Plebiscitaria, Crisis Neoliberal y Proyecto Populista // In Caetano G., Mayorga F. (Eds.) Giros políticos y desafíos democráticos en América Latina: enfoques de casos nacionales y perspectivas de análisis. 2020.
8. Rivas Otero J.M. Evolución del estilo de liderazgo de los nuevos partidos políticos en México y España: Andrés Manuel López Obrador, Pablo Iglesias y Albert Rivera (2014-2016) // Revista Mexicana De Ciencias Políticas Y Sociales. 2018. № 64(235).
9. Schaefer A.G., Bahney B., Riley K.J. Assessment of the Current Security Situation in Mexico // Security in Mexico: Implications for U.S. Policy Options. 2009.
10. Sokov I.A. Mexico-USA: frontier problems in pandemic COVID-19 // Iberoamerica. 2022. No. 2.
11. Vázquez Ferrel, C. La influencia legislativa de la oposición en las iniciativas de los gobiernos en minoría en México, 1997-2012 // Perfiles latinoamericanos. 2019. № 27(54).

THE DOMESTIC POLICY CONJUNCTURE OF MODERN MEXICO: STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Introduction. The article presents an overview of the current domestic political situation in Mexico on the eve of the presidential elections of 2024. This issue is of particular interest to domestic science in connection with the attention recently paid to the development of bilateral relations between Russia and Latin American countries. The predictability and heredity of the foreign policy of the Mexican United States, and therefore the potential for developing cooperation with Moscow, is directly related to the stability of the administration of A. Obrador.

Materials and methods. The methodological basis of the study was the methods of systematic and comparative analysis, statistical, as well as formal-logical method.

Results of the study. As a result of the conducted research, the current domestic political situation in Mexico and the possibility of preserving the positions of the ruling MORENA party and the influence of various negative factors on the situation were studied.

Discussion and conclusion. The results of the study allow us to assess the possibility of building medium-term interstate relations between the Russian Federation and Mexico, considering the predicted victory of the ruling party in the presidential elections in November 2024.

Maria V. Pupysheva,
Candidate of Sciences (Political Science),
senior lecturer of the Linguistics and
Professional Communication in the Sphere
of Media Technologies Department,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Artem S. Zuev,
master's degree student,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

Мексика, Лопес Обрадор, партия МОРЕНА, мексиканская оппозиция, президентские выборы 2024, политическая система, государственное управление

Keywords:

Mexico, Lopez Obrador, MORENA party, Mexican opposition, presidential election 2024, political system, public administration

References:

1. Pupysheva M.V., 2022. Ispanofonija kak resurs vneshnej politiki sovremennoj Ispanii [Hispanophony as a resource of the foreign policy of modern Spain]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk [Dissertation for the degree of PhD in political sciences]. Moscow.
2. Spitsyn A. G., 2021. "Levyj" prezident Meksiki Lopes Obrador [The "Left" President of Mexico Lopez Obrador]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. № 1(842).
3. Bolivar Meza R., 2017. Liderazgo político: el caso de Andrés Manuel López Obrador en Movimiento de Regeneración Nacional (MORENA) [Political leadership: the case of Andrés Manuel López Obrador in Movimiento de Regeneración Nacional (MORENA)]. *Estudios Políticos* [Political Studies]. № 42.
4. Chihu Amparan A., 2020. Teoría de los marcos del discurso en los spots de López Obrador en 2018 [Framing theory in López Obrador's spots in 2018]. *Revista Mexicana De Ciencias Políticas Y Sociales* [Mexican Journal of Political and Social Sciences]. № 66 (241).
5. Las propuestas del presidente electo en materia de políticas [The president-elect's policy proposals], 2018. *Construcción de paz en México: los dilemas de seguridad que enfrenta el gobierno de López Obrador. Informe de Crisis Group sobre América Latina* [Peacebuilding in Mexico: the security dilemmas facing the López Obrador government. Crisis Group report on Latin America.]. № 69.
6. Marini A.M., 2018. El mesías tropical. Aproximación a fenómenos populistas actuales a través del discurso de López Obrador [The tropical messiah: approaching current populism phenomena through López Obrador's discourse]. *Chasqui: Revista Latinoamericana de Comunicación* [Chasqui. Latin American Journal of Communication]. № 139.
7. Olvera A.J., 2020. México 2018: Elección Plebiscitaria, Crisis Neoliberal y Proyecto Populista [Mexico 2018: Plebiscite Election, Neoliberal Crisis and Populist Project.]. *Giros políticos y desafíos democráticos en América Latina: enfoques de casos nacionales y perspectivas de análisis* [Political turns and democratic challenges in Latin America: national case approaches and perspectives of analysis].

8. Rivas Otero J. M., 2018. Evolución del estilo de liderazgo de los nuevos partidos políticos en México y España: Andrés Manuel López Obrador, Pablo Iglesias y Albert Rivera (2014-2016) [Evolution of Leadership Styles of the New Political Parties in Mexico and Spain: Andrés Manuel López Obrador, Pablo Iglesias and Albert Rivera (2014-2016)]. *Revista Mexicana De Ciencias Políticas Y Sociales* [Mexican Journal of Political and Social Sciences]. № 64(235).
9. Schaefer A. G., Bahney B., Riley K. J., 2009. Assessment of the Current Security Situation in Mexico. *Security in Mexico: Implications for U.S. Policy Options*.
10. Sokov I. A., 2022. Mexico-USA: frontier problems in pandemic COVID-19. *Iberoamerica*. № 2.
11. Vázquez Ferrel C., 2019. La influencia legislativa de la oposición en las iniciativas de los gobiernos en minoría en México, 1997-2012 [The legislative influence of the opposition in the initiatives of the minority governments in Mexico, 1997-2012]. *Perfiles latinoamericanos* [Latin American profiles]. № 27(54).

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ВЫБОР КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Валерия Пчелинцева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-24-36

Введение. Право государства выбирать культурную систему является следствием принципа невмешательства в дела, по существу входящие в его внутреннюю компетенцию. Хотя в отечественной доктрине подчеркивается необходимость уточнять содержание основных принципов международного права, не удастся найти исследования, посвященные данному праву государств. Исследования позиции Организации исламского сотрудничества и ее государств-членов по вопросам права государства выбирать культурную систему немногочисленны. При этом исторические, культурные и религиозные особенности государств-членов ОИС оказывают влияние на объем их международно-правовых обязательств.

Материалы и методы. Настоящее исследование направлено на выявление особенностей реализации права выбирать культурную систему государствами-членами ОИС и их влияния на квалификацию вопросов, относящихся ко внутренней компетенции данных государств. В рамках исследования проведен историко-правовой и системный анализ принципов и норм общего международного права, закрепляющих право государства выбирать себе культурную систему, а также анализ их применения в актах ОИС и конституционном законодательстве государств-членов Организации на примере Арабской Республики Египет, Исламской Республики Иран, Королевства Саудовская Аравия и Республики Ирак.

Результаты исследования. Суверенное и неотъемлемое право государства выбирать себе экономическую, политическую, социальную и культурную систему было закреплено в универсальных, региональных и двусторонних международно-правовых актах в результате кодификации и прогрессивного развития норм международного права во второй половине XX в. Реализация данного пра-

* Пчелинцева Валерия Викторовна, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: lintseva.l@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2231-0598

ва ограничена международно-правовыми обязательствами государств. Закрепление в конституционном законодательстве государства его исторических, культурных и религиозных особенностей следует квалифицировать как одну из форм реализации его права на выбор культурной системы.

Обсуждение и заключение. В случаях, когда исторические, культурные и религиозные особенности государства являются основами его государственного и общественного строя, правовое регулирование таких исторических, культурных и религиозных особенностей следует относить ко внутренней компетенции государств. При этом данные особенности следует считать не подлежащими в принципе регулированию нормами международного права. Акты ОИС закрепляют ограничения реализации права государства выбирать культурную систему, а также позицию государств-членов Организации относительно случаев, когда вмешательство в реализацию данного права является недопустимым. Приверженность исламским принципам некоторых государств-членов Организации следует характеризовать не только как их историческую, культурную и религиозную особенность, но и как основу их государственного и общественного строя, по существу составляющую сферу их внутренней компетенции.

Введение

Право государства выбирать политическую, экономическую, социальную и культурную систему является следствием принципа невмешательства в дела, по существу входящие в его внутреннюю компетенцию, по смыслу Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. (далее – Декларация о принципах международного права 1970 г.) Вопрос о содержании данного принципа, представляющего собой один из основных принципов современного международного права, является предметом научной дискуссии [19. С. 570]. Исследование принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, затруднено противоречивой практикой государств и непоследовательным выражением их официальных позиций в отношении такой практики [21. С. 2-3], а также с отсутствием общепризнанного определения понятия «дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства» в международном праве [19. С. 573; 25. С. 463].

Многочисленные исследования посвящены квалификации различных форм вмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, с точки зрения международного права [19. С. 575; 21. С. 10; 23. С. 24]. При этом не удается найти исследования содержания рассма-

триваемого принципа с опорой на международно-правовые акты, закрепляющие право государства выбирать культурную систему. В отечественной доктрине международного права подчеркивается необходимость уточнять содержание основных принципов международного права [8. С. 7], учитывая его изменчивость [5. С. 30; 7. С. 44; 14. С. 39-40] и влияние на толкование прав и обязательств государств «применительно к потребностям эпохи» [9. С. 8-9].

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей реализации права государства выбирать себе культурную систему государствами-членами Организации исламского сотрудничества (далее – ОИС) и их влияния на квалификацию вопросов, относящихся ко внутренней компетенции данных государств. Исследователи международно-правовых аспектов деятельности ОИС указывают на недостаточное внимание юристов-международников к особенностям данной Организации [22. С. 788]. При этом исторические, культурные и религиозные особенности государств-членов ОИС оказывают влияние как на их правовые системы [12. С. 205-222; 13. С. 222-245], так и на объем их обязательств по международному праву [3. С. 13-22; 10. С. 1145-1155].

Исследование

Теоретической основой историко-правового и системного анализа принципов и норм общего международного права, закрепляющих право государства выбирать себе

культурную систему, послужили публикации отечественных и зарубежных ученых, посвященные основным принципам международного права. Эмпирическую основу исследования составили универсальные, региональные и двусторонние международно-правовые акты, а также решения международных судебных органов.

Анализ применения принципов и норм общего международного права, закрепляющих право государства выбирать себе культурную систему, и в актах ОИС проведен с опорой на публикации отечественных и зарубежных исследователей международно-правовых аспектов деятельности данной Организации. Предметом исследования являются международные договоры и акты рекомендательного характера, принятые в рамках ОИС.

Для выявления особенностей реализации права выбирать культурную систему государствами-членами ОИС проведен сравнительный анализ конституционного законодательства четырех государств: Арабской Республики Египет, Исламской Республики Иран, Королевства Саудовская Аравия и Республики Ирак. Исторические, культурные и религиозные особенности данных государств оказывают влияние на их правовые системы и международно-правовую политику. При этом государственной религией или религией большинства населения данных государств являются разные течения ислама¹. Особенности международно-правовой позиции государств о соотношении международного права и их исторических, культурных и религиозных особенностей исследованы на примере универсальных международно-правовых актов о защите и поощрении прав человека.

Право государства выбирать себе культурную систему в общем международном праве

Представители дореволюционной отечественной науки международного права допускали возможность вмешательства во внутренние дела других государств на определенных правовых основаниях, «отражая

положение в международном праве того времени» [9. С. 135]. При этом в первой половине XX в. норма международного права о невмешательстве в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств, имела договорную, а не обычно-правовую природу [25. С. 453]. В то же время государства, отношения между которыми регулировались международным правом, не признавали идею суверенного равенства западных и восточных государств [14. С. 24]. Утверждение в международном праве принципов равенства государств и невмешательства в дела, по существу входящие в их внутреннюю компетенцию, поспособствовало снятию ограничений суверенитета восточных государств, в том числе будущих государств-членов ОИС [9. С. 138-139].

В 1980-е гг. норма о невмешательстве в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств, была признана международным обычаем [25. С. 454]. В решении Международного суда ООН по Делу о военных и полувоенных действиях в Никарагуа и против нее от 27 июня 1986 г. закреплена позиция данного международного судебного органа о том, что «принцип невмешательства <...> является неотъемлемой частью обычного международного права»². В советской науке того времени данный принцип характеризовался как императивная норма общего международного права (*jus cogens*) с неограниченной сферой действия *rationae personae*, *rationae loci* и *rationae materiae*, закрепляющая обязательства всеобщего характера (*erga omnes*) [9. С. 6-8]. Хотя в современной юридической доктрине вопрос об императивной природе основных принципов международного права остается дискуссионным [1. С. 23], в трудах отечественных и зарубежных ученых широко распространена их квалификация как норм *jus cogens* [11. С. 539; 17. С. 10; 18. С. 98].

Первые универсальные и региональные международно-правовые акты, закрепляющие содержание основных принципов современного международного права не содержат положений о праве государств выбирать политическую, экономическую, соци-

¹ В соответствии со ст. 12 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. с изменениями 1989 г. (далее – Конституция Исламской Республики Иран 1979 г.) официальной религией государства признается Ислам в толковании джафаритского мазхаба двенадцатников (шиитское течение). Большинство населения Республики Ирак является приверженцами шиитского, а большинство населения Арабской Республики Египет и Королевства Саудовская Аравия – суннитского течения ислама.

² International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/case/70/judgments> (accessed 17.05.2023).

альную и культурную систему³. Среди универсальных международно-правовых актов, впервые закрепивших положения о данном праве государств, - Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета 1965 г.⁴, Декларация о принципах международного права 1970 г.⁵, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г.⁶ Данные международно-правовые акты характеризуют право государств выбирать политическую, экономическую, социальную и культурную систему как неотъемлемое и являющееся частью нормативного содержания принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутренние дела государства. При этом государства, принявшие текст Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.⁷, относят данное право государства к содержанию принципа суверенного равенства государств. Л.Ф. Дамрош указывает на то, что по меньшей мере государства, принявшие Декларацию 1970 г., действовали с намерением закрепить в ней принципы правового, а не политического характера [21. С. 8].

Международно-правовые акты государств-членов ОИС содержат положения о праве государств выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему. Так, в соответствии со ст. II Двустороннего соглашения между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции от 14 апреля 1988 г.

Высокие Договаривающиеся стороны обязуются уважать данное «суверенное и неотъемлемое право другой Высокой Договаривающейся стороны»⁸. Стороны Декларации Исламской Республики Иран и Российской Федерации о повышении роли международного права 2020 г. считают данное суверенное и неотъемлемое право государств «одним из элементов принципа невмешательства в их внутренние или внешние дела»⁹.

Советская доктрина связывает закрепление права государств выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему с уточнением содержания принципа суверенного равенства государств, возникшего в результате объединения существовавших ранее принципов уважения суверенитета и равенства государств [9. С. 46]. В то же время советские юристы-международники отмечают, что обязанность не вмешиваться в осуществление государством рассматриваемого права составляет «сердцевину международно-правового принципа невмешательства» [9. С. 143]. С точки зрения современной доктрины международного права принцип невмешательства, как отмечает А. Геррейро, «однозначно направлен на защиту суверенного и неотъемлемого права государства свободно определять свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему» [23. С. 24]. Установить точное содержание данного права на современном этапе развития международных отношений представляется невозможным, поскольку международное право не может регулировать отношения внутри государств, исходя из их самостоятельности, территориального верховенства

³ К данным международно-правовым актам принято относить Конвенцию Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г., Устав Организации Объединенных Наций 1945 г., Устав Организации американских государств 1948 г. и Проект статей о правах и обязанностях государств 1949 г.

⁴ Принята резолюцией № 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 16.05.2023).

⁵ Принята резолюцией № 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 16.05.2023).

⁶ Принята резолюцией № 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 16.05.2023).

⁷ Принят Первым саммитом глав государств и правительств государств-членов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 16.05.2023).

⁸ Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/41127?ln=ru> (дата обращения: 16.05.2023).

⁹ Посольство Исламской Республики Иран в Москве. URL: <https://russia.mfa.gov.ir/ru/newsview/599271> (дата обращения: 16.05.2023).

и политической независимости [2. С. 172; 8. С. 173; 15. С. 5].

А. Фердросс определяет политическую независимость как «способность государств самостоятельно принимать решения по их внутренним и внешним делам в рамках международного права» [16. С. 207]. При этом объем внутренних дел государства меняется «как в зависимости от развития международных отношений и международного права, так и в результате принятия государством новых международных обязательств» и, как следствие, объем такой компетенции может быть определен только «применительно к определенному государству и с учетом конкретных обстоятельств» [8. С. 186-187]. Данное утверждение соответствует позиции Постоянной палаты международного правосудия, выраженной в Консультативном заключении об указах о гражданстве, принятых в Тунисе и Марокко от 7 февраля 1923 г., согласно которой вопрос о том, входит ли тот или иной вопрос в сферу внутренней компетенции государства по существу является относительным (*essentially relative*) и зависит от развития международных отношений»¹⁰. Н. Алупи отмечает, что «внутренняя компетенция» государства состоит из тех сфер, в которых оно еще не приняло на себя никаких международно-правовых обязательств [19. С. 574]. Поскольку право государства выбирать себе культурную систему следует из принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, его реализация обусловлена вышеуказанными ограничениями.

Ограничения рассматриваемого права являются следствием, например, обязанности государств сотрудничать друг с другом. В соответствии с положениями Декларации о принципах международного права 1970 г. государства сотрудничают в экономической, социальной и культурной областях, а также в области науки и техники и содействуют прогрессу в мире в области культуры и образования. При этом государства осуществляют свои международные отношения в экономической, социальной, культурной,

технической и торговой областях в соответствии с принципами суверенного равенства и невмешательства.

Действующее международное право закрепляет иные обязательства государств, ограничивающие реализацию права государств выбирать культурную систему. Например, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. закрепляет обязательство государств принимать во всех областях, включая культуру, все соответствующие меры для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин (ст. 3), изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения определенных обычаев и практик (ст. 5) и обеспечить, чтобы семейное воспитание включало в себя правильное понимание материнства и признание общей ответственности мужчин и женщин за воспитание и развитие своих детей (ст. 5)¹¹. В соответствии с Конвенцией об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. государства стремятся создать на своей территории такую среду, которая помогает отдельным лицам и социальным группам создавать, производить, распространять и распределять свои собственные формы культурного самовыражения и иметь доступ к ним, а также иметь доступ к различным формам культурного самовыражения, возникшим как на их территории, так и в других странах мира (ст. 7)¹².

В современной доктрине международного права является дискуссионным теоретический вопрос о том, в какой степени государство может ограничить сферу своей внутренней компетенции, не утрачивая существенные признаки государства [19. С. 574]. Отечественные юристы-международники традиционно относили к сферам, которые в принципе не подлежат международно-правовому регулированию, вопросы общественного и государственного строя любого государства [8. С. 53]. По общему правилу, закрепление в конституционном законодательстве государства его исторических,

¹⁰ Series B: Collection of Advisory Opinions (1923-1930) // International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/pcij-series-b> (accessed: 17.05.2023).

¹¹ Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 17.05.2023).

¹² Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 17.05.2023).

культурных и религиозных особенностей следует квалифицировать как одну из форм реализации его права на выбор культурной системы. Однако в той степени, в которой данные особенности государства являются элементами его государственного и общественного строя, их правовое регулирование относится ко внутренней компетенции государства. В данном случае возникает необходимость определения тех исторических, культурных и религиозных особенностей, которые составляют существенные признаки государства и, как следствие, не могут в принципе быть предметом регулирования международного права.

Принимая на себя обязательства по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Арабская Республика Египет, Государство Бруней Даруссалам, Государство Катар, Государство Кувейт, Государство Ливия, Исламская Республика Мавритания, Королевство Бахрейн, Королевство Марокко, Королевство Саудовская Аравия, Малайзия, Мальдивская Республика, Народная Республика Бангладеш, Объединенные Арабские Эмираты, Республика Индонезия, Сирийская Арабская Республика и Султанат Оман сделали оговорки и заявления о намерении имплементировать ее положения в той степени, в которой они не противоречат предписаниям шариата (исламу, исламскому шариату и т. д.). Следует констатировать, что данные оговорки не только ограничивают объем обязательств государств по международному праву, но и разграничивают вопросы, подлежащие регулированию нормами общего международного права, и вопросы, относящиеся ко внутренней компетенции государства. К последним следует отнести и вопросы соблюдения государствами предписаний шариата (ислама, исламского права).

Право государства выбирать себе культурную систему в актах Организации исламского сотрудничества

К принципам Устава Организации исламская конференция 1972 г., закрепленным в ст. 2 данного международного дого-

вора, относятся уважение принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств-членов, и уважение их суверенитета, независимости и территориальной целостности¹³. При этом согласно ст. 1 учредительного акта Организации, она преследует цели поощрения исламской солидарности и укрепления сотрудничества между государствами в экономической, социальной и культурной сфере. Данные цели связаны с историческими, культурными, религиозными особенностями государств-членов Организации.

Статья 1 Устава ОИС 2008 г. закрепила дополнительные цели Организации, связанные с историческими, культурными и религиозными особенностями государств-членов. К ним относятся распространение, поощрение и защита исламских учений и ценностей, основанных на умеренности и терпимости, поощрение исламской культуры и защита исламского наследия (п. 11), защита истинного образа (*true image*) ислама и борьба с его дискредитацией (п. 14), а также защита исламских семейных ценностей (п. 14)¹⁴. Статья 2 Устава закрепляет международно-правовое обязательство государств-членов Организации «руководствоваться и вдохновляться великими (*noble*) исламскими учениями и ценностями» для достижения ее целей. При этом государства обязаны следовать принципам уважения суверенитета, политической независимости и равенства в правах и обязанностях государств-членов (п. 2, 4) и невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств (п. 4).

Конвенция ОИК о борьбе с международным терроризмом 1999 г.¹⁵ закрепляет международно-правовые обязательства государств-членов, связанные с их историческими, культурными и религиозными особенностями. В соответствии с ч. 4 ст. 4 данного международного договора Договаривающиеся Государства сотрудничают в поощрении информационной деятельности и поддержке средств массовой информации в целях противодействия злонамеренным кампаниям (*vicious campaigns*) против ислама, защищая его истинный образ; во включении

¹³ United Nations Treaty Series. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20914/volume-914-I-13039-English.pdf> (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁴ Organisation of Islamic Cooperation. URL: https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁵ Organisation of Islamic Cooperation. URL: https://www1.oic-oci.org/english/convention/terrorism_convention.htm (дата обращения: 26.05.2023).

высоких человеческих ценностей, воспрепятствующих терроризму, в школьную программу и в поддержку усилий по развитию исламской мысли, основанной на учении о джихаде¹⁶.

Указанные выше международные договоры закрепляют обязательства государств, связанные с осуществлением их права на выбор культурной системы. Таким образом, определенные вопросы, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств-членов ОИС или государств-участников Конвенции ОИК о борьбе с международным терроризмом 1999 г., становятся предметом регулирования норм международного права, созданных на межрегиональном уровне. Следует констатировать, что государства, ограничивающие свои обязательства по универсальным международным договорам теми, которые не противоречат предписаниям шариата, но в то же время принимающие на себя обязательства, связанные с поощрением развития и применением исламских учений, выражают согласие на правовое регулирование вопросов, по существу относящихся к их внутренней компетенции, межрегиональными, но не универсальными нормами международного права.

При этом согласно п. (а) ст. 25 Каирской декларации ОИС о правах человека 2020 г.¹⁷, представляющей собой акт рекомендательного характера, защита и поощрение прав человека, закрепленных в ней, не должны наносить ущерб принципам ислама или национальному законодательству государств. Ничто в Декларации не может быть истолковано таким образом, который подрывает обязательства государств-членов ОИС по универсальным и региональным международным договорам, а также их суверенитет и территориальную целостность (п. (b) ст. 25).

Акты главных органов ОИС не содержат положений о неотъемлемом праве государств-членов свободно выбирать себе экономическую, социальную и культурную систему. В актах Исламского саммита¹⁸ и Совета министров иностранных дел ОИС¹⁹ закреплена позиция государств-членов Организации о праве палестинского народа на самоопределение и независимость. Отечественная наука традиционно относила право народов на определение своего общественного строя и решение внутренних вопросов, включая вопросы культуры и религии, без какого-либо постороннего вмешательства к содержанию принципов равноправия и самоопределения народов и невмешательства во внутренние дела [9. С. 175]. При этом право народов на решение внутренних вопросов культуры аналогично, но не тождественно праву государств самостоятельно выбирать себе культурную систему. Первое право присуще народам, осуществляющим свое право на самоопределение. Осуществление данного права не во всех случаях связано с созданием суверенного государства. Второе указанное право присуще исключительно суверенным государствам.

Исследователи международно-правовой позиции ОИС по вопросам защиты и поощрения прав человека указывают на то, что «государственный суверенитет и принцип невмешательства во внутренние дела государств-членов ОИС имеют приоритет над принципами ислама и защитой прав человека» [24. С. 253]. При этом, как отмечает Г.И. Тункин, «вторжение» регулирующего воздействия международного права в область прав человека не означает <...> того, что они перестали быть в основном внутренними делами государства» [14. С. 69]. Современное международное право, указы-

¹⁶ Первоначально термин «джихад» означал борьбу в защиту и за распространение ислама. При этом еще с раннего периода распространения ислама вопрос о том, обозначает ли данный термин вооруженную борьбу с неверными во имя торжества ислама, является дискуссионным [4, с. 66-67].

¹⁷ Принята резолюцией № 63/47-POL 47-ого Совета министров иностранных дел ОИС в ноябре 2020 г. // Организация исламского сотрудничества. URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/en/CDHRI_2021_ENG.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

¹⁸ Resolution 1/13-PAL (IS) on the Cause of Palestine and Al-Quds Al-Sharif adopted by the 13th Session of the Islamic Summit Conference held in Istanbul on 10-15 April 2016; Resolution on the Cause of Palestine and Al-Quds Al-Sharif Adopted by the Twelfth Islamic Summit in Cairo on 6-7 February 2013 et al. // Organisation of Islamic Cooperation. URL: <https://www.oic-oci.org/confdetail/?cID=6&lan=en> (дата обращения: 26.05.2023).

¹⁹ Resolution no. 1/49-Pal on the Cause of Palestine adopted by the 49th Session of the Council of Foreign Ministers of the Organization of Islamic Cooperation held in Nouakchott on 16 – 17 March 2023; Resolution no. 1/48-Pal on the Cause of Palestine adopted by the 48th Session of the Council of Foreign Ministers of the Organization of Islamic Cooperation held in Islamabad, on 22 – 23 March 2022 et al. // Organisation of Islamic Cooperation. URL: <https://www.oic-oci.org/confdetail/?cID=11&lan=en> (дата обращения: 27.05.2023).

вает В.А. Карташкин, «отличается системой основных принципов и общепризнанных норм, которые постепенно признаются всеми членами международного сообщества в качестве обязательных» [6. С. 9-10].

Следует констатировать, что международно-правовая политика государств-членов ОИС направлена на разграничение вопросов, по существу относящихся к их внутренней компетенции, и вопросов, подлежащих регулированию современным международным правом. Результатом осуществления такой международно-правовой политики является не только «постепенное и синкретическое восприятие норм международного права исламским правом» [22. С. 790], но и кодификация и прогрессивное развитие региональных, межрегиональных и универсальных норм международного права, предметом регулирования которых являются исторические, культурные и религиозные особенности государств-членов ОИС. При этом акты ОИС, не закрепляя непосредственно неотъемлемое право его государств-членов выбирать себе культурную систему, содержат положения об ограничениях данного права, а также о случаях, в которых реализации данного права государством не может быть нанесен ущерб.

Право государства выбирать себе культурную систему в конституционном законодательстве государств-членов Организации исламского сотрудничества

Исследователи международно-правовых аспектов деятельности ОИС отмечают, что влияние ислама на правовые системы ряда государств-членов Организации привело к тому, что данная религия легла в основу всей их правовой и политической системы [20. С. 172-173]. С точки зрения международного права приверженность исламским принципам некоторых государств-членов Организации следует характеризовать не только как историческую, культурную и религиоз-

ную особенность, закрепленную в их конституционном законодательстве в результате реализации права данных государств на выбор культурной системы, но и как основу их государственного и общественного строя, по существу составляющую сферу их внутренней компетенции. Данная особенность реализации права государств на выбор культурной системы характерна, например, для Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г.²⁰, Конституции Исламской Республики Иран 1979 г.²¹, Конституции Республики Ирак 2005 г.²² и Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. с изменениями 2019 г.²³ (далее – Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.).

Преамбула основного закона всех четырех государств начинается с характерной для юридической техники исламских государств формулировки «Во имя Аллаха, (самого) милостивого и милосердного». Согласно преамбуле Конституции Исламской Республики Иран 1979 г., основной закон государства «закрепляет культурные, социальные, политические и экономические институты народа Ирана, которые основаны на исламских принципах и нормах и отражают основополагающие желания (*fundamental desires*) исламского народа». Преамбула закрепляет концепцию «исламского правления» (*Islamic Government*), в соответствии с которой осуществляется управление государством. Преамбула Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. «подтверждает, что принципы исламского шариата являются основным источником законодательства».

Основной закон Арабской Республики Египет (ст. 1), Королевства Саудовская Аравия (ст. 1) и Республики Ирак (ст. 3) закрепляет принадлежность данных государств к исламскому (мусульманскому) миру. Основной закон всех четырех государств содержит положения о том, что ислам является их официальной (государственной) религией²⁴.

²⁰ The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia in Washington, DC. URL: <https://www.saudiembassy.net/basic-law-governance> (дата обращения: 30.05.2023).

²¹ FAOLEX Database // Food and Agriculture Organisation of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC127540/> (дата обращения: 30.05.2023).

²² FAOLEX Database // Food and Agriculture Organisation of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/ru/c/LEX-FAOC128541/> (дата обращения: 29.05.2023).

²³ The Supreme Standing Committee for Human Rights of Egypt. URL: <https://sschr.gov.eg/en/the-egyptian-constitution/> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁴ Статья 1 Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г., ст. 12 Конституции Республики Ирак 2005 г., ст. 1 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. и ст. 2 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г.

В соответствии с Конституцией Исламской Республики Иран 1979 г. форма правления данного государства – исламская республика. Основной закон Королевства Саудовская Аравия (ст. 8) и Исламской Республики Иран (ст. 1, 2, 11, 14 и др.) содержат положения об осуществлении государственного управления в соответствии с принципами исламского шариата. При этом ст. 7 Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г.²⁵, ст. 2 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г., ст. 1 Конституции Республики Ирак 2005 г. и ст. 2 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. провозглашают принципы исламского шариата главным источником законодательства государства (*source of legislation*). При этом форму правления и источники законодательства следует относить к основам государственной и общественной системы.

Следует констатировать, что положения ст. 9 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. закрепляют гарантии права на выбор экономической, политической, социальной и культурной системы государства. Согласно положениям данной статьи, защита свободы, независимости, единства и территориальной целостности государства являются обязанностью правительства и всех граждан. Ни один индивид, группа индивидов, государственный орган или должностное лицо (*authority*) не вправе вмешиваться в какой-либо форме в политическую, культурную, экономическую или военную независимость или территориальную целостность Ирана, обосновывая данные действия осуществлением своей свободы.

Положения основного закона рассматриваемых государств о соотношении международного и национального права различны. Согласно ст. 81 Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г. применение данного акта не должно нарушать обязательств Королевства Саудовская Аравия по отношению к иным государствам, международным организациям и

органам. В соответствии со ст. 151 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. во всех случаях недопустимо заключение международного договора, положения которого противоречат основному закону государства. Конституция исламской Республики Иран 1979 г. и Конституция Республики Ирак 2005 г. не содержат общих положений о соотношении международного и национального права.

Все четыре рассматриваемых государства участвовали в разработке и принятии текста Всеобщей декларации прав человека 1948 г., причем Королевство Саудовская Аравия является единственным исламским государством, воздержавшимся от голосования о принятии итогового текста Декларации²⁶. Согласно позиции государства, данный международно-правовой акт «основывается главным образом на западных образцах культуры, которые зачастую отличаются от культуры восточных государств», однако это «не означает, что Декларация противоречит последней»²⁷. Королевство Саудовская Аравия также является единственным из рассматриваемых государств, не принявшим на себя обязательства по Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.²⁸ Принимая на себя обязательства по указанным международным договорам, Исламская Республика Иран и Арабская Республика Египет сделали заявления и оговорки о намерении выполнять обязательства по данным международным договорам в той степени, в которой они соответствуют предписаниям исламского шариата. Правительство Республики Ирак не сделало заявлений или оговорок, принимая на себя обязательства по данным международным договорам.

Рассматриваемые государства являются участниками универсальных международных договоров о защите прав отдельных категорий населения. Принимая на себя обязательства по Конвенции о ликвидации

²⁵ Исключительной особенностью Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г. является провозглашение Корана и сунны Пророка конституцией данного государства (ст. 1).

²⁶ General Assembly, Verbatim records of meeting No. 183 // Universal Declaration of Human Rights. Paris, 10 December 1948. Selected preparatory documents (in chronological order) // Audiovisual Library of International Law. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/udhr/udhr.html> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁷ Third Committee of the General Assembly, Summary records of meeting No. 91 // Universal Declaration of Human Rights. Paris, 10 December 1948. Selected preparatory documents (in chronological order) // Audiovisual Library of International Law. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/udhr/udhr.html> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁸ Chapter IV: Human Rights // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/Treaties.aspx?id=4&subid=A&clang=_en (дата обращения: 28.05.2023).

всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и Конвенции о правах ребенка 1989 г., Арабская Республика Египет и Королевство Саудовская Аравия сделали в отношении каждого из данных международных договоров оговорку о намерении выполнять те обязательства, закрепленные данными международными договорами, которые не противоречат предписаниям исламского шариата. Принимая на себя обязательства по Конвенции о правах инвалидов 2006 г. Арабская Республика Египет сделала заявление о толковании с опорой на концепцию правоспособности, закрепленную в национальном законодательстве государства.

Исламская Республика Иран не является участником Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., однако при ратификации Конвенции о правах ребенка 1989 г. государство сделало оговорку о том, что оно оставляет за собой право не применять те положения Конвенции, которые несовместимы с предписаниями исламского шариата или вступивших в силу международно-правовых актов (*international legislation in effect*). При этом ст. 21 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. закрепляет обязательство государства обеспечить права женщин во всех сферах в соответствии с исламскими принципами, а также достигнуть определенные в статье цели, направленные на защиту прав женщин и детей.

Республика Ирак не сделала оговорку, направленных на ограничение ее международно-правовых обязательств теми, которые не противоречат предписаниям исламского шариата, принимая на себя обязательства по рассматриваемым международным договорам.

Заключение

Право государства выбирать себе экономическую, политическую, социальную и культурную системы было закреплено в универсальных, региональных и двусторонних международно-правовых актах в результате кодификации и прогрессивного развития норм международного права во второй половине XX в. В универсальных, региональных и двусторонних международно-правовых актах государств, а также в доктрине

международного права оно характеризуется как суверенное и неотъемлемое право государств, которое ограничено их международно-правовыми обязательствами. При этом в случаях, когда исторические, культурные и религиозные особенности государства, установленные в результате реализации его права на выбор культурной системы, являются основами его государственного и общественного строя, правовое регулирование таких исторических, культурных и религиозных особенностей государств следует относить к вопросам, по существу относящимся к его внутренней компетенции. При этом данные особенности в принципе не подлежат регулированию международным правом.

Акты ОИС не содержат положений о неотъемлемом праве государств-членов свободно выбирать себе экономическую, социальную и культурную систему. При этом международно-правовые акты, принятые под эгидой данной организации, закрепляют международно-правовые обязательства государств-членов, ограничивающие реализацию данного права, а также их международно-правовую позицию о случаях, в которых его реализации не может быть нанесен ущерб. Международно-правовая политика ОИС и ее государств-членов направлена на разграничение вопросов, по существу относящихся к их внутренней компетенции, и вопросов, подлежащих регулированию современным международным правом. Результатом ее осуществления являются кодификация и прогрессивное развитие региональных, межрегиональных и универсальных норм международного права, направленных на регулирование исторических, культурных и религиозных особенностей государств-членов ОИС.

Конституционное законодательство четырех исследованных государств-членов ОИС закрепляет исторические, культурные и религиозные особенности в качестве элементов их государственного и общественного строя. Данная особенность характерна для некоторых, но не всех государств-членов Организации. При этом три из четырех изученных государств ограничивают объем своих обязательств по данным международным договорам теми, которые не наносят ущерб их историческим, культурным и религиозным особенностям.

Литература:

1. Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19-30.
2. Аречага Х. Общие принципы международного права, регулирующие поведение государств // Современное международное право. 1983. 480 с.
3. Иванов Д. В., Пчелинцева В. В. Международная защита и поощрение прав человека в Организации исламского сотрудничества: современные тенденции // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 2. С. 13-22.
4. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
5. Карташкин В. А. Изменение нормативного содержания основных принципов современного международного права // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 29-39.
6. Карташкин В. А. Права человека и развитие международного права // Российский ежегодник международного права. 2017. Т. 2017. С. 9-19.
7. Колодкин Р. А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38-61.
8. Курс международного права в VI томах. Т. 2. М., 1967.
9. Курс международного права в VII томах. Т. 2. М., 1989.
10. Пчелинцева В. В., Иванов Д. В. Защита прав человека в Организации исламского сотрудничества: между универсализмом и культурным релятивизмом // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1145-1155.
11. Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. С. 526-545.
12. Сюкияйнен Л. Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 205-222.
13. Сюкияйнен Л. Р. Фикх - источник современного права в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 222-245.
14. Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2016.
15. Ушаков Н. А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Московский журнал международного права. 1994. № 2. С. 3-21.
16. Фердросс А. Международное право. М., 1959. 652 с.
17. Черниченко С. В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 3-17.
18. Черниченко С. В. Контурсы международного права. М., 2014.
19. Aloupi N. The Right to Non-intervention and Non-interference // Cambridge International Law Journal. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 566-587.
20. Castillo V. L. G., Ángeles J. C. Islam and International Organizations: the Organization of Islamic Cooperation // Evolutions in the Law of International Organizations. Brill Nijhoff, 2015. P. 171-191.
21. Damrosch L. F. Politics across borders: Non-intervention and nonforcible influence over domestic affairs // American Journal of International Law. 1989. Vol. 83. No. 1. P. 1-50.
22. Farrar S. The Organisation of Islamic Cooperation: Forever on the Periphery of Public International Law? // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. No. 4. P. 787-817.
23. Guerreiro A. The legal status of the principle of non-intervention // Moscow Journal of International Law. 2022. No. 1. P. 6-26.
24. Gunn T. J., Lagresa A. The Organisation of Islamic Cooperation: Universal Human Rights, Islamic Values, or Raisons d'Etat // Human Rights and International Legal Discourse. 2016. Vol. 10. P. 248-274.
25. Naigen Z. The principle of Non-interference and its Application in Practices of Contemporary International Law // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 9. P. 449-464.

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO CHOOSE A CULTURAL SYSTEM BY ISLAMIC STATES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Introduction. The right to choose the state's cultural system derives from the principle of non-interference in the matters within its domestic jurisdiction. Although the necessity to precise the content of the main principles of international law has been outlined in the Russian international law doctrine, hardly any research focusing on the right to choose cultural system can be found. The research on international law position of the Organization of Islamic Cooperation and its Member States concerning the right to choose the state's cultural system is lacking despite the fact that historical, cultural and religious particularities of the Member States of the OIC affect the scope of their obligations under international law.

Materials and Methods. The research aims to discover the particularities of the exercise of the right to choose cultural system by the Member States of the OIC and their impact on the qualification of matters within domestic jurisdiction of these states. The research includes historical and systemic legal analysis of the principles and norms of general international law concerning the right to choose the state's cultural system and their application in OIC acts and constitutional law of OIC Member States on the example of the Arab Republic of Egypt, Islamic Republic of Iran, Kingdom of Saudi Arabia and Republic of Iraq.

Results. The sovereign and inalienable right to choose the state's economic, political, social and cultural system was enshrined in universal, regional

and bilateral international law acts in the result of codification and progressive development of international law norms in the second half of XXth century. The exercise of this right is limited by the state's international law obligations. Including provisions on the state's historical, cultural and religious particularities in the state's basic law should be considered as a form of exercising its right to choose cultural system.

Discussion and Conclusions. If historical, cultural and religious particularities of a state constitute the basis of its state and social system, the legal regulation of these particularities should be considered the matter of its domestic jurisdiction. Thus, such particularities may not be regulated by international law. OIC acts enshrine the limitation of the exercise of the right to choose the state's cultural system as well as the Member States' position as regards cases when interference in the exercise of this right is not permissible. The attachment of some OIC Member States to the principles of Islamic Sharia should be considered not only as their historical, cultural and religious particularity but also as a basis of their state and social system, which falls within their domestic jurisdiction.

Valeria V. Pchelintseva,
Postgraduate Student,
International Law Department,
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Ключевые слова:

международное право; принципы международного права; невмешательство во внутренние дела государства; суверенное равенство государств; Организация исламского сотрудничества; права человека; исламское право; шариат

Keywords:

international law; principles of international law; non-interference in domestic affairs; sovereign equality of states; Organization of Islamic Cooperation; human rights; Islamic law; sharia

References:

1. Abashidze A. H., 2017. Principy mezhdunarodnogo prava: problem ponjatijno-soderzhatel'ongo haraktera [Principles of International Law: Problems of Terminology and Content]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. No. 4. P. 19-30.
2. Arechaga H., 1983. Obshhie principy mezhdunarodnogo prava, regulirujushhie povedenie gosudarstv [General Principles of International Law Governing the Conduct of States]. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo* [Modern International Law]. 480 p.

3. Ivanov D. V., Pchelintseva V. V., 2021. Mezhdunarodnaja zashhita i pooshhrenie prav cheloveka v Organizacii islamskogo sotrudnichestva: sovremennye tendencii [International Protection and Promotion of Human Rights by the Organization of Islamic Cooperation: Modern Tendencies]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. [Journal of Law and Administration]*. T. 17. No. 2. C. 13-22.
4. Islam. Jenciklopedicheskij slovar' [Islam. Encyclopedic Dictionary]. M., 1991.
5. Kartashkin V. A., 2015. Izmenenie normativnogo soderzhaniya osnovnykh principov sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Changes in the Normative Content of the Main Principles of International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 1. C. 29-39.
6. Kartashkin V.A., 2017. Prava cheloveka i razvitie mezhdunarodnogo prava [Human Rights and Development of International Law]. *Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Russian Yearbook of International Law]*. Vol. 2017. P. 9-19.
7. Kolodkin R. A. 2005. Fragmentacija mezhdunarodnogo prava [Fragmentation of International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 2. P. 38-61.
8. Kurs mezhdunarodnogo prava v VI tomah [Course of International Law in VI Volumes]. Vol. 2. 1967.
9. Kurs mezhdunarodnogo prava v VII tomah [Course of International Law in VII Volumes]. Vol. 2. 1989.
10. Pchelinceva V. V., Ivanov D. V., 2022. Zashhita prav cheloveka v Organizacii islamskogo sotrudnichestva: mezhdunarodnyj aspekt i kul'turnyj relativizm [Protection of Human Rights in the Organization of Islamic Cooperation: between Universalism and Cultural Relativism]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanitarian Sciences]*. 2022. Vol. 15. No. 8. P. 1145-1155.
11. Sinjakin I. I., Skuratova A. Ju., 2018. Normy jus cogens: istoricheskij aspekt i sovremennoe znachenie dlja mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens Norms: Historical Aspect and Modern Significance for International Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki [Herald of Perm University. Legal Sciences]*. No. 41. P. 526-545.
12. Sjukijajnen L. R., 2016. Konstitucionnyj status shariata kak istochnika zakonodatel'stva v arabskikh stranah [Constitutional Status of Shari'a as a Source of Legislation in Arab Countries]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. No. 4. P. 205-222.
13. Sjukijajnen L. R., 2019. Fikh - istochnik sovremennogo prava v arabskikh stranah [Fiqh as a Source of Modern Law in Arab States]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. No. 4. P. 222-245.
14. Tunkin G. I. Teorija mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]. 2016.
15. Ushakov N. A., 1994. Suverenitet i ego voploshhenie vo vnutrigosudarstvennom i mezhdunarodnom prave [Sovereignty and its Implementation in National and International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 2. P. 3-21.
16. Ferdross A., 1959. Mezhdunarodnoe pravo [International Law].
17. Chernichenko S. V., 2012. Vzaimosvjaz' imperativnykh norm mezhdunarodnogo prava (jus cogens) i objazatel'stv erga omnes [Interconnection between the Peremptory Norms of International Law (Jus Cogens) and Erga Omnes Obligations]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 3. P. 3-17.
18. Chernichenko S. V., 2014. Kontury mezhdunarodnogo prava [Contours of International Law].
19. Aloupi N., 2015. The Right to Non-intervention and Non-interference. *Cambridge International Law Journal*. Vol. 4. No. 3. P. 566-587.
20. Castillo V. L. G., Ángeles J. C., 2015. Islam and International Organizations: the Organization of Islamic Cooperation. *Evolutions in the Law of International Organizations*. P. 171-191.
21. Damrosch L. F., 1989. Politics across borders: Non-intervention and nonforcible influence over domestic affairs. *American Journal of International Law*. Vol. 83. No. 1. P. 1-50.
22. Farrar S., 2014. The Organisation of Islamic Cooperation: Forever on the Periphery of Public International Law? *Chinese Journal of International Law*. Vol. 13. No. 4. P. 787-817.
23. Guerreiro A., 2022. The legal status of the principle of non-intervention. *Moscow Journal of International Law*. No. 1. P. 6-26.
24. Gunn T. J., Lagresa A., 2016. The Organisation of Islamic Cooperation: Universal Human Rights, Islamic Values, or Raisons d'Etat. *Human Rights and International Legal Discourse*. Vol. 10. P. 248-274.
25. Naigen Z., 2016. The principle of Non-interference and its Application in Practices of Contemporary International Law. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 9. P. 449-464.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В 2014-2022 ГГ.

Ольга Григорьева*
Всеволод Наумкин**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-37-45

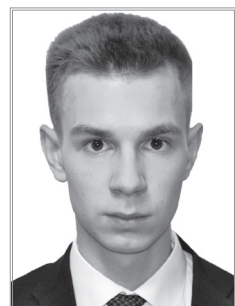

Введение. Интеграция новых субъектов Федерации (города федерального значения Севастополь и Республики Крым) в правовое поле России сопровождалась активным законотворческим процессом на федеральном и региональном уровнях, созданием отраслевых органов власти. Данные процессы активно проходили и в сфере учета недвижимого имущества и регистрации прав, имели как положительные, так и отрицательные черты. Их выявление, изучение, анализ основных тенденций позволит оптимизировать процесс государственной регистрации прав в других новых субъектах Федерации, позволит максимально обеспечить права и законные интересы собственников недвижимости.

Материалы и методы. Данное исследование основано на:

- 1) результатах проведенного авторами опроса крымчан относительно прохождения процедур государственной регистрации прав на недвижимость;
- 2) анализе решений судов Крыма по делам о недвижимости;
- 3) совокупности таких методов научного познания, как: диалектический метод, который позволил связать теорию гражданского права и судебную практику; формально-юридический метод позволил проанализировать законодательные нормы; системный метод позволил рассмотреть институт государственной регистрации права собственности на недвижимость как систему с внутренним единством и взаимосвязями с другими институтами права.

Результаты исследования. Порядок регистрации недвижимости в новых субъектах - городе федерального значения Севастополь и Республике Крым, в 2014-2016 гг. имел существенные особенности. Активно шел процесс формирования отраслевых государственных органов и законодательства, которое за-

* **Григорьева Ольга Геннадьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России
e-mail 5618861@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6047-1598

** **Наумкин Всеволод Вадимович**, студент 4 курса МГИМО МИД России
e-mail ssew1108@gmail.com
ORCID ID: 0009-0007-6006-4101

крепилло удобную и малозатратную для собственников процедуру. Так, выданные в Украине правоустанавливающие документы были признаны бессрочными, перерегистрация права собственности на недвижимое имущество не требовалась, заявители освобождались от уплаты госпошлины. Вместе с тем на первоначальном этапе данный процесс проходил с определенными трудностями, которые были связаны с неразработанностью отраслевого законодательства; существовавшим в данной сфере правовым вакуумом (часто «беспределом») в бытность украинского государства; правовой неграмотностью населения; массовым отсутствием правоустанавливающих документов либо государственной регистрации права по законодательству Украины; необходимостью судебного признания права собственности, что повлекло за собой огромную нагрузку на суды, которые также находились в процессе перехода на российское законодательство. Процесс существенно осложнялся наличием в собственности иностранцев многочисленных объектов недвижимости, расположенной на приграничных территориях, что запрещено российским законодательством. Кроме того, до формирования органов опеки и попечительства в регионе была невозможна государственная регистрация сделок с имуществом подопечных. Возникали сложности с оформлением прав наследников. Отсутствовал должный учет и ведение архивов в БТИ. Благодаря тому, что в течение 2015-2016 гг. Госкомрегистр Крыма активно выстраивал межведомственное взаимодействие с другими государственными органами, нотариатом, БТИ, внедрял цифровые сервисы, предоставление государственных услуг по регистрации прав на недвижимость приобрело четкий, высокоорганизованный и малозатратный для собственников характер.

Обсуждение и заключение. Трансформация правового пространства г. Севастополя и Республики Крым в связи с воссоединением с Россией – это первый подобный опыт в истории нашего государства. Определенные негативные моменты, которые имели место в сфере государственной регистрации прав на недвижимость, в течение 2014-2016 гг. в основном были преодолены. Внедрение цифровых сервисов и налаженное межведомственное взаимодействие вывело данный процесс на существующий в других российских регионах уровень. Опыт государственной регистрации прав на недвижимость, полученный в 2014-2022 гг. на территории Крыма, безусловно, должен быть использован при проведении соответствующих процедур на территориях других новых субъектов Федерации, что максимально будет способствовать защите прав и законных интересов собственников.

Введение

Март 2014 г. ознаменован грандиозным историческим событием - воссоединением полуострова Крым с Российской Федерацией. С целью интеграции новых субъектов Федерации (города федерального значения Севастополь и Республика Крым) в правовое поле России, в том числе в сфере регистрации и учета находящегося на данных территориях недвижимого имущества, был принят целый комплекс

нормативных актов. Выдача документов о собственности на территории Крыма началась с августа 2014 г.¹, т.е. практически через полгода после вхождения новых субъектов в состав России. Как оценить этот период времени с точки зрения осуществления и защиты права собственности крымчан? Немало критических замечаний было высказано относительно длительного периода времени, в течение которого крымчане не имели возможности совершать сделки с недвижимостью и регистрировать право собственности.

¹ В Крыму и Севастополе начали регистрировать недвижимость // Российская газета [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2014/08/12/reg-kfo/reestr.html> (дата обращения: 05.04.2023).

В частности Плотникова И.Н. отмечает, что в Крыму «образовался огромный правовой вакуум, в т.ч. в области правового регулирования оборота недвижимости и регистрации прав собственности на нее в связи с тем, что украинское законодательство на полуострове уже не действовало, а российское законодательство на практике еще не действовало» [2].

Вместе с тем, нельзя не учитывать, что это был первый в истории российской правовой системы опыт. Следовало не только обеспечить законодательное регулирование всех отраслей, но и наладить функционирование органов власти федеральных, региональных, муниципальных. Кроме того, региональные отделения Росреестра не имели доступа к реестру недвижимости Украины, который осуществлял Укргосреестр.

Следует признать, что необходимая законодательная база для регистрации объектов недвижимости, прав и обременений была принята довольно быстро. Так, 21 марта 2014 года был принят Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее - ФКЗ № 6), регулирующий различные аспекты образования в Российской Федерации двух новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополь. В частности, ст. 12 ФКЗ № 6 гласит, что на территории двух данных субъектов продолжают действовать выданные официальными органами Украины документы, в том числе подтверждающие право собственности на принадлежащее гражданам имущество.² 30 мая 2014 года между Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (далее - Росреестр) и Правительством Республики Крым было подписано Соглашение о пере-

даче полномочий Росреестра на региональный уровень, Государственному комитету по государственной регистрации и кадастру Республики Крым (далее - Госкомрегистр). Данное Соглашение утверждено Распоряжением Правительства РФ от 17 июля 2014 г.³

Исследование

Порядок регистрации недвижимости в новых субъектах - городе федерального значения Севастополь и Республике Крым, имел свои особенности. Поскольку федеральное законодательство закрепило нормы о том, что выданные в Украине правоустанавливающие документы действуют бессрочно, перерегистрацию права собственности на недвижимое имущество осуществлять было необязательно. В данном случае граждане освобождались от уплаты государственной пошлины на перерегистрацию своих прав, возникших до 7 марта 2014 г. В другом случае, при переходе права собственности на объект недвижимости (например, при заключении договора купли-продажи) Госкомрегистр одновременно осуществлял перерегистрацию уже в отношении нового собственника и взимал с него государственную пошлину. Таким образом, у граждан отсутствовала необходимость дважды обращаться в уполномоченный орган - с заявлением о перерегистрации своего права собственности и второй раз - для регистрации перехода права.⁴

Можно отметить, что законодательство закрепило весьма удобную и незатратную процедуру. Вместе с тем, как показал проведенный авторами опрос крымчан, население было мало осведомлено о данных законодательных нормах, в территориальные отделы Госкомрегистра стояли большие очереди для перерегистрации права собственности на недвижимость. Как отмечал Глава Республики Крым С. Аксёнов, «некоторые када-

² Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 N 6-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 05.04.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.07.2014 № 1334-р «Об утверждении Соглашения между Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии и Правительством Севастополя о передаче осуществления части полномочий в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и государственного кадастрового учета» // СЗ РФ. 2014. № 30. Ст.4363.

⁴ Часто задаваемые вопросы // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/21> (дата обращения: 05.04.2023).

стровые и риэлтерские фирмы умышленно обманывают крымчан, убеждая их в необходимости переделать документы» [1]. Более того, по словам Председателя Госкомрегистра А. Спиридонова, граждане со временем «поняли, что понапрасну тратили свои силы» и поэтому в большинстве своём не приходили забирать ранее заказанные кадастровые паспорта и свидетельства [4].

Согласно ст. 10 ч. 1 Конституции Республики Крым, государственными языками на территории субъекта РФ являются три языка: русский, украинский и крымскотатарский.⁵ Соответственно Госкомрегистр осуществлял приём правоустанавливающих документов на любом из трех языков и самостоятельно переводил их при необходимости, не взимая с граждан плату за эту услугу. Такая возможность обеспечивалась за счет функционирования в ведомстве специального отдела, занимающегося переводом таких документов.⁶ Однако заявители должны были перевести и заверить у нотариуса перевод других документов, которые подавались в целях государственной регистрации прав (например, документ, удостоверяющий личность), что создавало для граждан дополнительные сложности.

Крымчане сталкивались с рядом иных проблем при регистрации недвижимого имущества. Так, серьезной проблемой стало массовое отсутствие правоустанавливающих документов на земельные участки и другие объекты недвижимости. Как показал наш опрос, власти Украины часто не проводили регистрацию права собственности на недвижимость и не регистрировали сами объекты недвижимости, например, вновь построенные, ограничиваясь самим «фактом владения». Существовавший «бардак в документах» порождал незаконные сделки с недвижимостью, захват объектов.

Согласно ст. 264 ГПК РФ «Дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение»⁷, суд устанавливает факты, от ко-

торых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций. Следовательно, при отсутствии правоустанавливающих документов на недвижимость заинтересованные лица должны были сначала обратиться в суд за признанием права собственности и лишь потом, на основании судебного решения госрегистратор мог произвести государственную регистрацию права собственности заявителя. Таким образом, процесс усложнялся не только отсутствием правоустанавливающих и правоподтверждающих документов, но еще и переводом деятельности судов Крыма на российское законодательство. Поэтому судебная практика региона по делам о недвижимости столь обширна.

Приведем вполне типичный пример. Ленинским районным судом Республики Крым по делу №2-995/2015 были удовлетворены требования истцов супругов П. о признании права собственности на домовладение, которое принадлежало объединению «Крымптицепром» до его ликвидации (правопреемник у него отсутствует). Истцы после приобретения в 1982 году домовладения не оформляли правоустанавливающие документы и не регистрировали право собственности на имущество. Также супруги отмечали, что ими не была осуществлена государственная регистрация своевременно в связи с юридической неграмотностью. Для подтверждения фактического проживания в домовладении истцы предоставили копию справки объединения «Крымптицепром», в котором было указано, что П. выплатил объединению ссуду за дом в 1992 году; копию домовой книги, в которой указано, что П. является владельцем дома, а также ряд иных документов⁸.

Нередко Госкомрегистр отказывал в регистрации права собственности на том основании, что собственники имели нотариально заверенные правоустанавливающие документы, но в них не усматривалась

⁵ Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 года (с изменениями на 20 мая 2022 года) (в ред. Закона Республики Крым от 20.05.2022 № 287-ЗРК/2022) // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901001> (дата обращения: 05.04.2023).

⁶ Специалисты Госкомрегистра перевели с украинского языка почти 50 тысяч правоустанавливающих документов заявителей // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/1118> (дата обращения: 05.04.2023).

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁸ Решение Ленинского районного суда Республики Крым от 27 июля 2015 года по делу №2-995/2015 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/X1EPsAyy1pQ5/?regular-txt=%D0...> (дата обращения: 05.04.2023)

государственная регистрация, оформленная надлежащим образом по законодательству Украины. Суд в делах № 2-208/2016, № 2-4279/2015, № 2-977/2016, руководствуясь ст. 12 ФКЗ № 6, вставал на сторону истцов и признавал право собственности на имущество, поскольку подтверждающие право собственности документы, выданные органами власти Украины до 7 марта 2014 г., действуют бессрочно.

Для упрощения ситуации с государственной регистрацией недвижимости и снятия напряжения в данной сфере в марте 2016 г. Госкомрегистр разработал механизм выдачи архивных копий правоустанавливающих документов, хранящихся в архивах, принадлежавших ранее территориальным отделам регистрационной службы юстиции и Государственного агентства земельных ресурсов Украины. 19 апреля 2016 г. впервые была выдана копия такого документа. [4] По состоянию на ноябрь 2017 г. Госкомрегистр выдал гражданам около 10000 архивных копий украинских правоустанавливающих документов⁹.

Иным способом подтвердить право собственности на недвижимое имущество в том случае, если были утрачены или повреждены правоустанавливающие документы, можно было с помощью «дачной амнистии». На ноябрь 2015 г. использовать данный инструмент на территории Республики Крым было невозможно в связи с отсутствием необходимых для этого норм в региональном законодательстве. В феврале 2016 г. Госкомрегистром был представлен законопроект о поправке к Закону Республики Крым, который устанавливает особенности регулирования земельных и имущественных отношений на территории Субъекта. Принятие Государственным Советом Республики Крым таких поправок позволило в полной мере запустить «дачную амнистию». Как и в других российских регионах, это дало возможность крымчанам зарегистрировать право на самовольные строения на основе правоустанавливающих документов на землю. Государственная пошлина за регистрацию на тот момент составляла 350 рублей [4]. В мае 2016 г. порядка 500 крымчан оформили

право собственности на постройки в рамках механизма «дачной амнистии» [5]. «Дачная амнистия» показала свою эффективность, вследствие чего ее действие на всей территории Российской Федерации продлено до 1 марта 2031 года.

Проведенный опрос позволил также выявить ряд других проблем, связанных с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество на территории новых субъектов Федерации. В их числе:

1. До формирования органов опеки и попечительства в регионе была невозможна государственная регистрация сделок с имуществом подопечных;

2. Возникали сложности с оформлением прав наследников. Приведем характерный пример. Гражданка А. начала перерегистрацию права собственности по российскому законодательству, но скончалась. Завещание было составлено ранее по законам Украины. Наследнику пришлось пройти несколько судебных процессов: 1) признании права собственности за умершей; 2) о восстановлении сроков принятия наследства; 3) о признании права собственности на недвижимость за наследником. И только потом он смог подать документы для государственной регистрации права.

3. «Бардак» и волокита в работе Бюро технических инвентаризаций Республики Крым (далее – БТИ). Так, гражданка Б. владела 18/100 объекта недвижимости. Это домовладение гражданка Б. получила в собственность по договору дарения в 2004 г. Однако в БТИ документы на дом были утрачены. Многократные обращения в БТИ и Госкомрегистр результата не дали, в перерегистрации права собственности было отказано на том основании, что в БТИ не было необходимых сведений. Суд признал право собственности лишь в 2021 г.

Собственниками недвижимости на территории Крыма были также иностранные граждане. Согласно ч. 3 ст. 15 Земельного Кодекса РФ иностранные граждане не могут иметь в собственности земельные участки, расположенные на приграничных территориях¹⁰. Перечень таких территорий определяется Указом Президента РФ. В марте 2020 г.

⁹ За полтора года Госкомрегистр выдал гражданам около 10 000 архивных копий украинских правоустанавливающих документов // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/1643> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁰ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // СР РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

девятнадцать муниципальных образований Республики Крым вошли в перечень приграничных территорий¹¹. Начала формироваться соответствующая судебная практика. Так, Симферопольским районным судом Республики Крым по делу № 2-1495/2020 был частично удовлетворен иск о признании права собственности Лисового А.О., гражданина Украины, на земельный участок площадью 408 кв. м. на основе удостоверенного в 2011 г. частным нотариусом договора купли-продажи. Государственную регистрацию своего права собственности истец не производил. Руководствуясь положениями п. 1 и 2 ст. 238 Гражданского Кодекса РФ, суд возложил на Лисового А.О. обязанность в течение года со дня вступления в законную силу решения произвести отчуждение своего земельного участка. В случае неисполнения данного решения государственные или муниципальные органы могут принять меры для принудительной продажи земельного участка¹².

Стоит отметить, что пока принуждение через суд к продаже земельных участков иностранными гражданами не приобрело массового характера, поскольку значительная доля иностранцев самостоятельно производит отчуждение путем совершения возмездных либо безвозмездных сделок.

По данным Госкомрегистра, с марта 2020 г. по июль 2021 г. число земельных участков на территории Республики Крым, находящихся в собственности иностранных граждан, сократилось с 11500 до 6600 [3].

Заключение

Итак, трансформация правового пространства г. Севастополя и Республики Крым в связи с воссоединением с Россией – это первый подобный опыт в истории нашего государства. Безусловно, он имел и по-

зитивные черты и отрицательные моменты. В сфере государственной регистрации прав на недвижимость не обошлось без ошибок, законодательных пробелов и противоречий, которые в первое время в определенной степени ущемляли права собственников.

Отдельные негативные факты, имевшие место в процессе государственной регистрации прав на недвижимость, были вызваны объективными причинами – неразработанностью законодательства, которое не успевало за стремительно развивавшимися общественными отношениями; существовавшим в данной сфере правовым вакуумом («беспределом») в бытность украинского государства; правовой неграмотностью населения, отсутствием правоустанавливающих документов либо государственной регистрации права по законодательству Украины; отсутствием документов на домовладения в БТИ; необходимостью судебного признания права собственности; наличием в собственности иностранцев многочисленных объектов недвижимости и др.

Вместе с тем, Госкомрегрстр для повышения качества государственного управления в данной сфере активно налаживал межведомственное взаимодействие с другими государственными органами, нотариатом, БТИ.

Так, в августе 2014 г. Госкомрегрстр и БТИ Республики Крым подписали Соглашение о взаимодействии с целью ускорения предоставления органами БТИ сведений о ранее зарегистрированных правах на объекты недвижимого имущества, которые находятся в архивах БТИ¹³.

В мае 2016 г. Госкомрегрстр и Нотариальная Палата Республики Крым договорились о том, что регистратору будут переданы сведения об арестах и запрещениях на недвижимость в Крыму, зарегистрированную до 2014 г.¹⁴

¹¹ Указ Президента РФ от 09.01.2011 N 26 (ред. от 23.11.2021) «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109069/ (дата обращения: 05.04.2023).

¹² Решение Симферопольского районного суда Республики Крым от 21.07.2020 по делу № 2-1495/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1AG9i7TOFc5N/?regular-txt=%...> (дата обращения: 05.04.2023).

¹³ Руководство Государственного комитета по государственной регистрации и кадастру Республики Крым встретилось с начальниками крымских бюро технических инвентаризаций // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/1> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁴ Нотариусы передадут в Госкомрегрстр сведения об арестах и запрещениях на недвижимость в Крыму, зарегистрированную до 2014 г. // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/644> (дата обращения: 05.04.2023).

С августа 2014 г. по ноябрь 2017 г. Госкомрегистр передал в правоохранительные органы сведения о 44 материалах, основными предметами нарушения которых являются: предоставление поддельных документов для осуществления государственной регистрации, незаконная регистрация объектов за частным лицом¹⁵.

Серьезные успехи были достигнуты данным ведомством в области цифровизации. В декабре 2016 г. Госкомрегистр был признан абсолютным лидером среди всех органов власти (как на региональном уровне, так и на местном) по общему числу государственных услуг, оказанных в электронной форме (удельный вес онлайн услуг среди всех других – 93%).¹⁶ А в декабре 2017 г. ведомство стало лидером среди учетно-регистрационных органов РФ по объему услуг, оказанных в электронной форме.¹⁷ Также существенно упростило задачу предоставление государственных услуг в учетно-регистрационной сфере в многофункциональных центрах (МФЦ).

На начальном этапе, в 2014 г., процесс государственной регистрации недвижимо-

сти можно считать несовершенным как в связи с недостаточной оперативностью взаимодействия между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Крым, так и в связи с отсутствием опыта принятия в состав России новых субъектов. Данный вывод также обусловлен неспособностью регистрирующего органа справиться с наплывом людей в этот период, что в свою очередь явилось последствием ненадлежащего правового просвещения граждан со стороны органов власти. Однако, начиная с второй половины 2015 г., процесс государственной регистрации прав на недвижимость приобретает более организованный характер.

Опыт государственной регистрации прав на недвижимость, полученный в 2014-2022 гг. на территории Крыма, безусловно, должен быть использован при проведении соответствующих процедур на территориях других новых субъектов Федерации, что максимально будет способствовать защите прав и законных интересов собственников.

Литература:

1. Аксёнов С. Перерегистрация недвижимого имущества в Крыму не требуется // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым. URL: <https://rk.gov.ru>.
2. Плотникова И.Н. Особенности правового регулирования и защиты конституционного права частной собственности в Республике Крым и городе Севастополе // Вестник СГЮА. 2015. № 5 (106).
3. Смаль И. Число земельных участков, принадлежащих иностранцам на приграничных территориях в Крыму, постепенно уменьшается. // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым. URL: <https://gkreg.rk.gov.ru>.
4. Спиридонов А. В Республике Крым впервые выдана архивная копия утерянного украинского правоустанавливающего документа на недвижимость. // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым. URL: <https://gkreg.rk.gov.ru>.
5. Спиридонов А. Более 500 крымчан оформили в Госкомрегистре право собственности на свои строения по «дачной амнистии» // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым. URL: <https://gkreg.rk.gov.ru>.

¹⁵ Более 40% материалов о выявленных Госкомрегистром фактах правонарушений в сфере госрегистрации, направляемых в правоохранительные органы, остаются без ответа // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/1667> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁶ Госкомрегистр — абсолютный лидер среди органов государственной и муниципальной власти Крыма по числу госуслуг, оказанных электронным способом // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/1049> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁷ По данным Росреестра, Госкомрегистр - лидер среди всех учётно-регистрационных ведомств России по объему услуг, оказанных органам власти в электронном виде // Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым [Электронный ресурс] URL: <https://gkreg.rk.gov.ru/ru/article/show/1698> (дата обращения: 05.04.2023).

CHARACTERISTICS OF STATE REGISTRATION OF RIGHTS TO REAL ESTATE ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN 2014-2022

Introduction. The integration of the new subjects of the Federation (the federal city of Sevastopol and the Republic of Crimea) into the legal field of Russia was accompanied by an active legislative process at the federal and regional levels, the establishment of sectoral authorities. These processes actively took place in the field of real estate accounting and registration of rights, had both positive and negative characteristics. Their identification, study, analysis of the main trends will optimize the process of state registration of rights in other new subjects of the Federation, will provide maximum guarantees of rights and legitimate interests of real estate owners.

Materials and methods. This study is based on: 1) the results of the survey of Crimeans conducted by the authors regarding state registration of real estate rights; 2) analysis of decisions of the Crimean courts on real estate cases; 3) a set of such methods of scientific cognition as: the dialectical method, which allowed to link the theory of civil law and judicial practice; the formal legal method allowed to analyze legislative norms; the systematic method made it possible to consider the institute of state registration of ownership of real estate as a system with internal unity and relationships with other institutions of law.

Results of the study. Registration of real estate in the new subjects - the federal city of Sevastopol and the Republic of Crimea, in 2014-2016 had significant features. The formation of sectoral state bodies and legislation was actively underway, which fixed a convenient and low-cost procedure for owners. Thus, the title documents issued in Ukraine were recognized as indefinite, re-registration of ownership of real estate was not required, applicants were exempt from paying state duty. At the same time, at the initial stage, this process took place with certain difficulties, which were associated with the lack of proper sectoral legislation; the legal vacuum that existed in this area (often "lawlessness") at the time of the Ukrainian state; legal illiteracy of the population; the widespread lack of title documents or state registration of rights under the legislation of Ukraine; the need for judicial recognition of property rights, which entailed a huge burden on the courts, which

were also in the process of switching to Russian legislation. The process was significantly complicated by the ownership of foreign nationals of numerous real estate objects located on border areas, which is prohibited by Russian legislation. In addition, before the formation of agencies of tutorship and guardianship in the region, state registration of transactions with the property of wards was impossible. There were difficulties with the registration of the rights of heirs. There was no proper accounting and maintenance of archives in the Bureau of Technical Inventory (BTI). Due to the fact that during 2015-2016, the State Registry of Crimea actively built interdepartmental interaction with other state bodies, notary, BTI, introduced digital services, the provision of public services for the registration of real estate rights has become a clear, highly organized and low-cost process for owners.

Discussion and conclusion. The transformation of the legal space of Sevastopol and the Republic of Crimea with regard to reunification with Russia is the first such experience in the history of our state. Certain negative aspects in the field of state registration of real estate rights were mostly overcome during 2014-2016. The introduction of digital services and the established interagency interaction brought this process to the existing level in other Russian regions. Experience of state registration of real estate rights obtained in 2014-2022 on the territory of Crimea, should undoubtedly be used when carrying out appropriate procedures on the territories of other new subjects of the Federation, which will facilitate the protection of the rights and legitimate interests of owners to the highest possible extent.

Olga G. Grigorieva,
Doctor of Sciences in Law, Professor,
Department of State Regulation,
MGIMO University,
Moscow, Russia

Vsevolod V. Naumkin,
4th year student, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

государственная регистрация;
недвижимость; субъект Федерации;
Севастополь; Республика Крым

Keywords:

state registration; real estate; federal subject;
Sevastopol; Republic of Crimea

References:

1. Aksenov C., Pereregistraciya nedvizhimogo imushchestva v Krymu ne trebuetsya [Re-registration of real estate in Crimea is not required]. URL: <https://rk.gov.ru>.
2. Plotnikova I., 2015. Osobennosti pravovogo regulirovaniya i zashchity konstitucionnogo prava chastnoj sobstvennosti v Respublike Krym i gorode Sevastopole. [Features of legal regulation and protection of the constitutional right of private property in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol]. *Vestnik SGYUA [Bulletin of the Saratov State Law Academy]*. № 5 (106).
3. Smal' I. Chislo zemel'nyh uchastkov, prinallezhashchih inostrancam na prigranichnyh territoriyah v Krymu, postepenno umen'shaetsya. [The number of land plots owned by foreigners in the border areas in Crimea is gradually decreasing]. URL: <https://gkreg.rk.gov.ru>.
4. Spiridonov A. V Respublike Krym vpervye vydana arhivnaya kopiya uteryannogo ukrainskogo pravoustanavlivayushchego dokumenta na nedvizhimost'. [For the first time, the Republic of Crimea was issued an archival copy of the lost Ukrainian title document for real estate]. URL: <https://gkreg.rk.gov.ru>.
5. Spiridonov A. Bolee 500 krymchan оформили в Goskomregistre право собственности на свои строения по «dachnoj amnistii». [More than 500 Crimeans registered the ownership of their buildings in the State Register under the "dacha amnesty"]. URL: <https://gkreg.rk.gov.ru>.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Татьяна Амплеева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-46-53

Введение. Эффективность функционирования публичной власти во многом зависит от того, как актуализируется ее образ в общественном сознании и правовой культуре социума. В рамках изучения формирующейся публичной власти средневековой Руси, одной из базовых и в то же время сложно решаемых проблем следует считать выявление природы древнерусской публичной власти. Исследователю приходится учитывать не только то, что древнерусское общество так и не стало субъектом единого правового процесса, но и дискретность его правового пространства. Территориальная разобщенность, сохранение в социуме традиционных нормативных установок, сложное сочетание их с правовыми новациями на протяжении IX–XII вв. активно влияли на процесс формирования древнерусской правовой культуры.

Материалы и методы. Помимо документальных памятников, изучены произведения древнерусской литературы разных жанров – от былин до житийных произведений IX–XII вв. В данном исследовании использовались общенаучные и частнонаучные методы познания. При этом осмысление концепта княжеской власти как власти государственной в древнерусской культурной традиции предполагает качественный анализ его формирования. Чтобы определить природу княжеской власти в процессе становления древнерусской государственности использовался метод реконструкции конвенциональных моделей древнерусской правовой культуры, а также генетический метод, позволяющий рассматривать процесс становления публичной власти в Древней Руси в динамике.

Результаты исследования. Проведенное исследование дает все основания полагать, что концептуализация княжеской власти в сознании древнерусского общества начинается с момента ее становления. Анализ летописных текстов показал, что феномен власти находит свое отражение первоначально в обыденном сознании, постепенно переходя от отражения действительности к конструированию образа-концепта власти. Процесс становления государственности нашел свое отражение в этиологических мифах о происхождении основателя государства или династии правителей. Наиболее полно этот про-

* **Амплеева Татьяна Юрьевна**, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России
e-mail: ampleeva_t_y@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-5111-9544

цесс нашел свое отражение в тексте «Сказания о призвании варягов», сохранившегося в разных редакциях Повести временных лет, автор которого детально обосновал договорную основу княжеской власти первых Рюриковичей.

Обсуждение и заключение. Проблема институционализации власти в Киевской Руси до монгольского периода в отечественной историографии активно обсуждается, начиная с конца XIX в. Однако до сих пор дискуссионным остается основополагающий вопрос: была ли княжеская власть государственной властью? Если была, то к какому периоду истории Древней Руси следует отнести ее возникновение? Ряд исследователей высказывают сомнения в самом существовании древнерусской государственности. Определив сущность княжеской власти и ее природу, есть основания полагать, что формировалась она как власть правителя, а значит, власть государственная.

Введение

Одним из системообразующих элементов государственности следует считать институт публичной власти, поскольку с ее появлением начинается длительный процесс становления государства, как особой формы организации общества. Проблема институционализации власти в Киевской Руси до монгольского периода в отечественной историографии активно обсуждается, начиная с конца XIX в. Однако до сих пор дискуссионным остается основополагающий вопрос: была ли княжеская власть государственной властью? Если была, то к какому периоду истории Древней Руси следует отнести ее возникновение? Ряд исследователей высказывают сомнения в самом существовании древнерусской государственности [1; 2; 4; 14; 16; 19].

Следует обратить внимание на тот факт, что именно социум формирует концепцию власти, закрепляя, в зависимости от существующих условий, тот или иной ее стереотип. А значит, при изучении источников историческая герменевтика должна дополняться «реконструкцией конвенциональных моделей, во многом определявших как процесс создания, так и процедуру чтения памятника». Этот метод позволяет не только раскрыть логику древнерусского книжника, но и увидеть те смысловые границы, «которые создал и сознательно очертил сам автор» [6]. Он дает возможность реконструировать конвенционные модели, сформированные в древнерусском обществе, и получить представление о том, как создавались концепты княжеской власти. Понятие «концептуализация», предложенное Е.С. Кубряковой, трактуется, как взаимодействие внешнего информационного потока с вну-

тренним миром человека, в результате которого происходит его осмысление и рождение новых смыслов [10].

Изучая природу княжеской власти, необходимо определить ее сущность, обращаясь, в первую очередь, к ее онтологическому и аксиологическому аспектам. Для этого нужно не только выяснить, какими терминами это явление обозначалось, но и то, как они толковались современниками той эпохи. Концептуализация княжеской власти в сознании древнерусского общества начинается с момента ее появления. Начальный свод, предшествующий «Повести временных лет», следует рассматривать в качестве базового источника, сохранившего сведения о дописьменной эпохе древнерусской истории. Имена Кия и его братьев впервые появляются в контексте одной из местных легенд о построении города Киева и основании первой династии его правителей. Из текста следует, что после смерти Кия, Щека и Хорива власть над полянами перешла к их роду. Отметим, что степень достоверности приводимых летописных сведений хорошо измеряется данными археологии, полностью подтвердивших точность топографии Киева, приведенную древнерусским книжником. Такую же династическую легенду содержит летопись и о братьях-основателях Радиме и Вятке, Рюрике, Синеусе и Труворе [13. С. 59-71].

Исследование

Процесс становления государственности традиционно отражается в этиологических мифах о происхождении основателя государства или династии правителей. Как правило, эти мифы имеют единую структуру – включают в себя определенное коли-

чество обязательных частей [11. С. 219-220]. Наиболее полно этот процесс нашел свое отражение в тексте «Сказания о призвании варягов», сохранившегося в разных редакциях Повести временных лет. Этот памятник древнерусской историографии относится к началу XII века, времени, когда еще были живы старые традиции эпохи становления древнерусской государственности. В Сказании присутствуют все традиционные части повествования: обоснование необходимости призвания правителя; поиск правителя; его приход; условия наделения его властными полномочиями; история правления; передача власти следующему правителю [13. С. 59-60]. Однако есть одна характерная особенность. Та часть Сказания, где описываются деяния правителя, освещена предельно сжато. Основное внимание автор уделил причине «призвания» и обоснованию выбора именно варяжского правителя: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам...». Далее приведена форма приглашения: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами» [11. С. 219].

Е.А. Мельникова подчеркивает, что содержательное наполнение отдельных частей определяется конкретно-историческими условиями составления произведения, а степень и формы разработки каждой части – задачами, стоящими перед автором, теологическими представлениями автора и традициями [11. С. 220]. Она подчеркивает, что для автора Сказания важно было выделить правовую сторону «призвания». Ключевая тема летописца – это отсутствие правопорядка (правды) и необходимость его установления: «... и не было среди них правды, и встал род на род» [13. С. 59]. Исследовательница отмечает, что в Сказании на первый план выходит тема обеспечения правопорядка (правды). Этим объясняется наличие богатой правовой лексики: «правда», «наряд», «ряд», «княжити и володети», «рядить», «судить по праву». Таким образом, наличие договора («ряда»), фиксируется летописцем, как основа для приглашения варяжского князя для консолидации формирующегося государства, «поскольку иноземный правитель и его дружина не были связаны узкоплеменными интересами» [11. С. 220].

Второй важнейшей задачей приглашенного князя была защита от внешних угроз, прежде всего со стороны Скандинавии. Властные полномочия князя определялись «рядом» и им же ограничивались. В договоре определялись условия «кормления» князя и его дружины. Рюрик и его мужи расселились в выделенных новгородцами городских центрах, за счет которых они должны были кормиться [13. С. 60].

Л.В. Черепнин акцентирует внимание на том, что легендарный рассказ о призвании варягов имеет глубокий политический смысл, заключающийся в «правовых началах государственности» [20. С. 247]. Он видит прямую связь этого рассказа с событиями 1015-1016 гг., связанными с получением новгородцами Правды Ярослава как акта добровольного соглашения новгородцев и князя, опирающегося на правовую традицию Новгородской земли. На богатство правовой лексики в тексте Сказания («правда», «наряд», «ряд», «княжити и володети», «рядить», «судить по праву») обратил внимание В.Т. Пашуто. Историк высказал предположение о том, что летописец использовал более древнее устное предание, содержавшее сведения о соглашении, на основе которого было осуществлено «призвание» [17. С. 103-104]. Исследователи давно заметили в тексте Сказания договорную основу «призвания варягов» [7. С. 96].

Следует отметить, что в летописи передача верховной власти приглашенному правителю сопряжена с условием установления правопорядка, политической стабильности и обеспечения правосудия на подвластной территории. Но не только для этого были приглашены варяги. В.О. Ключевский подчеркивает, что как только уселись братья – варяги на своих местах, начали они «города рубить и воевать всюду». Следовательно, отмечает историк, если варяги сразу принялись строить пограничные укрепления и оборонять население от внешнего врага («города рубить и воевать всюду»), то и приглашены они были именно для этого – защиты населения и охраны границ [9. С. 96].

Анализ летописных текстов показал, что феномен власти находит свое отражение первоначально в обыденном сознании, постепенно переходя от отражения действительности к конструированию образа-концепта власти. Так, образы первых Рюриковичей, запечатленные в «Сказании о призвании варягов», предельно лаконичны. Летописец изображает их храбрыми воинами и мудрыми правителями. Основное внимание

древний книжник уделяет содержанию династической легенды, при помощи которой он обосновывает династическую унификацию - родовое единство всех русских князей как основу единства всей русской земли.

Впервые образ князя - правителя державы Рюриковичей в персонафицированном виде появляется в рассказе «Повесть временных лет» о походе новгородского князя Олега с большим войском на Константинополь. В нем князь предстает как бесстрашный воин, искусный полководец и мудрый и даже хитрый правитель, установивший по ходу продвижения в Византию, свою власть над Смоленском («прия град и посади мужь свои») и Киевом, хитростью выманив и («убиша Аскольда и Дира»). Объявив Киев столицей Руси («Се буди мати градом русьским»), он занялся укреплением границ («и нача города ставити») и организацией регулярного налогообложения подвластного ему населения («и устаи дани...»). Поход Игоря на греков (в начале X в.), подробно освещенный в «Повести», добавляет к образу правителя еще и черты искусного дипломата [13. С. 10-12].

Отметим, что древнерусские летописцы не ставили перед собой задачи идеализации первых Рюриковичей. Так, тот же Игорь, унаследовавший власть в Русском государстве после Олега, предстает в летописных текстах как жертва собственных управленческих ошибок, бесславно закончивший жизнь под Коростенем [13. С. 12]. Неоднозначно отношение древнерусского книжника к Святославу. Автор восхищается личным мужеством и уникальными полководческими способностями киевского князя, формируя тем самым идеальный образ князя-воина. Однако его не устраивает, что правитель реализует свои внешнеполитические планы в ущерб безопасности Русской земли. Рисуя портрет того или иного князя, летописец стремится не только изложить факты его биографии, но и дать этим фактам моральную оценку.

Еще в 40-е годы XX века И.П. Еремин предложил особый подход к древнерусским текстам, в которых следует различать проявления как индивидуального сознания автора, так и его художественно-исторического мышления. Исследователь достаточно аргументированно доказал, что летописец - не дипломат, и не княжеский историограф, а литератор, имеющий собственные принципы миропонимания и художественного видения. Он выделил в летописном тексте XII в. несколько типов повествования, каждому

из которых соответствовал особый тип изображения героя: хроникальный тип погодной записи, документальный летописный рассказ, выдержанный в агиографическом ключе летописная повесть о смерти князя и тяготеющее к эпике летописное сказание. Переход летописца от одного типа повествования к другому вел к изменению изображения исторического персонажа [5. С. 19]. Таким образом, была выявлена и обоснована та историографическая схема, которой подчинено изложение событий с целью обоснования авторской концепции об исконном единстве русского народа. В рамках этой концепции летописец положительно оценивает любые действия Рюриковичей, направленные на объединение Русской земли под своей властью. Поэтому особое внимание в «Повести» уделено князьям: Владимиру и Ярославу, завершившим политическое объединение Русской земли.

Отметим, что «Повесть временных лет» - произведение, реализующее чисто практическую задачу - показать на конкретных примерах, в рамках рассказа о прошлом, как надо и как не надо поступать. Поскольку работа над «Повестью» шла в условиях, когда бывшее единство Русской земли, созданное «трудом великим» первыми Рюриковичами, было утрачено, летописец пытается искать спасение от современного ему «нестроения» Русской земли в возвращении к прежним порядкам. Он мечтает восстановить главенство старшего в роде киевского князя, жить «по устроению отню и дедню», «послушающе брата брата», «с правдою, а не с насильем» [5. С. 21].

Таким образом, начинает формироваться социальный стереотип рода Рюриковичей, который генерировал устойчивые, обобщенные представления древнерусских книжников о сущности княжеской власти. Следовательно, в качестве субъекта власти выступает род Рюриковичей как единое целое. Древнерусским книжникам не чужда была концепция «власти от бога». Так, в «Повести временных лет» после рассказа об убийстве Бориса и Глеба (1015 г.) древнерусский книжник упрекает Святополка за «высокоумие», поскольку он «не ведый, яко бог даетъ власть». Ее проникновение на Русь И.С. Чичуров относит к середине XI века [21]. Таким образом, в концепцию княжеской власти, формируемой древнерусскими летописцами, добавился еще один важный элемент - источник власти.

«Слово о законе и благодати» первого русского митрополита Киевского Илариона

(1051 – 1054) в современной историографии рассматривается как первый политический трактат, в котором «образ идеального князя» использован автором «как отражение определенной концепции власти [21. С. 130]. Концепция княжеской власти изложена Иларионом в этом произведении не доктринально, а персонифицировано, через похвалу князя Владимира, идеализированного в соответствии с авторской задачей и в рамках принятой автором системы ценностей. При этом в «Слове» Илариона не нашла своего отражения «основа основ византийской политической мысли – теория божественного происхождения государственной власти».

Создавая идеальный образ правителя, Иларион прославляет его справедливость, доброту и щедрость, его христианское смирение и страх перед богом. Не обходит и правовую сторону княжеской власти. Владимир «пасет свою землю правдою», он друже правде», «правдою бе облечен». Прекрасным подтверждением нормативности воинской характеристики для древнерусского представления о власти служат воинские доблести князя. И.С. Чечулин высказывает предположение, что Илариона интересовало в концепции власти не ее общее содержание, а обоснование наследственного принципа ее организации [21. С. 133].

Концепция княжеской власти в «Поучении Владимира Мономаха» раскрывается автором через поведенческий идеал князя. В своем поучении князь Владимир обращается к потомкам, к тем, кто сумеет серьезно воспринять его слова и «не станет лениться, а будет трудиться». Первое, чему призывает следовать князь – «иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне» [6. С. 62]. Отрокам следует избегать дурных компаний. Нужно стремиться приносить пользу ближним, помогать нуждающимся. Очень важно, по мнению Владимира Мономаха, «иметь помыслы чистые» и побуждать себя совершать только добрые поступки. Нельзя забывать заповедей божьих: не мстить своим гонителям, любить даже тех, кто тебя не любит, безропотно терпеть все лишения, ниспосланные свыше, не отвечать злом хулиателям. Поражает, с какой настойчивостью Владимир Мономах предостерегает своих детей от лени. Характер княжеских занятий в изображении Мономаха обнаруживает черты, несвойственные византийским представлениям о власти. Уже наставление детям молиться «и на кони ездяче» подводит к мысли о том, что идеальный князь в глазах Мономаха от-

нюдь не празден. Поведение князя на войне, как оно регламентируется в «Поучении», ориентировано на предводителя, близкого своей дружине, а не на полководца, возвышающегося над войском. Образ монарха-воителя – такой поведенческий идеал правителя рисует Мономах в своем «Послании». Он наставляет потомков, которым предстоит испытание властью, не убивать и не отдавать приказов о казни виновных [6. С. 73].

Отметим, что история конвенциональных моделей, оставляет свой след не только в словах и символах, как носителях информации, но и формирует идейные константы. Любая коммуникативная ситуация, будь то работа летописца или обращения церковных иерархов к своей пастве, не только актуализирует семантическое ядро модели, но и запускает процесс индивидуального ее осмысления.

Заключение

Использование семантических ресурсов обыденного древнерусского языка, наиболее ярко отраженного в былинном эпосе, позволяет выявить рефлексии бытия власти на уровне обыденного сознания. Историзм былин, по мнению Б.Д. Грекова, проявляется в отборе воспеваемых событий, в народной оценке этих событий и действующих лиц [2. С. 288.]. Историк обратил внимание на интересную особенность: в былинах нет воспевания княжеских дел; князья никогда не участвуют непосредственно в битвах. Обобщенный образ князя Владимира не содержит в себе ничего героического, а наоборот, князь обычно нуждается в помощи, печалится, жалуется богатырям [2. С. 290]. Это происходит потому, что данный цикл былин складывался в тот период времени, когда Древнерусское государство кардинально изменило свою внешнюю политику. От далеких походов в чужие страны Русь перешла к обороне своей территории от печенегов и избавлению от варяжских наемников. Однако договорная концепция княжеской власти, пределы его властных полномочий и ответственности не претерпели никаких изменений. Обращение к памятникам «риторического типа», с ясно выраженной авторской позицией позволяют изучать функционирование конвенциональных моделей в процессе их становления, развития и переосмысления с учетом актуальных исторических факторов. Так, для летописца XII в. важно было подчеркнуть, что передача верховной власти произошла согласно договору («по

ряду»), который устанавливал обязанность приглашенного правителя обеспечивать порядок и стабильность в обществе [12]. Былины должны были отвечать на вопросы современности и содержать примеры наиболее удачных решений актуальных со-

циально-политических проблем. При этом, сформировавшаяся в древнерусских землях концепция княжеской власти долгие годы основывалась на отношениях взаимозависимости княжеской власти и древнерусского общества.

Литература:

1. Горский А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016.
2. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
3. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников (IX – XII вв.): курс лекций: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., М., 2001.
4. Дьяконов М.А. Очерки общественного строя Древней Руси СПб., 2005.
5. Еремин И.П. Исследования по древнерусской литературе. Т. 1. Литература Киевской Руси XI-XII вв. СПб., 2013.
6. Изборник: Повести Древней. М., 1987.
7. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. М., 2015.
8. Каравашкин А. Власть мучителя. Конвенциональные модели в русской истории XI-XVII вв. // Россия XXI. 2006. № 4. С. 62-109.
9. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. I М., 1987.
10. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. Тамбов. 2002. Вып. 2.
11. Мельникова Е.А. Сказание о призвании варяжских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения, Жития, Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003.
12. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранней средневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1991. № 1990.
13. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перец. СПб., 2007.
14. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
15. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. I. XI-XII века. СПб., 2000.
16. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X-XIII века. СПб., 2011.
17. Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973. М., 1974.
18. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Ленинград, 1990.
19. Фроянов И.Я. Княжеская Русь. Ленинград, 1990.
20. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Т. 1. М., 1948.
21. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990.

THE LEGAL NATURE OF PRINCELY POWER IN ANCIENT RUSSIA

Introduction. The effectiveness of the functioning of public power largely depends on how its image is actualized in the public consciousness and the legal culture of society. As part of the study of the emerging public power of medieval Russia, one of the basic and, at the same time, difficult to solve problems should be considered the identification of the nature of the Old Russian public power. The researcher has to take into account not only the fact

that the Old Russian society has not become a subject of a single legal process, but also the discreteness of its legal space. Territorial disunity, preservation of traditional normative attitudes in society, their complex combination with legal innovations during the IX-XII centuries actively influenced the process of formation of the Old Russian legal culture.

Materials and methods. In addition to documentary monuments, the works of ancient Russian

literature of various genres - from epics to hagiographic works of the IX-XII centuries - have been studied. In this study, general scientific and private scientific methods of cognition were used. At the same time, the comprehension of the concept of princely power as state power in the Old Russian cultural tradition presupposes a qualitative analysis of its formation. To determine the nature of princely power in the process of formation of ancient Russian statehood, the method of reconstruction of conventional models of ancient Russian legal culture was used, as well as a genetic method that allows us to consider the process of formation of public power in Ancient Russia in dynamics.

The results of the study. The conducted research gives every reason to believe that the conceptualization of princely power in the consciousness of ancient Russian society begins from the moment of its formation. The analysis of chronicle texts has shown that the phenomenon of power is reflected initially in everyday consciousness, gradually moving from reflecting reality to constructing the image-concept of power. The process of statehood formation is reflected in the etiological myths about the origin of the founder of the state or the dynasty of rulers.

This process was most fully reflected in the text of the "Legend of the Vocation of the Varangians", preserved in various editions of the Tale of Bygone Years, the author of which justified in detail the contractual basis of the princely power of the first Rurikovich.

Discussion and conclusion. The use of semantic resources of the ordinary Old Russian language, most vividly reflected in the epic epic, allows us to reveal the reflection of the existence of power at the level of everyday consciousness. The historicism of epics is clearly manifested in the selection of sung events, in the popular assessment of these events and actors. For the chronicler of the XII century, it was important to emphasize that the transfer of supreme power takes place according to a contract ("in a row"), which establishes the duty of the invited ruler to ensure order and stability in society and limits his powers.

Tatyana Yu. Ampleeva,
Doctor of Sciences (Law),
Professor, Department of State Regulation,
MGIMO University,
Russia

Ключевые слова:

природа власти, древнерусская государственность, договор, концепция власти, конвенциональные модели в русской истории X-XII веков

Keywords:

The nature of power, ancient Russian statehood, contract, the concept of power, conventional models in Russian history of the X-XII centuries

References:

1. Gorskiy A., 2016. Srednevekovaja Rus'. O chem govoryat istochniki [Medieval Russia. What are the sources talking about]. Moscow.
2. Grekov B.D., 1953. Kievskaja Rus' [Kievan Rus]. Moscow.
3. Danilevskij I.N., 2001. Drevnjaja rus' glazami sovremennikov (X - XII vv.): kurs lekcij [Ancient Russia through the eyes of contemporaries (IX-XII centuries): a course of lectures]. Moscow.
4. D'jakonov M.A., 2005. Oчерки obshhestvennogo stroja Drevnej Rusi [Essays on the social system of Ancient Russia]. Saint-Petersburg.
5. Eremin I.P., 2013. Issledovaniya po drevnerusskoj literature. T. 1. Literatura Kievskoj Rusi X - XII vv. [Research on Ancient Russian literature]. Saint-Petersburg.
6. Izbornik: Povesti Drevnej Rusi., 1987. [Izbornik: Stories of Ancient Russia]. Moscow.
7. Ilovajskij D.I., 2015. Razyskaniya o nachale Rusi: vmesto vvedeniya v russkuju istoriju [The Search for the Beginning of Russia: instead of an introduction to Russian History]. Moscow.
8. Karavashkin A., 2006. Vlast' muchitelja. Konvencional'nye modeli v russkoj istorii XI - XVII vv. [The power of the torturer. Conventional models in Russian History of the XI - XVII centuries]. Rossiya XXI [Russia XXI]. № 4. P. 62-109.
9. Ključevskij V.O., 1987. Sochineniya: v 9-ti t. T. 1. Kurs russkoj istorii. Ch. I. [Works in 9 volumes. Vol. 1. Course of Russian history]. Moscow.
10. Kubrjakova E.S., 2002. O sovremennom ponimanii termina "koncept" v lingvistike i kul'turologii [On the modern understanding of the term "concept" in linguistics and cultural studies]. Real'nost', jazyk i soznanie [Reality, language and consciousness]. Tambov. Issue 2.
11. Mel'nikova E.A., 2003. Skazaniya o prizvanii varjazhskih knjazej [The legend of the vocation of the Varangian Princes] Written monuments of the history of Ancient Russia. Saint-Petersburg.

12. Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ja., 1991. "Rjad" legendy o prizvanii varjagov v kontekste rannej srednevekovoj diplomatii. [The "Series" of the legend of the calling of the Varangians in the context of early medieval diplomacy]. Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR [The oldest states on the territory of the USSR]. № 1990. Moscow.
13. Povest' vremennyh let., 2007. [The Tale of Bygone Years]. Saint-Petersburg.
14. Sverdlov M.B., 2002. Domongol'skaja rus': Knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI- pervoj treti XIIIv. [Pre-Mongol Russia: Prince and princely power in Russia of the VI - first third of the XIII century.]. Saint-Petersburg.
15. Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona [A word about the law and grace of Metropolitan Hilarion]. Saint-Petersburg. 2000.
16. Tolochko P.P., 2011. Vlast' v Drevnej Rusi. X - XIII veka [Power in Ancient Russia. X-XIII centuries]. Saint-Petersburg.
17. Pashuto V.T., 1974. Letopisnaja tradicija o "plemennyh knjazhenijah" i varjazhskij vopros [The chronicle tradition of "tribal principalities" and the Varangian question]. Letopisi i hroniki [Annals and chronicles], 1973. Moscow.
18. Frojanov I.Ja., 1990. Kievskaja Rus: Očerki otechestvennoj istoriografii [Kievan Rus: Essays of Russian Historiography]. Leningrad.
19. Frojanov I.Ja., 1990. Knjazheskaja Rus' [Princely Russia]. Leningrad.
20. Cherepnin L.V., 1948. Russkie feodal'nye arhivy XIV-XV vekov [Russian feudal archives of the XIV-XV centuries]. Moscow.
21. Chichurov I.S., 1990. Politicheskaja ideologija srednevekov'ja: Vizantija i Rus' [The Political Ideology of the Middle Ages: Byzantium and Russia]. Moscow.

ПОСТИГАЯ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Олег Волгин*
Елена Карсанова**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-54-61

Введение. Центральным положением статьи является утверждение, что государство, претендующее быть современным, не может не быть социальным. В качестве обоснования данного тезиса авторы предлагают расширительную трактовку природы социального государства как института власти, который выполняет не только распределительную и охранительную функции, но и формирует положительную социальную активность граждан. Такова задача-максимум социального государства. Под положительной социальной активностью авторы понимают гражданскую активность, которая исходит из внутренней потребности индивида, а не является внешней, побуждаемой государством либо средствами принуждения, либо мягкой силой идеологии.

Материалы и методы. Авторы исходят из холистской методологии, которая позволяет увидеть социализацию не как бинарное отношение индивида и общества, а как практику коллективной коммуникации всех участников общественного действия. В этой связи становится возможным говорить о социальном государстве как институте соучастия, основанном на принципе инклюзивности.

Результаты исследования. Формирование положительной социальной активности, с одной стороны, невозможно без участия государства, с другой - предполагает ограничение его права влиять на свободное самоопределение граждан как активных участников социального действия. Только положительная социальная активность может быть основой подлинного социального государства. В противном случае, если государство по отношению к своим гражданам ограничивается выполнением только распределительной и охранительной

* **Волгин Олег Степанович**, доктор философских наук, профессор кафедры государственного управления МГИМО МИД России
e-mail: oleg.volgin@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-0156-8234

****Карсанова Елена Созрикеевна**, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e_karsanova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3000-8009

функций, что является для него задачей-минимум, то оно становится символическим социальным государством, провоцирующим у граждан иждивенческие настроения, что опасно деградацией самой социальности.

Обсуждение и заключение. Появление в XIX веке и затем развитие у государства социальной функции свидетельствует о существенном изменении природы государственной власти. Формирование положительной социальной активности является следствием такого изменения. Положительная социальная активность связывает социальное государство как институт властного соучастия с гражданским обществом, усиливая в самом государстве элементы гражданского этоса.

Введение

В статье «Значение государства» В.С. Соловьев говорит, что у каждого государства должна быть «внутренняя причина своего бытия», которая определяет ее задачу и в случае потери этой внутренней причины вопрос может стоять об экзистенциальной угрозе государству [12. С. 561]. Сегодня нормой для государства стало выполнение им социальных функций, вследствие чего мы называем такое государство социальным. Но что значит быть социальным государством, какую внутреннюю причину своего бытия оно должно реализовать? Этот вопрос является предметом данной статьи.

Если обобщить распространенные представления о социальном государстве, изложенные в большом количестве публикаций [2; 3; 11; 15; 16; 17], то можно выделить три его главных признака. Социальным принято называть государство, которое выполняет следующие задачи:

1. Защищает права и свободы всех граждан вне зависимости от их социального статуса, материального положения, культурной или конфессиональной принадлежности и физических возможностей.
2. Обеспечивает работающим гражданам и их семьям достойный образ жизни;
3. За счет перераспределения государственных средств, а также привлечения бизнеса к социально ответственным акциям, государство гарантирует своим гражданам равные права доступа к общественным благам, что дает им возможность чувствовать себя социально защищенными.

Такое представление о том, что должно делать социальное государство, на наш взгляд, можно определить как задачу-минимум, поскольку здесь ответственность государства перед обществом ограничивается

распределением общественных благ и защитой равенства прав граждан. Но логика подсказывает, что у государства в таком случае должна быть и задача-максимум. Смысл такой задачи можно определить, как создание государством равных социальных возможностей для всех как основы подлинной социализации граждан.

Исследование

Ключевой концепт в теории социального государства – это социальность. Ставшее абсолютно привычным в нашей обыденной речи понятие социальности в общественной науке, однако, имеет много трактовок. Все они – результат вращения научной и философской мысли вокруг главного вопроса: как выразить природу социальности так, чтобы различить в ней формальное и реальное содержание, подлинность и кажимость. Глубокий анализ этого вопроса, как нам представляется, был проведен в коллективной монографии «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы». Авторы монографии определяют социальность как «продукт бытия «с другими» и среди «других»... как «пространство взаимности» [13. С. 48].

Разделяя эту точку зрения, авторы данной статьи считают, что различать подлинную и формальную социальность следует не по ее условиям, а по результатам, иначе говоря, не по тому, что общество дает людям, а что люди дают обществу. Что бы человек ни делал, он несет в себе социальность. Но этого мало, подлинную социальность нужно постоянно воспроизводить. Поэтому под подлинной социальностью современного государства мы понимаем такое состояние, когда людей связывают узы гражданской солидарности.

Понятие гражданской солидарности тоже нуждается в пояснении. Если мы сопоставим

ставим его с другими видами солидарности, например, трайбалистской, профессиональной, конфессиональной, половозрастной, идеологической и пр., то заметим, что оно в отличие от них не ограничено социальными статусами, иначе говоря, является всеобщим. Понятно, что такая черта гражданской солидарности не может не быть результатом особой политики государства, нацеленной на благополучие своих сограждан без исключения.

В историческом плане социальное государство – недавнее явление, возникшее в западно-европейской цивилизации более ста лет назад и с этого времени оно пережило определенную эволюцию. Однако, как справедливо отмечает А. Симоянов, «некоторые его элементы можно увидеть на протяжении всей мировой истории» [11. С. 217]. Несомненно, что произведения Т. Мора, Т. Кампанеллы, и конечно, великих социалистов-утопистов (Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Р. Оуэна и др.) выражают вековую мечту людей о социальном государстве, справедливом, заботящемся о благополучии сограждан, поскольку верховные институты этих воображаемых государств были нацелены именно на равное распределение социальных возможностей их сограждан.

Хотя наша цель не в том, чтобы исследовать историю становления социального государства, поскольку нас интересует этот феномен как таковой, тем не менее невозможно избежать краткого взгляда на основные исторические этапы его развития.

Начальным этапом становления социального государства является Новое время. К XVIII веку сущность государства качественно меняется, оно сбрасывает свою старую «кожу» династического и персонифицированного органа верховной власти и становится безличным политико-правовым институтом. Хотя в силу инерции символической власти еще остаются возможными и отчасти содержательными такие словосочетания как «государство Наполеона», «государство Бисмарка» или «государство победившего пролетариата», но на деле, по мере того как развивается безличный характер государственной власти, оно становится всеобщим властным институтом на определенной территории. Территориальный признак современного государства заменяет прежний, персоналистический. В. Иванов дает краткое определение деперсонифицированного государства, называя его «территориально-политической организацией» [6. С. 11]. При этом он подчеркивает верховный власт-

ный характер такой организации, целью которой является *«организация людей в территориальных пределах,... то есть властвование над людьми, их подчинение на определенной территории»* [6. С. 36]. Оставим без комментариев неудачное с точки зрения кантовской этики выражение «властвование над людьми», а также акцент на «подчинение» государству и заметим, что «властвование» должно сопровождаться также и «кормлением» тех, над кем государство властвует, ибо принцип легитимности предполагает обоюдную ответственность: людей перед государством и государства перед людьми.

В раннее Новое время, когда при поддержке государства складывались основы капиталистических рыночных отношений, государство по сути было антисоциальным; оно, как часто говорят либертарианцы, занимало позицию «ночного сторожа» или «констебля», охранявшего закон и порядок. Защита бедных и социально незащищенных для такого государства вообще не была задачей: оно декларировало равные возможности, но не обеспечивало их, поскольку, будучи отражением классовых интересов, не было политически нейтральным. С середины XIX века в связи с углубляющейся классовой поляризацией общества государство становится классово ангажированным, вследствие чего представления о государстве как инструменте принудительной силы оказали существенное влияние на саму природу государства. Идеи, как известно, становятся материальной силой, когда они овладевают массами [8. С. 422]. В этой связи нельзя не согласиться с субъективно-символической трактовкой государства П. Бурдьё, согласно которой *«оно производно от наших мыслей о нем, то есть государство «существует, по сути, именно потому, что его считают существующим»* [1. С. 62]. Наши мысли и представления о государстве реализуются в нашей нормотворческой деятельности по «организации согласия как присоединения к социальному порядку» [1. С. 36].

Организация согласия ради установления порядка уже является социальной ценностью, но заметим, что в обществе, разделенном на классы, сам порядок есть классовая ценность, удовлетворяющая партикулярные, а не всеобщие интересы, а значит, в таком обществе государство не может быть социальным, даже если оно говорит от имени большинства и интерес большинства провозглашается как всеобщий интерес.

В полном смысле слова государство может стать социальным только тогда, когда

оно становится *действительно* всеобщим: для этого в обществе должен существовать приоритет закона, защищающего права и свободы всех граждан вне зависимости от того, остаются ли в этих странах сохранившиеся рудименты сословных различий. Так, в странах Европы, где на сегодняшний день существуют 12 монархий, государства начинают обретать социальный характер после Второй мировой войны, что непосредственно связано с развитием демократической культуры публичного управления. В странах социализма и, в первую очередь в СССР, предпосылки социального государства начали складываться в период так называемого «развитого социализма» (1980-е годы), когда советские идеологи ввели понятие новой исторической общности – «советский народ», – так и не созданной. В первой статье Конституции СССР 1977 года было записано: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны» [7].

К этому времени практически все государства экономически развитых стран Европы стали де-факто социальными. Хотя до сих пор в конституциях большинства из них понятие «социальное государство» не употребляется. Непосредственно это словосочетание присутствует только в конституциях королевства Испании, Французской Республики и Княжества Андорры. В конституциях большинства же других стран, в отношении которых невозможно сомневаться в том, что их государства являются социальными, таких как: Италия, Нидерланды, Бельгия, ФРГ, Португалия, Дания, Швеция, Финляндия нет на это прямого указания, но при этом очень подробно перечисляются обязанности государства перед гражданами в обеспечении прав на достойную жизнь, безопасность и личное развитие. Таким образом, понятно, что значение имеют не формальные, но реальные, то есть выполняемые, обязательства государства перед населением. Они в свою очередь обуславливаются рядом дополнительных характеристик государственного управления.

Современное государство, – а таковым мы называем государство успешно справляющееся с вызовами современной эпохи, обеспечивая при этом максимальные возможности для человеческого развития, – сложноорганизованный институт власти. Он характеризуется как минимум четырьмя

качественными особенностями. Во-первых, такое государство должно быть *правовым*. Во-вторых, оно должно опираться на *демократические* формы власти. В-третьих, оно должно сотрудничать с *гражданским обществом*. И, в-четвертых, оно должно быть *социальным*. Все стороны этого «квадрата» взаимосвязаны. Каждое из вышеуказанных качеств современного государства предполагает наличие трех остальных. Так, не может быть государство социальным и в то же время не правовым и не демократическим.

Принципиальный вопрос таков: можем ли мы государство, ограничивающееся только распределением материальных благ и охраной равных прав граждан назвать подлинно социальным? По-видимому, только с существенной оговоркой. Социальная роль такого государства в большей мере символична, чем реальна, представляет собой скорее программу действий, чем достигшее своей цели качество.

Мы знаем из опыта, что распределительная и охранительная функции государства могут с успехом обеспечиваться в условиях авторитарной власти и при отсутствии зачатков гражданского общества. Примеров таких государств в истории можно назвать множество, начиная от древнейших государств с централизованной дворцовой распределительной экономикой и завершая нашим временем, где мы найдем немало примеров распределительной экономики в условиях авторитарной власти.

Авторитарная власть активно пользуется возможностью символизировать социальные ценности. Именно возможность возбуждать в людях потребность в символическом благе становится причиной того, что символические блага могут на некоторое время, – пока у людей не возникает острая материальная потребность, – замещать реальное и осязаемое.

Нельзя не согласиться с определением А. Симоянова, что «социальным является государство, ставящее социальные потребности широких слоев населения в порядок своих первоочередных задач и стремящееся к обеспечению всех граждан равными возможностями для развития» [11. С. 217]. Но также, по нашему мнению, нельзя им и ограничиться.

Называя государство социальным, мы вправе полагать, что цель такого государства заключается в чем-то большем, чем в помощи гражданам в доступе к справедливо распределяемым общественным благам, поскольку распределительная и охранительная

ная функции не могут обеспечить главного - полноценной социализации граждан.

Под полноценной социализацией мы понимаем не только заботу государства о людях, но и заботу людей о «здоровье» своего государства, активную заботу, исходящую из внутренней потребности человека в воспроизводстве не только вещного богатства общества, но и самой социальности. В диалектическом союзе общества и человека мы выделяем человека как общество-образующего субъекта.

В традиции социоцентристского подхода, сторонники которого апеллируют к шестому тезису К. Маркса о Фейербахе, где сущность человека трактуется как совокупность общественных отношений [9. С. 3], невозможно понять человека как субъекта, создающего социальность. Вот, к примеру, одно из таких определений социализации: «Все человеческие общества социализируют своих членов, чтобы они жили между людьми по общим правилам; иначе невозможно было бы наладить сотрудничество между людьми и, следовательно, человечество не преуспело бы как вид» [14. С. 61]. Здесь приоритетной субъектностью наделяется человеческое сообщество как целое, вид доминирует над индивидом.

Односторонность социоцентристского подхода не позволяет объяснить потребность человека в социальной активности, исходящей от него самого, понять то, что социализация есть сознательное условие, инструмент, позволяющий индивидам раскрыть в обществе и посредством общества свой личный потенциал. Социальное государство тоже один из таких инструментов.

Однако заметим, что мы не приписываем предикат «социальное» любому исторически сложившемуся типу государства, несмотря на то, что любое государство есть результат социальной активности людей. В противном случае мы бы не поняли, чем современное государство в социальном плане принципиально отличается от всех ему предшествовавших исторических типов.

Принципиальное различие заключается в том, что государство, которое бы эффективно отвечало на вызовы современности, не может не быть социальным. Это новое качество государства определяется, конечно, не добродетельными намерениями политиков и чиновников. Оно - результат объективной реакции общества на целый комплекс новых проблем: экономических, технологических, этнополитических, демографических, экологических, информационных и

т.д. Нынешняя практика государственного управления показывает, что государство не может быть успешным, если игнорируются рационально и нравственно обоснованные разнообразные запросы социальных групп и отдельных граждан, и это свидетельствует о том, что мы все глубже входим в эпоху социальности нового типа, характерная черта которой - *инклюзивность*.

Государство не может ни социальным группам, ни отдельным индивидам вменить обязанность быть социально активными. Наоборот, парадокс социально ориентированной власти заключается в том, чтобы дать группе или индивиду право инициативы, право свободно выбирать либо социально активную позицию, либо оставаться в пассивном режиме простого потребителя социальных благ.

Последний, как «чистый потребитель» по сути, асоциален, поскольку потребление, являясь одним из моментов производства, само по себе не создает социальности. Кроме того, не нужно доказывать, что потребительское отношение к общественным благам порождает в людях настроение иждивенчества, что является ахиллесовой пятой социального государства. Более того, дух иждивенчества социально опасен, поскольку в нем скрыто потребительское отношение не только к вещам, но и к самому человеку как к вещи. За примерами не надо идти в «мир капитала», их в изобилии дает нам пережитый опыт социализма. Богатая коммуналистская практика последнего столетия, вне зависимости от культурного своеобразия «социализмов», показала, что потребительская социализация неизбежно приводит к расточительному отношению людей к общественным благам, отношению, которое А. Печчеи охарактеризовал как «трагедию общественного имущества» [10. С. 139], что в конечном счете ведет к росту отчужденности между людьми и их безразличию к проблемам общества, в котором они живут.

Для полноценного исполнения государством социальной функции необходимо соучастие его граждан. Из актов соучастия плетется ткань социальности, форму же ей придают социальные институты; без живого соучастия граждан возможна только пустая административно-управленческая форма псевдо-социальности, иными словами - форма без содержания.

Такая бессодержательная псевдосоциальность чревата тяжелыми последствиями как для общества, так и для граждан, поскольку она является по сути питательной средой

для асоциальных и даже антисоциальных форм поведения людей. Эти формы объединяет одно – их индивидуалистическая суть: внешне индивид находится в обществе, внутренне – он остается наедине с собой. В этом разладе внешней и внутренней жизни индивида заключается парадоксальная связь кажущихся двух крайностей – индивидуализма и тоталитаризма, и там и там отсутствует активно созидаящая социальность личность. Поэтому ни там, ни там невозможно социальное государство, даже если государство провозглашает как свою первостепенную задачу заботу о материальном благосостоянии своих граждан.

Материальное благосостояние людей само по себе не может быть источником социальности. Это понимал Ф.М. Достоевский, выразивший эту вековую истину в легенде о Великом инквизиторе. Иван Карамазов убеждает брата Алешу, что люди устроены подлю, материалистически. Имея возможность выбора между свободой и хлебом большинство выберет хлеб и «кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас» [4. С. 231].

Действительно, невозможно спорить с тем фактом, что материальные потребности находятся в основании пирамиды потребностей, но это верно только для определенных условий. Идеальные ценности уступают материальным только тогда, когда первые абстрактны; когда же дело касается конкретнoидеальных ценностей, имеющих личное значение, то есть таких, без которых человек теряет себя как личность, то отношение материального и идеального может меняться с точностью до наоборот. «Пирамида Маслоу» работает в рамках статистической парадигмы, примененной к массовидным общественным реалиям, но она может переворачиваться таким образом, что идеальные ценности становятся базовыми, определяющими, если мы видим социальность с позиции персоналистического запроса на нее, исходящего от самого индивида.

Подобно тому как атомы в силу их индивидуальных особенностей составляют те или иные материальные образования, так и индивиды (эти социальные атомы) являются инициаторами социальности. Люди социальны не потому, что они одинаковы, а потому, что они различны, индивидуаль-

ны. Зрелая, или органическая (Э. Дюркгейм) социальность, возможна только там, где развита и высоко ценится индивидуальность. И напротив, пренебрежение к индивидуальности разрушает социальные связи, оставляет их форму, но уже без содержания, что можно назвать *псевдосоциальностью*.

Заключение

В псевдосоциальном сообществе каждый перестает существовать для другого. В произведении А.А. Зиновьева «Светлое будущее» есть эпизод, когда герой романа, научный сотрудник Института Философии АН СССР задумывается над странностью развитого социализма. Поводом стала попавшаяся ему на глаза старуха-старьевщица, которая рылась в мусорном баке. «... Старуха не выходила у меня из головы. – говорит герой романа, - Построили развитой социализм. Ускоренными темпами движемся к коммунизму. А ей на это на все наплевать. Для нее не существует никакой истории. Никаких проблем. Она скоро исчезнет. И я исчезну». Между тем... «Старуха нагрузила тележку и не спеша потащила ее за цепь, перекинутую через плечо. Люди проходили мимо нее, совершенно не замечая ее. Она для них не существовала вообще. Так же и они для нее. Вот вам сосуществование двух независимых миров, между которыми исключено всякое взаимопонимание. Зачем летать на другие планеты, если по улицам бродит эта Пьяная старуха, с которой мы также не можем установить контакта. И не хотим этого делать» [5. С. 94].

В этом эпизоде А.А. Зиновьев описывает, казалось бы, малозначительную микроситуацию. Но она интересна для исследователя тем, что убеждает – создание подлинной социальности начинается всегда снизу, не с властных институтов, а с живых актов человеческого общения. Социальное государство и функции его институтов, как бы ни были они значимы, – вторичны; возвращаясь к мысли В.С. Соловьев, упомянутой в начале этой статьи, можно сказать, что «их внутренняя причина бытия» – *способствовать* процессу социализации, создавать необходимые правовые и культурные условия для соучастия граждан в созидании подлинно социальной жизни.

Литература:

1. Бурдые П. О государстве. М., 2016.
2. Гриценко Н.Н., Волгин Н.А., Охотский Е.В., Попов Ю.Н., Шарков Ф.И. Основы социального государства / Под общ. ред. Н.Н. Кузьминой, Ф.И. Шаркова. М., 2019.
3. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. М., 2000. № 2.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 14. М., 1976.
5. Зиновьев А.А. Светлое будущее. М., 2008.
6. Иванов В.В. Теория государства. М., 2010.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советский Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.
8. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е. изд. Т. 1. М., 1955.
9. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
10. Печчеи Аурелио. Человеческие качества. М., 1984.
11. Симоянов А.В. Социальное государство: суть, критерии, индикаторы // Логос. № 2 (98). 2014.
12. Соловьев В.С. Значение государства // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1989.
13. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.
14. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
15. Чиркин В.Е. Социальное государство // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015.
16. Шарков Ф.И., Аверин А.Н. Основы социального государства. М., 2016.
17. Шарков Ф.И. Основы социального государства. М., 2012.

UNDERSTANDING THE SOCIAL STATE

Introduction. The central point of the article is the idea that a state, which pretends to be modern, must be social. To prove this idea the authors propose a broad view on social state which duties are not limited to protective and distributive activity, but – what is more important – presupposed to initiate positive social activity of its citizens. The concept of positive social activity the authors treat as such kind of activity, which comes out from the internal needs of persons not from external press of the state by any means.

Materials and methods. The research is based on holistic methodology, which allows understanding socialization not as a binary relation between a society and an individual, but as a practice of collective communication of all social actors. This point of view gives social theorists an opportunity to analyze social state as the institute of co-working that requires the policy of inclusivity.

Results of study. The formation of positive social activity, on the one hand, is impossible without participation of the state, but, on the other hand, it presupposes the limitation of state power to effect on free choice of individuals to act. If not, a state turns into symbolic social state limiting its activity by protective and distributive roles. The result of this limitation

might cause a mood of parasitical consumerism of its citizens and degradation of sociality.

Discussion and conclusion. The nature of a state experiences substantial changes in the XX century. We witness the appearance of new type of a state that never exists before. One of the fundamental features of it is a positive social activity of its citizens. Only because of this a state can efficiently cope with the challenges of contemporaneity and acquires the real social essence.

Oleg S. Volgin,
Doctor of Science (Philosophy),
Associate Professor at the Department
of Public Administration.
MGIMO University,
Moscow, Russia

Elena S. Karsanova,
Doctor of Science (Political Science),
Associate Professor at the Department
of Political Science.
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

социальное государство, социализация,
положительная социальная активность,
идеологическое государство, воображаемое
государство

Keywords:

social state, socialization, positive social
activity, ideological state, imaginary state

References:

1. Bourdieu P., 2016. O gosudarstve [About the State]. Moscow.
2. Gricenko N.N., Volgin N.A., Ohotskij E.V., Popov Yu.N., Sharkov F.I., 2019. Osnovy social'nogo gosudarstva [The Bases of Social State]. Ed. by N.N. Kuz'mina, F.I. Sharkov. Moscow.
3. Goncharov P.K., 2000. Social'noe gosudarstvo: sushchnost', mirovoj opyt, rossijskaya model [Social State: the Essence, World Experience, Russian Model]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. № 2.
4. Dostoevskij F.M., 1976. Brat'ya Karamazovy [Karamazov Brothers]. *Polnoe sobranie sochinenij v 30-ti tomah [Complete works in 30 volumes]*. Vol. 14. Moscow.
5. Zinov'ev A.A., 2008. Svetloe budushchee [Bright Future]. Moscow.
6. Ivanov V.V., 2010. Teoriya gosudarstva [The Theory of State]. Moscow.
7. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskij Socialisticheskij Respublik [Constitution of the USSR]. *Prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.*
8. Marks K., 1955. K kritike gegelevskoj filosofii prava [To the Critique of Hegelian Philosophy of Right]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya [Works]*. 2-e edition. Vol. 1. Moscow.
9. Marks K., 1955. Tezisy o Fejervbahe [Theses on Feuerbach]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya [Works]*. 2-e edition. Vol. 3. Moscow.
10. Pechchei, Aurelio, 1984. Chelovecheskie kachestva [The Human Qualities]. Moscow.
11. Simoyanov A.V., 2014. Social'noe gosudarstvo: sut', kriterii, indikatory [Simonianov A.V. The Social State: Essence, Criterion, Indicators]. *Logos*. № 2 (98).
12. Solov'ev V.S., 1989. Znachenie gosudarstva [The Meaning of State]. *Sochineniya v 2-h tomakh [Works in essays in 2 volumes]*. Vol. 2. Moscow.
13. Social'noe: istoki, strukturnye profili, sovremennye vyzovy [Social: origins, structural profiles, contemporary challenges]. Moscow, 2009.
14. Fukuyama F., 2019. Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. Moscow.
15. Chirkin V.E., 2015. Social'noe gosudarstvo [The Social State]. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya [Great Russian Encyclopedia]*. Vol. 30. Moscow.
16. Sharkov F.I., Averin A.N., 2016. Osnovy social'nogo gosudarstva [The Bases of Social State]. Moscow.
17. Sharkov F.I., 2012. Osnovy social'nogo gosudarstva [The Bases of Social State]. Moscow.

ВЛИЯНИЕ ESG НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ КОМПАНИИ

Елена Завьялова*

Татьяна Кротова**

Анастасия Бунякова***

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-62-70

Введение. Целью представленной статьи является проверка утверждения большинства зарубежных современных авторов о том, что внедрение принципов ESG в деятельность современных корпораций приводит к повышению конкурентоспособности. В основу анализа легли наиболее востребованные теории

конкурентоспособности в части, касающейся нематериальных факторов конкуренции. Для проверки гипотезы о существовании влияния ESG-принципов на конкурентоспособность авторами был проведен анализ корреляционной зависимости между ESG-рейтингом компании, согласно оценке S&P Global, и ее годовой выручкой; анализ проводился на базе данных по 87 компаниям-лидерам ESG-рейтинга из разных отраслей.

Материалы и методы. В основу анализа легли теории конкурентоспособности, изложенные в трудах П. Сраффа и М. Портера.

Результаты исследования. Поскольку материальные факторы конкурентной борьбы практически исчерпаны, фокус внимания перемещается в сторону нематериальных факторов конкуренции, в частности, в сторону обе-

* **Завьялова Елена Борисовна**, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России
e-mail: e.zavyalova@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-6531-7672

** **Кротова Татьяна Григорьевна**, преподаватель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства (ЭПГЧП) МГИМО МИД России
e-mail: tatyana.krotova.mgimo@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-0491-493X

*** **Бунякова Анастасия Владимировна**, преподаватель кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России
e-mail: bunyakova.a@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-9987-9320

спечения специфических потребностей потребителей, выражающихся в учете социальных и экологических факторов в процессе создания товара.

В соответствии с современными тенденциями, удовлетворение этих потребностей достигается путем внедрения ESG-принципов. Однако остается открытым вопрос, повышает ли это конкурентоспособность компании. По результатам проведенного исследования удалось доказать, что внедрение ESG-принципов в деятельность компаний не является гарантией повышения конкурентоспособности компании.

Обсуждение и заключение. Несмотря на полученные результаты, авторы утверждают, что компаниям не стоит отказываться от внедрения ESG-повестки. Компании могут получать некоторые преимущества в виде дополнительных инвестиций со стороны инвесторов, которые разделяют идеи ответственного инвестирования, или на биржах, требующих раскрытия информации об ESG-инициативах компании, что позволяет продемонстрировать заинтересованным сторонам свою приверженность ESG или в принципе получить возможность листинга на некоторых биржах. Внедрение ESG-проектов и инициатив само по себе не ведет к повышению конкурентоспособности компании. Однако неучастие в этом процессе в современных условиях чревато недополучением инвестиций и снижением потребительского спроса.

Введение

Еще в начале XX века исследователи законов и принципов конкурентной борьбы обратили внимание, что немаловажное значение имеют неэкономические факторы, в частности предпочтения потребителей. В работе «Законы доходности в условиях конкуренции» [11], написанной в 1926 г., П. Сраффа доказывает, что в результате увеличения масштабов производства чистая конкуренция искажается как в результате деятельности самих компаний, так и за счет предпочтений потребителей, которые в силу специфических особенностей товара (упаковка, местонахождение и т.д.) склоняются к выбору в его пользу.

Сегодня, когда практически все возможности получения конкурентных преимуществ за счет физического (материального) расширения деятельности компании исчерпаны, роль нематериальных факторовкратно увеличилась. Можно даже утверждать, что на наших глазах происходит становление нового этапа в теории конкуренции. Наиболее полное отражение этой теории находим в одной из последних публикаций классика теории конкуренции М. Портера. В этом исследовании ученый предлагает модель анализа «пяти сил» конкурентной среды, где одним из значимых факторов выступает «власть покупателей».

В то же время последние десятилетия как политиками, так и бизнесом целена-

правленно формировались специфические потребительские предпочтения в рамках продвижения концепции устойчивого развития. В результате сегодня покупатель, особенно из экономически развитых стран, делает выбор в пользу того или иного товара, исходя из принципа экологической безопасности продукции, воздействия в процессе производства на местное население или иных социальных факторов.

Соответственно, возникает предположение, что следование компании ESG-принципам должно повысить ее конкурентоспособность. Однако такое предположение требует проверки.

Исследование

В современной науке преобладает два подхода к оценке последствий конкуренции для окружающей среды и социальной сферы. Д. Хэй, Д. Морис и Ж. Тироль видят в конкуренции разрушающее начало, действующее под влиянием исключительно стихийных сил. Если придерживаться этой точки зрения, то получается, что ESG-повестка это частный случай стихийных сил и в результате ее реализация в погоне за прибылью приведет к негативным последствиям для всех вовлеченных сторон. Однако более популярен сегодня второй подход к анализу конкуренции и ее роли для социального и экологического развития. Сторонниками этого подхода являются Ф. Шерер, Д. Росс,

М. Портер. Они считают, что единственный способ для компании добиться конкурентного преимущества – достичь превосходства в инновациях, которые в рамках нашего исследования сводятся к опережающему внедрению принципов устойчивого развития в производственные цепочки. Г. Хамел и К. Прахалад пошли еще дальше и выступили за необходимость для компании, «нацеленной на рынки будущего», сформировать «ключевые компетенции», которые обеспечат ей отрыв от основных конкурентов, действующих в традиционных рамках.

Опираясь на эти положения, а также на глобальную повестку в области устойчивого развития, крупные компании всего мира стали активно внедрять в свою деятельность принципы устойчивого развития, которые на корпоративном уровне получили название ESG-факторов. Только за последнее десятилетие было принято беспрецедентное количество документов и инициатив, нацеленных на продвижение устойчивого развития: принятие Целей устойчивого развития ООН в рамках «Повестки 2030»; создание Принципов ответственного инвестирования ООН; публикация инициированного Организацией объединенных наций доклада “Who Cares Wins”,¹ в котором упоминаются элементы ESG и активно продвигается идея их благоприятного воздействия на компанию[3]; разработка и внедрение стандартов нефинансовой отчетности, таких как Глобальная инициатива по отчетности (Global Reporting Initiative, GRI) и рекомендаций Совета по стандартам учета в области устойчивого развития (Sustainability Accounting Standards Board, SASB); выпуск первых «зеленых» облигаций и дальнейшее распространение ответственного финансирования и т.д.

Однако по мере расширения числа участников процесса, все большее сомнение стал вызывать главный постулат идеологов устойчивости, а именно, ведет ли внедрение ESG-принципов к реальному повышению конкурентоспособности компании, или ESG-повестка становится своего рода дополнительным налогом на бизнес. Для проверки этого научного вопроса авторы настоящего исследования, с одной стороны, проанализировали труды и подходы крупнейших мировых учёных, изучавших

взаимосвязь конкурентоспособности и внедрения ESG-принципов. С другой, – авторы провели собственное исследование на базе открытых данных.

Начнем с анализа существующих подходов. Все исследователи, как из академических кругов, так и бизнес-аналитики, сходятся в одном – поиск взаимосвязи между социально-экологическими инициативами и экономическими показателями компании является самым актуальным и все еще не решенным вопросом. Но на этом единство мнений заканчивается. Большинство пишет о положительной корреляции ESG-инициатив и финансовых показателей [10]. В последние годы все чаще стали появляться публикации о том, что такая взаимосвязь неоднозначна [6; 9], U-образна [5] или совсем отсутствует [4]. Более того, появились активные противники ESG [7; 8], говорящие о том, что чрезмерное увлечение идеями устойчивости ведет к необоснованному повышению издержек и ложится тяжёлым финансовым бременем на компанию. Интересно отметить, что доля авторов, ставящих под сомнение «полезность» ESG значительно увеличилась за последние пять лет.

Большинство исследований, в которых доказывается положительная взаимосвязь тех или иных показателей конкурентоспособности и уровня корпоративной устойчивости, опирается на закрытые данные рейтинговых агентств или информационно-аналитической компании Bloomberg (раздел Bloomberg ESG Data). Не подвергая сомнению компетентность аналитиков упомянутых структур, авторы данного исследования решили проверить представленные выводы, опираясь исключительно на открытые данные. Данные брались из официально опубликованной финансовой отчетности компаний, прошедших аудиторскую проверку, и оценочных значений ESG-показателей ESG-рейтингов.

Для проверки гипотезы о росте выручки компании при внедрении в ней ESG-стандартов были взяты компании из различных отраслей: нефтегазовой, химической, металлургической, машиностроительной, т.е. тех, которые составляют базу российской экономики. В качестве показателя успеш-

¹ Доклад в рамках инициативы ООН Глобальный договор. Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World, The Global Compact. URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/events/2004/stocks/who_cares_wins_global_compact_2004.pdf

ности бизнес-стратегии был взят показатель выручки. Выбор именно выручки в качестве критерия для оценки конкурентоспособности компании был обусловлен целым рядом факторов. Так, если принять за основу гипотезу, что современный покупатель более склонен покупать продукцию у «ответственных» компаний, то ESG-мероприятия

должны вести к росту спроса на продукцию, и соответственно к росту выручки компании. Второй аргумент – выручка напрямую не зависит ни от издержек, ни от расходов компании, поэтому обладает определенной универсальностью, что позволит сравнить показатели компаний из разных стран и отраслей.

Рис. 1. Распределение оценок воздействия ESG-повестки на финансовые результаты компаний, опубликованных с 2000 годов

Источник: составлено авторами на основе Alshehhi, A., Nobanee, H., Khare, N. *The Impact of Sustainability Practices on Corporate Financial Performance: Literature Trends and Future Research Potential* / A. Alshehhi, H. Nobanee, N. Khare // *Sustainability*. – 2018. – P. 1-25. URL: https://www.researchgate.net/publication/323152161_The_Impact_of_Sustainability_Practices_on_Corporate_Financial_Performance_Literature_Trends_and_Future_Research_Potential и ESG and financial performance: Uncovering the Relationship by Aggregating Evidence from 1,000 Plus Studies Published between 2015 – 2020, URL: https://www.stern.nyu.edu/sites/default/files/assets/documents/NYU-RAM_ESG-Paper_2021%20Rev_0.pdf

Для того чтобы доказать значимую взаимосвязь роста выручки компании и ее вложений в ESG мы искали корреляционную зависимость между ESG-рейтингом компании, согласно оценке S&P Global (может быть от 0 до 100), и ее годовой выручкой (в млрд. долл. США).

На данный момент S&P является одним из наиболее авторитетных рейтинговых агентств, оценивающих компании с точки зрения их позиции в области ESG. Выбор ESG-рейтинга S&P обуславливается прежде всего наличием достаточного количества актуальных данных в открытом доступе по компаниям отобранных отраслей. Критерий достаточности данных предполагает не только возможность получения беспрепят-

ственного доступа к ним, но также и наличие исторических данных по компаниям за несколько лет. Кроме того, для проведения математических расчетов требуется оценка рейтинга в числовой форме (не буквенной и т.д.), что соответствует методологии рейтинга S&P Global. Наконец, сущность оценки рейтинга должна предполагать оценку положения компании с точки зрения всех трех аспектов ESG (а не только, например, влияния на изменение климата, управленческих практик и т.д.). ESG-рейтинг S&P Global отвечает всем требованиям, предъявляемым к рейтингу в рамках нашего исследования, и, таким образом, именно его значения выбраны для проведения корреляционного анализа.

Корреляционная зависимость считается значимой при коэффициенте корреляции больше 0,5. Причем взаимосвязь считается положительной при коэффициенте корреляции больше нуля, в таком случае можно будет сделать выводы о том, что между внедрением ESG-стандартов в компании и ее доходами в данной отрасли действительно есть взаимосвязь. Если коэффициент корреляции будет отрицательным, то это будет свидетельствовать о том, что вложения компаний в ESG-стратегию оказывают отрицательное воздействие на выручку компании в выбранной отрасли. Значит, показатели коэффициента корреляции меньше 0,5 будут говорить о том, что значимого эффекта на показатели выручки компаний вложения в ESG не оказывают.

В выборку попали 20 компаний металлургической промышленности, 19 нефтегазовых компаний, 27 компаний химической

промышленности и 21 машиностроительная компания. Данные по их ESG-рейтингу и выручке брались за 4 года (2018 – 2021 гг.). Во избежание искажений полученного итогового коэффициента корреляции, мы исключили из выборки самые большие и самые маленькие показатели выручки компаний. Таким образом мы получили репрезентативную выборку из 65 показателей для компаний нефтегазовой отрасли, 74 показателей для компаний металлургической промышленности, 97 показателей для компаний химической промышленности и 76 показателей для компаний машиностроительной отрасли.

Затем мы построили точечные диаграммы с указанием линии тренда для компаний каждой отрасли и нашли коэффициенты корреляции в программе Microsoft Excel и получили результаты, представленные далее (см. диаграммы 1-4).

Для металлургической промышленности:

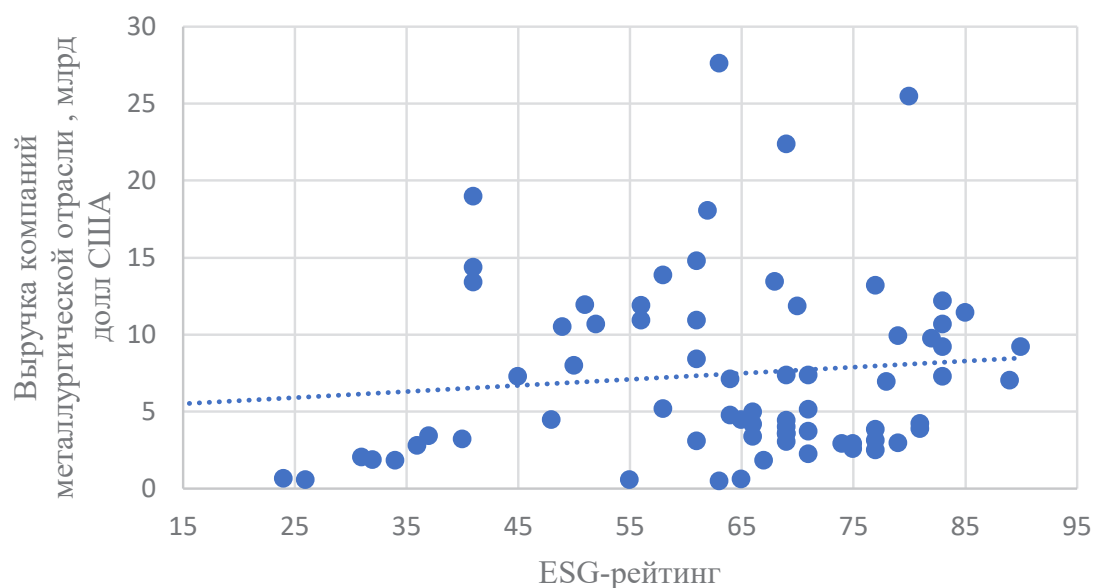

Диаграмма 1. Корреляция между ESG-рейтингом компаний металлургической отрасли и выручкой.

Источник: получена авторами.

Коэффициент корреляции: 0,1. То есть корреляционная зависимость незначительная.

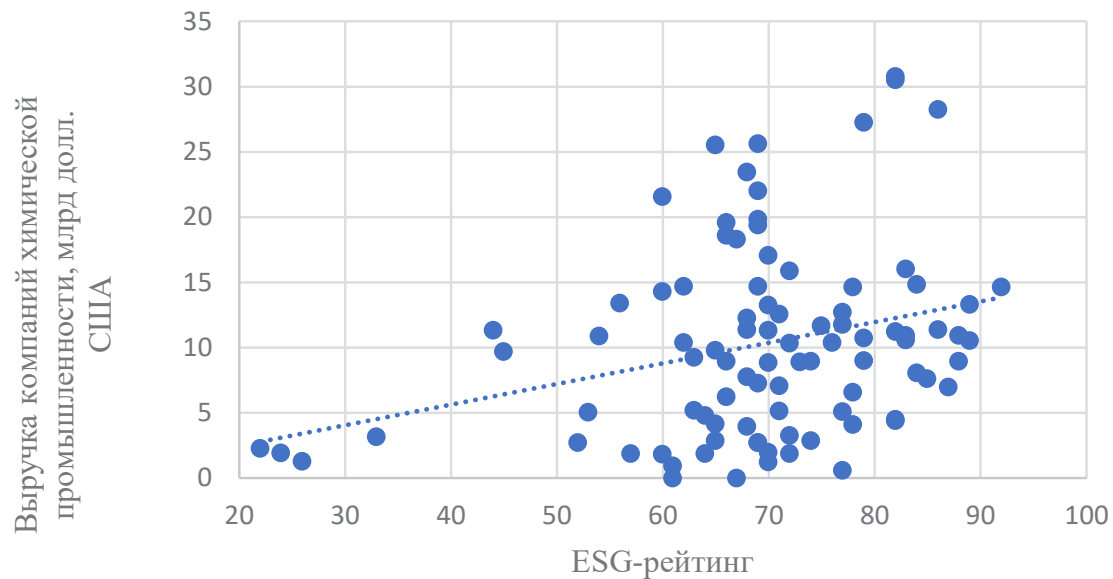

Диаграмма 2. Корреляция между ESG-рейтингом компаний химической отрасли и выручкой.

Источник: получена авторами.

Коэффициент корреляции: 0,3. Для компаний химической отрасли корреляция положительная и больше, чем для металлургических компаний. Однако говорить

о сколь либо значимой корреляции между ESG-рейтингом компании в этой отрасли и их выручкой нельзя.

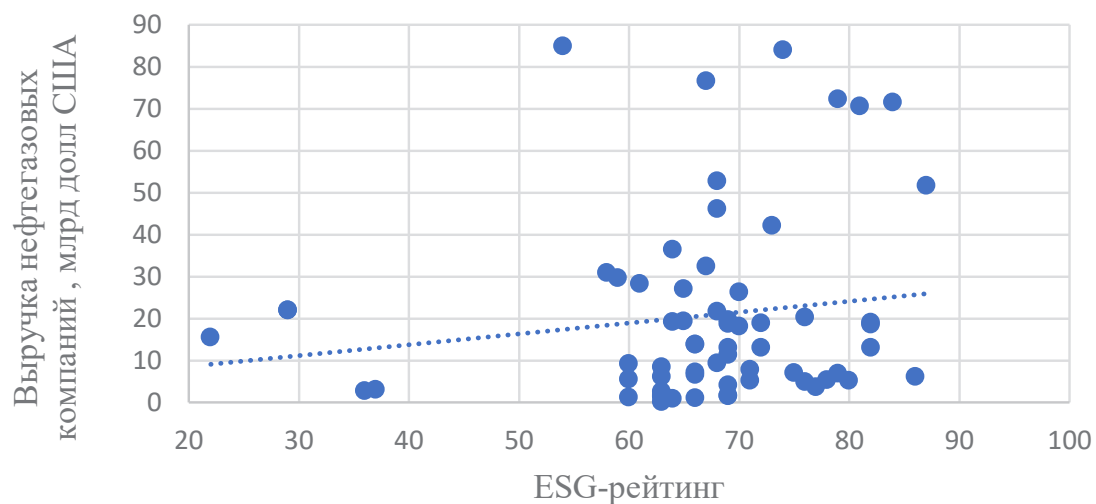

Диаграмма 3. Корреляция между ESG-рейтингом нефтегазовых компаний и выручкой.

Источник: получена авторами.

Коэффициент корреляции: 0,15, что опять же свидетельствует о незначительной корреляции.

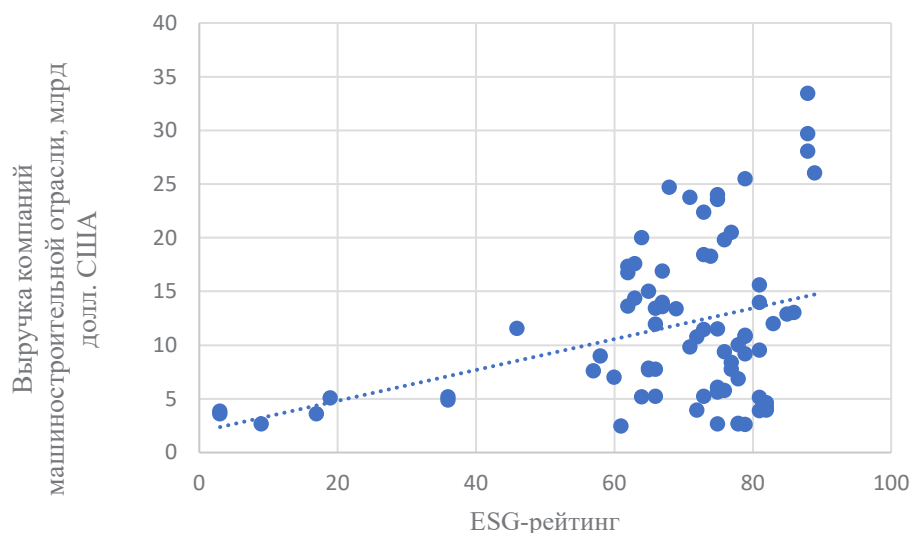

Диаграмма 4. Корреляция между ESG-рейтингом машиностроительных компаний и выручкой.

Источник: получена авторами.

Коэффициент корреляции: 0,4. Это самая сильная положительная корреляционная зависимость из всех четырех представленных в исследовании отраслей промышленности. Но так как этот коэффициент меньше 0,5, то и здесь мы не можем утверждать, что существует значимая корреляционная зависимость между местом компании машиностроительной отрасли в ESG-рейтинге и ее выручкой.

Таким образом, значимой корреляционной зависимости между выручкой компании и ее ESG-рейтингом не выявлено ни в одной из четырех отраслей промышленности. Наибольшая взаимосвязь наблюдается у машиностроительных компаний.

Заключение

В ходе эволюции научного знания о природе и главных факторах конкуренции ученые и представители делового сообщества пришли к пониманию, что материальные факторы конкурентной борьбы практически исчерпаны, соответственно, фокус внимания переместился в сторону нематериальных факторов конкуренции, главным из которых сегодня принято считать вовлеченность в ESG-повестку.

По результатам проведенного исследования удалось доказать, что внедрение ESG-принципов в деятельность компаний не является гарантией повышения конкурентоспособности компании. Более того, наиболее объективным стимулом к дальнейшему

участию компаний в ESG представляется давление международных государственных и частных институтов. Получается, что компании действуют скорее по принципу оплаты «членских взносов» за участие в клубе «избранных».

В действительности, этот вопрос несколько более неоднозначен. Представляется небезосновательным предположить, что компании могут получать некоторые преимущества в условиях наличия так называемой развитой ESG-среды. Речь идет о возможностях привлечения дополнительных инвестиций со стороны инвесторов, которые разделяют идеи ответственного инвестирования, например, являясь подписантами Принципов ответственного инвестирования ООН [1]. Другой пример – следование рекомендациям фондовых бирж в отношении раскрытия информации об ESG-инициативах компании, что позволяет продемонстрировать заинтересованным сторонам свою приверженность ESG или в принципе получить возможность листинга на некоторых биржах [2]. Тем не менее, в условиях ограниченного доступа к ответственным институциональным инвесторам или отсутствия обязательных требований по раскрытию информации со стороны фондовых бирж компаниям непросто получить дополнительные преимущества и, таким образом, участие в ESG действительно не является гарантией повышения их конкурентоспособности.

Литература:

1. Бунякова А.В. Роль инвесторов в продвижении раскрытий ESG-информации // Вестник Академии. 2021. № 3. С. 99-108.
2. Бунякова А.В. Роль фондовых бирж и стандартов нефинансовой отчетности в продвижении ESG- раскрытий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Том IV. С. 4-11.
3. Бунякова А.В., Завьялова Е.Б. ESG-инвестирование: новое слово или новый смысл? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. No. 4. С. 613-626.
4. Aupperle, K., Carroll, A., Hatfield, J. An Empirical Examination of the Relationship between Corporate Social Responsibility and Profitability // Academy of Management Journal. 1985. P. 446-463.
5. Barnett, M., Salomon, R. Does it Pay to Be Really Good? Addressing the Shape of the Relationship between Social and Financial Performance // Strategic Management Journal. 2011. P. 2-41.
6. Grewatsch, S., Kleindienst, I. When Does It Pay to be Good? Moderators and Mediators in the Corporate Sustainability - Corporate Financial Performance Relationship: A Critical Review // Journal of Business Ethics. 2017. P. 383-416.
7. He, Y., Chittoor, R. When Does It (Not) Pay to Be Good? Interplay Between Stakeholder and Competitive Strategies // Journal of Management. 2022. P. 1-33. URL: <https://dspace.library.uvic.ca>.
8. Hillman A.J., Keim G.D. Shareholder Value, Stakeholder Management, and Social Issues: What's The Bottom Line? // Strategic Management Journal. Vol. 22. No. 2 (Feb., 2001). P. 125-139. URL: <https://www.researchgate.net>.
9. Margolis, J.D., Walsh J.P. Misery Loves Companies: Rethinking Social Initiatives by Business // Administrative Science Quarterly. Vol. 48. 2003. № 2. P. 268-305.
10. Orlitzky, M., Schmidt, F., Rynes, S. Corporate Social and Financial Performance: A Meta-Analysis // Organization Studies. 2003. P. 403-441.
11. Sraffa, P. The Law of Returns under Competitive Conditions // The Economic Journal. 1926. Dec. P. 535-550.

ESG IMPACT ON CORPORATE COMPETITIVENESS

Introduction. The purpose of this article is to verify the assertion of most foreign modern authors that the introduction of ESG principles leads to improved competitiveness of modern corporations. The analysis is based on the most relevant theories of competitiveness in terms of intangible factors of competition. In order to test the hypothesis of the impact of ESG principles on competitiveness, the authors have analysed the correlation between companies' revenues and their S&P Global ESG score. The analysis was based on 87 ESG-leaders operating in different industries.

Materials and methods. The analysis is based on the theories of competitiveness set out in the works of P. Sraffa and M. Porter.

Results of the research. As the potential of tangible factors of competition is next to exhausted, the focus is shifting to intangible factors, i.e. to meeting specific consumers' demands, taking into account social and environmental factors in the process of production.

In accordance with current trends, satisfying these needs is achieved by implementing ESG principles. However, it remains an open question whether this enhances the competitiveness of the company. According to the results of the study, implementing ESG principles in the activities of companies is not a guarantee of increasing the competitiveness of the company.

Discussion. Despite the results obtained, the authors argue that companies should not abandon

the implementation of ESG principles. Companies may receive some benefits by luring investors who adhere to the principles of responsible investing, or by being listed on stock exchanges that require ESG disclosures, which allows companies to demonstrate to stakeholders their commitment to ESG or simply to be listed on some stock exchanges. Implementing ESG factors and initiatives does not in itself lead to an increase in a company's competitiveness. However, non-participation in this process in today's environment puts the company at risk of underinvestment and lower consumer demand.

Elena B. Zavyalova,
Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Head of The Economic Policy
and Public-Private Partnership Department,
MGIMO University, Russia

Tatyana G. Krotova, Lecturer,
The Economic Policy and Public-Private
Partnership Department, MGIMO University,
Russia

Anastasia V. Buniakova,
Lecturer, English Language
Department № 2,
MGIMO University, Russia

Ключевые слова:

ESG, устойчивое развитие, корпоративная устойчивость, корпоративная социальная ответственность (КСО), эконометрические методы, теория конкурентоспособности, конкуренция, конкурентоспособность предприятия

Keywords:

ESG, sustainable development, corporate sustainability, corporate social responsibility (CSR), the Theory of Competitiveness, econometric methods, competition, company competitiveness

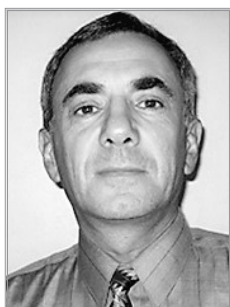
References:

1. Bunyakova A.V., 2021. Rol' investorov v prodvizhenii raskrytii ESG-informacii [The role of investors in promoting ESG information disclosure]. *Vestnik Akademii [Bulletin of the Academy]*. № 3. S. 99-108.
2. Bunyakova A.V., 2021. Rol' fondovyh birzh i standartov nefinansovoj otchetnosti v prodvizhenii ESG- raskrytii [The role of stock exchanges and non-financial reporting standards in promoting ESG disclosures]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]*. Vol. IV. S. 4-11.
3. Bunyakova A.V., Zav'yalova E.B., 2021. ESG-investirovanie: novoe slovo ili novyi smysl? [ESG investing: a new word or a new meaning?]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economy]*. 2021. Vol. 29. No. 4. S. 613-626.
4. Aupperle, K., Carroll, A., Hatfield, J., 1985. An Empirical Examination of the Relationship between Corporate Social Responsibility and Profitability. *Academy of Management Journal*. P. 446-463.
5. Barnett, M., Salomon, R., 2011. Does it Pay to Be Really Good? Addressing the Shape of the Relationship between Social and Financial Performance. *Strategic Management Journal*. P. 2-41.
6. Grewatsch, S., Kleindienst, I., 2017. When Does It Pay to be Good? Moderators and Mediators in the Corporate Sustainability - Corporate Financial Performance Relationship: A Critical Review. *Journal of Business Ethics*. P. 383-416.
7. He, Y., Chittoor, R., 2022. When Does It (Not) Pay to Be Good? Interplay Between Stakeholder and Competitive Strategies. *Journal of Management*. P. 1-33. URL: <https://dspace.library.uvic.ca>.
8. Hillman A.J., Keim G.D., 2001. Shareholder Value, Stakeholder Management, and Social Issues: What's The Bottom Line? *Strategic Management Journal*. Vol. 22. No. 2. P. 125-139. URL: <https://www.researchgate.net>.
9. Margolis, J.D., Walsh J.P., 2003. Misery Loves Companies: Rethinking Social Initiatives by Business. *Administrative Science Quarterly*. Vol. 48. № 2. P. 268-305.
10. Orlitzky, M., Schmidt, F., Rynes, S., 2003. Corporate Social and Financial Performance: A Meta-Analysis. *Organization Studies*. P. 403-441.
11. Sraffa, P., 1926. The Law of Returns under Competitive Conditions. *The Economic Journal*. December. P. 535-550.

ФИНАНСОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСБАЛАНСОВ РЫНКОВ КАПИТАЛОВ

Левин Юрий*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-71-78

Введение. В статье анализируются основные факторы возникновения и развития дисбалансов рынков капитала в ходе усиления процессов финансовой глобализации. Базисом финансовой глобализации являлась интеграция различных стран и макрорегионов на основе общих целей по развитию рынков для выполнения ключевых функций национальных экономик по обеспечению финансовыми ресурсами. В результате дальнейшей либерализации международных потоков капитала мировая финансовая система стала каналом распространения финансовой нестабильности.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы, позволяющие выявить и обосновать глобальные противоречия и текущие особенности воспроизводства капитала. Используются методы экономического анализа и синтеза, формально-логический метод; синхронный и сравнительный (компаративистский) методы.

Результаты исследования. На основе анализа глобальных тенденций развития рынков капитала идентифицированы системные противоречия, влияющие на ход естественных процессов финансового развития национальных экономик. Показано, что следствием несоразмерного роста финансового капитала является вывод ликвидности из материальной сферы - сферы производства и обращения в сферу финансов. Выполнен анализ теоретических аспектов возникновения глобальных дисбалансов рынков капитала. Дана оценка их воздействия на мировую финансовую систему и экономический рост. Доказано, что негативные последствия финансиализации экономики, неся в себе геополитические риски, одинаково касаются всех без исключения стран. Основным результатом, представляющий элемент научной новизны, заключается в диагностике последствий дисбалансов и сопровождающих их мировых финансовых кризисов.

Обсуждение и заключение. Устойчивые негативные тенденции, вызванные особенностями процесса нарастания противоречий между фиктивным и реальным капиталом, финансовым и материальным секторами национальных

* **Левин Юрий Анатольевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Одцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: u.levin@odin.mgimo. ru
ORCID ID: 0000-0002-9568-7866

экономик, приводят к усилению системных рисков функционирования финансового рынка глоболизирующей мировой экономики. На фоне значительного опережения роста денежно-ссудного капитала по сравнению с реальным в структуре общественного капитала возникают участившиеся банковско-долговые кризисы и растет уязвимость мировой экономики из-за последствий финансовализации экономики.

Введение

Формирование мирового финансово-го рынка в прошлом столетии сопровождалось началом интернационализации международных операций национальных рынков капиталов [10]. Ее становление приходится на 60-е годы и связано с очередным технологическим укладом развития мировой экономики, периодом изобретения новых финансовых инструментов и генерируемого ими цикла финансовой активности, описанного задолго до того Н.Д. Кондратьевым и Й. Шумпетером. В 70-х годах темпы развития международных операций национальных рынков капиталов стали увеличиваться, а в 80-х-90-х годах масштабы мировой финансовой системы стали поистине огромны. К концу прошлого столетия цикл относительной автономизации финансовых рынков завершился и парадигму мирового экономического развития стала определять глобализация, кардинально изменяющая современный мир. Процессы глобализации, задавая вектор трансформации финансовых отношений, существенно повлияли на развитие рынков капитала в сторону либерализации их международной мобильности с одновременным проявлением определенных противоречий.

Исследование

Перераспределение ресурсов в глобальном масштабе, либерализация международного движения капиталов, формирование долгосрочных источников финансирования для корпоративного сектора и государства способствуют в значительной мере развитию финансового рынка и определяют инструменты мировой финансовой системы на фоне быстро окупаемых технологических инноваций, обеспечивающих информатизацию мировой экономики.

В целом либерализация соответствует ключевой цели мировой финансовой системы. Развитие финансовой системы основыв-

вается на сочетании двух ее компонентов: институционального, предполагающего функционирование финансовых институтов и инструментального, механизм которого определяют финансовые инструменты, обеспечивающие активное развитие рынка капитала, рост его роли как источника финансовых ресурсов.

Эффективность финансовых институтов и финансовых инструментов характеризуется рядом индикаторов. Одним из ключевых индикаторов является капитализация фондового рынка. При этом дискуссионным можно считать тезис о том, что если положительное влияние результатов капитализации фондового рынка не распределяется равномерно по странам, то ее негативные последствия одинаково касаются всех без исключения стран. [7].

Начавшийся около полувека назад запуск механизмов выхода мировой финансовой системы на глобальную стадию развития, сопровождаемый объединением капиталов все большего числа игроков, в нынешнем столетии стал приводить к возникновению определенных дисбалансов, среди которых одну из первых ролей играет так называемая «финансиализация» мировой экономики. «Функционируя в мировой экономике, финансовый капитал осуществляет ее финансиализацию, проявляющуюся в ряде процессов, в которых финансовый сектор начинает преобладать над производственным сектором экономики» [1].

Исследования глобальных дисбалансов как следствия финансиализации экономики позволяют выявить ряд взаимосвязанных причин возникновения функциональных нарушений, влияющих на ход естественных процессов системного финансового развития в национальных экономиках [2]. В ряде современных научных трудов доказано, что глобальная финансиализация неразрывно связана с существенными внутренними противоречиями в экономике США, источником которых служит финансовый механизм вывода ликвидности из сферы производства

и обращения в сферу финансовых рынков и установление так называемого феномена капитализации как наиболее значимого показателя эффективности. Размещение капиталов с использованием инструментов финансового рынка США влечет угрозу потери их ликвидности, а прогнозирование динамики глобальной экономики без учета роли фиктивного капитала, приводит к глобальной уязвимости и становится причиной очередного финансового кризиса[3].

При этом на фоне роста капитализации даже при достижении отдельными корпорациями и национальными экономиками высоких показателей финансовой результативности происходит сокращение уровня производительности, формируется нерациональная динамика показателей рынка капитала и начинается замедление экономического роста. Кроме того следует признать, что показатель капитализации национальных экономик обладает существенной волатильностью из-за высокой степени зависимости периферии мировой финансовой системы от ее центра, и в свою очередь испытывает колоссальное давление со стороны финансовых рынков, экспансия которых приводит к чрезмерной финансиализации [5]. Данная тенденция может угрожать нормальному ходу воспроизводства капитала как в центре мировой финансовой системы, так и на ее периферии.

Таким образом, феномен капитализации отражается с одной стороны, в участившихся кризисах, сопровождающих развитие финансовых рынков; с другой стороны, наблюдается рост капитализации банковского сектора и компаний, за счет их вложений на финансовом рынке с размещением своих акций на крупнейших фондовых площадках и рост прибылей этих компаний, который не всегда отражает их реальный потенциал.

В полной мере системные противоречия проявились во время последнего глобального финансового кризиса, острая фаза которого началась с ипотечного кризиса США 2008–2009 годов. Кризис показал, что самостоятельно финансовая система не в состоянии за счет рыночного механизма восстановить равновесное состояние и устранить причины и последствия возникающих в ней глубинных противоречий, влияющих в первую очередь на модель экономического роста. Кризис усилил межгосударственное регулирование международных экономических отношений (торговых, финансово-кредитных, валютных и т.п.) [4]. При этом внимание нерыночных институтов к фи-

нансовому регулированию стало постепенно приводить к ослаблению роли рынков в создании финансовых инструментов [15].

К дисбалансам финансовой системы, проявившимся в последнем десятилетии, относится также усиление волатильности рынков, вызывающее рост финансовой нестабильности банковской системы в странах не только являющихся крупными финансовыми центрами, но и на периферии мировой финансовой системы; иррациональный рост в сегменте производных финансовых инструментов и их негативное влияние на транспарентность всех национальных рынков капитала[8].

Кроме того, дополнительную волатильность рынкам в последние годы придают политические факторы: рост государственных расходов на вооружение, попытки усиления политического доминирования Запада, следствием которого является отражение в архитектуре современных мировых финансов секторальных финансово-экономических санкций для одних стран или режимов экономических преференций для других.

Следует также иметь в виду, что формы проявления взаимосвязанных негативных тенденций далеко не всегда предсказуемо изменяются, осложняя общую экономическую ситуацию, характеризуемую усилением международной конкуренции.

Проявление противоречивых взаимосвязанных явлений в функционировании мировой финансовой системы отражается в результатах их совокупного воздействия на общую хозяйственную среду в целом и рынки капитала в частности. Так, если в последнем десятилетии прошлого столетия национальные рынки капитала продолжали активно развиваться и одновременно возрастала их роль как источника финансовых ресурсов для бизнеса наряду с банковским кредитованием, то начиная с острой фазы финансового кризиса в 2008–2009 гг. и последующего ужесточения финансово-экономических санкций, усилилось воздействие негативных аспектов на финансовые инструменты рынков капитала и изменилось воздействие этих инструментов на экономический рост.

Кризис ликвидности 2008–2009-ых годов с мировых рынков распространился на денежный сегмент всех национальных экономик. Кризис, стоивший несколько сотен миллиардов долларов мировой экономике, был по своей природе банковско-финансовым, сопровождавшийся банкротством крупных финансовых институтов. Спасать

каждую крупную находящуюся на грани банкротства компанию американское правительство было не в состоянии, однако для выхода из кризиса регулятор обеспечил системообразующим банкам решение проблем с ликвидностью, ослабив тем самым напряженность на мировых рынках финансирования [17].

Однако в дальнейшем, несмотря на последующий переход мировой экономики к росту, структура денежного потока оказалась связана со значительно возросшими потребностями в долговом финансировании. Рост роли долгового капитала в финансировании экономического роста в определенной мере вызван тем, что хотя большинство финансовых инструментов способно обращаться на разных рынках, тем не менее они все равно находятся в некоем консолидированном фонде и поэтому вынуждены подчиняться текущим тенденциям фонда, а не самостоятельным траекториям определения финансового инструмента и его цены. Соответственно, чем крупнее фонд, тем больше его влияние на каждый входящий в него финансовый инструмент.

Все это обуславливает необходимость изменения принципов регулирования на финансовых рынках, переходя к административным скоординированным решениям регулятора для обеспечения экономической безопасности функционирования финансовой системы и снижения уязвимости рынка капитала от влияния усиливающихся дисбалансов мировой финансовой системы [9]. Например, в 2023г. чтобы предотвратить дальнейшее банкротство банков США, регулятор заморозил средства ряда кредитных организаций. Для скоординирования действий по расширению предоставления ликвидности банкам Федеральная резервная система (ФРС) США присоединилась к Банку Канады, Банку Англии, Банку Японии, Европейскому центральному банку и Национальному банку Швейцарии.

Различный уровень доступности и стоимости финансовых ресурсов являются факторами неоднородности экономического роста, вызывают постоянное рефинансирование обязательств, широкое применение операций обратного выкупа [14]. Соответствующая трансформация структуры денежного потока неизбежно вызывает рост систематического риска, поскольку активы одних компаний становятся пассивами других.

В свою очередь изменения пропорций долгового и долевого финансирования в сторону роста долгового приводят к рас-

ширению финансовой доступности, то есть доступности различных инструментов финансового рынка при увеличении спроса на них со стороны реального сектора, даже если регулируемыми органами проводится сдерживающая политика. Эффективность административных мер национальных регуляторов по противостоянию такому расширению финансовой доступности представляется проблематичной, поскольку основа целеполагания финансовых институтов, как и промышленных компаний, - максимизация прибыли [13]. Противодействующие ответы на усиление регулирования операций национальных рынков капиталов могут быть различные, например, рост офшорного оборота, а офшорные сделки крупных игроков рынка капитала приводят к внебанковской офшорной эмиссии резервных валют и росту рисков на фондовых рынках [12].

Увеличение доли корпоративной прибыли, приходящейся на финансовую деятельность, определяет ту скорость, с которой финансовая нестабильность распространяется по глобальному рынку капитала и способна стать причиной новых кризисов.

Последний банковский кризис США в 2023 году сопровождался резким оттоком вкладов из проблемных банков, в том числе и выводом средств, размещенных в криптовалютных [11], с последующим уменьшением капитализации банков в несколько раз и падением за пять дней трех американских банков, закончивших предыдущий год с чистой прибылью, исчисляемой в миллиардах долларов. Хотя такое явление, как почти одновременный крах нескольких крупнейших банков, можно считать крайне нетипичным со времен Великой депрессии [14], но оно позволяет полагать, что, несмотря на достижение высоких уровней корпоративных показателей финансовой результативности, являющихся целью совершения операций на финансовом рынке, могут достаточно быстро произойти кризисные явления, приводящие к обрушению рынков капиталов и замедлению экономического роста. Добавим также, что в перспективе при отсутствии международного регулирования оборота криптоактивов влияние на нарастание противоречий между фиктивным и реальным капиталом, финансовым и материальным секторами национальных экономик может увеличить инфляционный потенциал и риски быстрого роста рынка крипто-активов [19].

Геополитические риски, приводящие к кризисам, затрагивают все основные институты мирового сообщества [16], но при этом

дают возможность экономической науке, используя междисциплинарные подходы, более глубоко осмыслить природу мировой финансовой системы и механизмов возникновения в ней дисбалансов, устранение которых требует построения генезиса финансовой системы, выявления ролей и функций ее участников, а также переоценки ряда базовых положений мировой экономики, нуждающихся в теоретическом осмыслении и последовательном обосновании невозможности толкования глубинных противоречий мировой финансовой системы с точки зрения теорий общего равновесия и соответственно невозможности получения релевантных результатов оценки операций на финансовых рынках путем применения классических подходов [18]. Например, модели оценки капитальных активов У. Шарпа, гипотезы эффективного рынка Ю. Фамы и ряда других.

Заключение

Следствием глобальных дисбалансов рынков капитала является возникшая в последние десятилетия противоречивость процесса трансформации структуры денежного потока.

С одной стороны, происходит универсализация финансовых портфелей, ускорение оборотов в торговле, рост финансово-

технологических операций на финансовых рынках. Однако, с другой стороны, наблюдаются устойчивые негативные тенденции, которые в виде нарушений нормального процесса воспроизводства капитала проявляются одновременно с возрастающей потребностью бизнеса в долговом финансировании. Происходит увеличение непродуктивного спроса на финансовые активы и возрастание их стоимости при замедлении роста глобальной ликвидности в условиях участвовавших банковско-долговых кризисов в силу многолетней политики «дешевых» денег в форме облегченных кредитов. При этом с удлинением глобальных цепочек создания потоков добавленной стоимости и одновременным ростом их экономической и политической зависимости от мировой финансовой системы меняется характер дискретного денежного потока.

Наблюдающееся в странах Запада увеличение бюджетных расходов и долговых обязательств является попыткой избежать замедления экономического роста в развитых странах.

Усиление всего набора системных рисков функционирования мирового финансового рынка глобализирующейся мировой экономики приводят к образованию финансовых пузырей (кризис доткомов, ипотечный кризис и др.) и новым глобальным кризисам.

Литература:

1. Авдокушин Е.Ф. Международные финансовые отношения (основы финансомики). М., 2017.
2. Динец Д. А. Мировая финансовая система и противоречия процесса воспроизводства капитала // Финансовые исследования. 2021. № 3 (72).
3. Динец Д. А., Камаев Р.А. Влияние внутренних противоречий в экономике США на глобальную финансиализацию и экспансию фиктивного капитала // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 2. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-2-6-34.
4. Дорофеев М.Л. Влияние монетарной политики на уровень экономического неравенства в США // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № (13)5.
5. Дубинин С.К. Финансиализация экономического роста и российская национальная финансовая система // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 4.
6. Звонова Е.А. Трансформация мировой экономики и пандемия // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(4).
7. Кавицкая И.Л. Анализ воздействия монетарного шока на экономику: история вопроса и некоторые новые идеи // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 4.
8. Каломирис Ч., Хабер С. Непрочные по конструкции: политические причины банковских кризисов и дефицита кредитов. М., 2017.
9. Кузнецов В.С. Валютный союз-будущее ЕАЭС // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2 (41).
10. Каяшева Е.В. Роль финансовой глобализации в современных международных интеграционных процессах // Экономика. Управление. Право. 2012. № 12.
11. Кочергин Д.А. Кriptoактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-04./

12. Левин Ю.А. Фондовый и ипотечный рынки: тенденции и последствия роста необеспеченности финансового капитала // Финансовый бизнес. 2021. № 6(216).
13. Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // Вопросы экономики. 2019. № 8. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-45-66
14. Мешкова Т.А., Моисеичев Е.Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Финансы: теория и практика. 2015. № 1(85).
15. Моисеев С.Р. Частные центральные банки // Вопросы экономики. 2017. № 7. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-24-41.
16. Солнцев О.Г., Хромов М.Ю., Волков Р.Г. Институты развития: анализ и оценка мирового опыта // Проблемы прогнозирования. 2009. № 2(113).
17. Стиглиц Дж. Крутое пики: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011.
18. Столбов М.И. Влияние финансового рынка на экономический рост и деловые циклы // Экономика XXI века. 2008. № 8.
19. Столбов М.И. К десятилетию рынка криптовалют: текущее состояние и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 5. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-136-148

FINANCIAL GLOBALIZATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF CAPITAL MARKET IMBALANCES

Introduction. The article analyzes the main factors of the emergence and development of capital market imbalances during the intensification of financial globalization processes. The basis of financial globalization was the integration of various countries and macro-regions on the basis of common goals for the market development to fulfill the key functions of national economies to provide financial resources. As a result of further liberalization of international capital flows, the global financial system has become a channel for spreading financial instability.

Materials and methods. The methodological basis of the study was made up of general scientific and special methods that allow to identify and substantiate global contradictions and current features of capital reproduction. Methods of economic analysis and synthesis, formal-logical method, synchronous and comparative (comparative) methods are used.

The results of the study. Based on the analysis of trends in the development of capital markets, systemic contradictions affecting the course of natural processes of national economies financial development are identified. It is shown that the consequence of the disproportionate growth of financial capital is the withdrawal of liquidity from the material sphere - the sphere of production and circulation in the sphere of finance. The theoretical aspects analysis of the emergence of global capital market imbalances is car-

ried out. An assessment of their impact on the global financial system and economic growth is given. It is proved that the negative consequences of economy financialization, bearing geopolitical risks, equally affect all countries without exception. The main result, representing an element of scientific novelty, is the diagnosis of the consequences of imbalances and the accompanying global financial crises.

Discussion and conclusion. Persistent negative trends caused by the peculiarities of the process of increasing contradictions between fictitious and real capital, financial and material sectors of national economies, lead to increased systemic risks of the financial market functioning of the globalizing world economy. Against the background of a significant advance in the growth of monetary and loan capital in comparison with the real one, the structure of public capital is experiencing frequent banking and debt crises and the vulnerability of the world economy is growing due to the consequences of capital financialization.

Yuri A. Levin,
Doctor of Economics, Professor,
Department of Economics and Finance,
MGIMO University,
Odintsovo branch, Russia

Ключевые слова:

мировая финансовая система,
финансиализация экономики,
геополитические риски, экономический
рост

Keywords:

global financial system, economy
financialization, geopolitical risks, economic
growth

References:

1. Avdokushin E.F., 2017. Mezhdunarodnye finansovye otnosheniya (osnovy finansomiki) [International financial relations (fundamentals of finance)]. Moscow.
2. Dinec D.A., 2021. Mirovaya finansovaya sistema i protivorechiya processa vosproizvodstva kapitala [The global financial system and the contradictions of the process of capital reproduction]. *Finansovye issledovaniya [Financial research]*. № 3 (72).
3. Dinec D.A., Kamaev R.A., 2021. Vliyanie vnutrennih protivorechij v ekonomike SSHA na global'nyuyu finansializatsiyu i ekspansiyu fiktivnogo kapitala [The impact of internal contradictions in the US economy on the global financialization and expansion of fictitious capital]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. Vol. 25. № 2. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-2-6-34.
4. Dorofeev M.L., 2020. Vliyanie monetarnoj politiki na uroven' ekonomicheskogo neravenstv v SSHA [The influence of monetary policy on the level of economic inequality in the United States]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. № (13)5.
5. Dubinin S.K., 2017. Finansializatsiya ekonomicheskogo rosta i rossijskaya nacional'naya finansovaya sistema [Financialization of economic growth and the Russian national financial system]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. Vol. 21. № 4.
6. Zvonova E.A., 2020. Transformatsiya mirovoj ekonomiki i pandemiya [The transformation of the world economy and the pandemic]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economy. Taxes. Law]*. № 13(4).
7. Kavickaya I.L., 2010. Analiz vozdejstviya monetarnogo shoka na ekonomiku: istoriya voprosa i nekotorye novye idei [Analysis of the impact of the monetary shock on the economy: the history of the issue and some new ideas]. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij [Journal of Institutional Research]*. Vol. 2. № 4.
8. Kalomiris Ch., Haber S., 2017. Neprochnye po konstrukcii: politicheskie prichiny bankovskih krizisov i deficita kreditov. [Fragile in construction: the political causes of banking crises and credit shortages]. Moscow.
9. Kuznecov V.S., 2015. Valyutnyj soyuz – budushchee EAES [Monetary Union - the future of the EAEU]. *Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. № 2 (41).
10. Kayasheva E.V., 2012. Rol' finansovoj globalizatsii v sovremennyh mezhdunarodnyh integratsionnyh processah [The role of financial globalization in modern international integration processes]. *Ekonomika. Upravlenie. Pravo [Economy. Management. Law]*. № 12.
11. Kochergin D.A., 2022. Kriptoaktivy: ekonomicheskaya priroda, klassifikatsiya i regulirovanie oborota [Crypto Assets: economic nature, classification and regulation of turnover]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizatsij [Bulletin of International Organizations]*. Vol. 17. № 3. DOI:10.17323/1996-7845-2022-03-04.
12. Levin Yu.A., 2021. Fondovyy i ipotechnyy rynki: tendentsii i posledstviya rosta neobespechennosti finansovogo kapitala [Stock and mortgage markets: trends and consequences of the growth of financial capital insecurity]. *Finansovyy biznes [Financial Business]*. № 6 (216).
13. Maevskij V.I., Malkov S.Yu., Rubinshtejn A.A., 2019. Analiz svyazi mezhdu emissiej, inflyaciej i ekonomicheskim rostom s pomoshch'yu modeli pereklyuchayushchegosya rezhima vosproizvodstva [Analysis of the relationship between emission, inflation and economic growth using a model of switching reproduction mode]. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*. № 8. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-45-66.
14. Meshkova T.A., Moiseichev E.YA., 2015. Mirovye tendentsii razvitiya global'nyh cepochek sozdaniya dobavlennoj stoimosti i uchastie v nih Rossii [Global trends in the development of global value chains and Russia's participation in them]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and practice]*. № 1(85).
15. Moiseev S.R., 2017. Chastnye central'nye banki [Private central banks]. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*. № 7. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-24-41.
16. Solncev O.G., Hromov M.Yu., Volkov R.G., 2009. Instituty razvitiya: analiz i ocenka mirovogo opyta [Institutes of development: analysis and evaluation of world experience]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of forecasting]*. № 2(113).

17. Stiglic J., 2011. Krutoe pike: Amerika i novyj ekonomicheskij poryadok posle global'nogo krizisa [A steep dive: America and the new economic order after the global crisis]. Moscow.
18. Stolbov M.I., 2008. Vliyanie finansovogo rynka na ekonomicheskij rost i delovye cikly [The influence of the financial market on economic growth and business cycles]. *Ekonomika XXI veka [Economics of the XXI century]*. № 8.
19. Stolbov M.I., 2019. K desyatiletiju rynka kriptovalyut: tekushchee sostoyanie i perspektivy [By the Decade of the cryptocurrency market: current state and prospects]. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*. № 5. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-136-148.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10.
Подписано в печать 22.06.2023 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 748

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна